

Экслайн Вирджиния

**Игровая терапия в действии
(Дибс в поиске себя)**

Virginia M.Axline "Dibs in search the self"

Известная книга Вирджинии Экслайн, ведущего специалиста в области игровой психотерапии, представляет собой захватывающее описание реального случая из ее практики. Это волнующая и эмоциональная история о взаимоотношениях терапевта и ее маленького пациента, мальчика со сложной судьбой, который оказался отторгнутым своей семьей. Она свидетельствует о том, что никакие материальные блага не заменят ребенку родительской любви и заботы. Это увлекательное повествование о том, как с помощью мастерства психотерапевта мальчик обретает душевное здоровье, уверенность в себе и способность эффективно взаимодействовать с окружающими.

Вам не обязательно быть психологом, психотерапевтом или даже родителем, чтобы получить удовольствие от прочтения этой книги. Это история, которую вы никогда не забудете.

Для психологов, психотерапевтов, педагогов, воспитателей и других специалистов, а также родителей.

Пролог

Это история о ребенке, познающем себя в процессе психотерапии. О творческом опыте рождения личности маленького мальчика по имени Дибс. О том, как внутри него медленно произрастало новое понимание своей индивидуальности. И, затаив дыхание, он открывал в себе мудрость, которая рассеивала тьму его одиночества подобно тому, как растворяются тени на восходе солнца.

История Дибса - это сложный процесс внутреннего роста, открытия драгоценного дара жизни, омытого солнечным светом его надежд и серыми дождями его печали. Очень медленно и постепенно он осознавал, что безопасность его внутреннего мира не может быть нарушена, так как ключ к нему хранится в глубине его души.

Дибс говорил на языке, бросающем вызов самодовольству многих из нас. Он страдал, чтобы отстоять свое место в этом мире и доказать, что его индивидуальность имеет право на существование. Его история - это история каждого из нас. Через опыт,

обретенный им в игровой комнате, дома и в школе, его личность постепенно росла и развивалась, ненавязчиво и незаметно изменяя жизни тех, кто знал его.

Глава 1

Настало время ленча, время идти домой. Вокруг с шумом бегали дети, бездельничая в ожидании, когда их оденут. Но только не Дибс. Он сидел в углу, повернувшись ко всем спиной, опустив голову и прижав перекрещенные руки к груди, не обращая внимания на царившую вокруг суматоху. Воспитатели ждали. Он всегда вел себя так, когда приходило время идти домой. Мисс Джейн и Хедда помогали другим детям одеться: тайком наблюдали за Дибсом.

Родители забирали своих детей домой, и школа постепенно пустела. Оставшись наедине с Дибсом, воспитатели обменялись взглядами - он по прежнему сидел у стены.

- Повернишься, - сказала мисс Джейн и тихо вышла из комнаты.

- Ну, давай, Дибс. Пора идти домой. Пора обедать, - спокойным голосом начала Хедда.

Дибс не шелохнулся. Его сопротивление было напряженным и упорным.

- Я помогу тебе надеть пальто, - сказала Хедда, приближаясь к нему. Он даже не посмотрел в ее сторону и лишь сильнее прижался к стене, обхватив голову руками.

- Дибс, ну, пожалуйста. Скоро придет твоя мама.

Она всегда приходила поздно, надеясь, что к моменту ее прихода возня с одеванием будет уже закончена и Дибс спокойно отправится с ней домой.

Хедда приблизилась к Дибсу, наклонилась и ласково прикоснулась к его плечу.

- Давай, Дибс, - сказала она нежно, - ты же знаешь, пора идти домой.

Дибс как дикий зверек набросился на Хедду и попытался ударить ее своими маленькими кулачками. Он кричал и старался ее укусить.

- Не пойду домой! Не хочу! Не хочу! - То же самое повторялось каждый день.

- Я знаю, - сказала Хедда, - но ты должен идти домой обедать. Ты ведь хочешь вырасти большим и сильным?..

Внезапно Дибс сдался. Он перестал сопротивляться Хедде и позволил ей натянуть на себя пальто и застегнуть его на все пуговицы.

- Ты вернешься сюда завтра, - ласково сказала Хедда.

Когда мать наконец приходила за Дибсом он уже затихал, и лицо его принимало безразличное выражение, только в глазах еще стояли слезы.

Но иногда сражение длилось значительно дольше и не заканчивалось к приходу матери. В этом случае мать присыпала шофера, чтобы он забрал Дибса. Это был очень высокий и сильный мужчина. Он входил, брал мальчика на руки и нес его к машине, не произнося ни слова. Дибс кусался и колотил его но иногда он вдруг затихал и переставал сопротивляться, как будто признавал свое поражение. Мужчина никогда не разговаривал с Дибсом. Казалось, что ему безразлично дерется ли Дибс или же ведет себя тихо и спокойно.

Дибс находился в этой частной школе уж почти два года. Воспитатели пытались установить с ним хорошие взаимоотношения найти к нему подход. Но у них ничего не получалось. Дибс как будто отгородился от людей, так, по крайней мере, считала Хедда.

Правда, кое-что за это время все-таки изменилось. Когда он только пришел в школу, он не разговаривал и не покидал своего стула. Безмолвный и неподвижный - он мог просидеть так целое утро. Несколько недель спустя он стал отходить от стула и ползать по комнате, изучая предметы, окружающие его. Когда кто-нибудь приближался к нему, он свертывался на полу комочком и не двигался. Он никогда не смотрел человеку прямо в глаза и никогда не отвечал, если кто-то заговаривал с ним.

Посещаемость у Дибса была отличная. Каждый день мать привозила его на машине. Она вводила его, мрачного и притихшего, в здание школы, или шофер

вносил его на руках и опускал на землю только перед самой дверью. Мальчик никогда не кричал и не плакал по дороге в школу. Но, оказавшись перед дверью, он замирал и начинал хныкать, ожидая, пока кто-нибудь придет за ним и отведет в класс. Если он был одет в пальто, то никогда не делал попыток самостоятельно раздеться. Одна из воспитательниц встречала его, снимала с него верхнюю одежду, и он оставался один. Другие дети вскоре начинали деловито возиться небольшими группами или заниматься индивидуально. Дибс же проводил все свое время, ползая вдоль стен, прячась под столами или за пианино и часами разглядывая книги.

В поведении Дибса было нечто такое, что мешало воспитателям применить к нему стандартную мерку, определить его простыми и привычными словами. Его поведение было таким разным. Иногда он вел себя как умственно отсталый. Но бывали моменты, когда он мог быстро и аккуратно делать что-нибудь, что указывало на достаточно высокий уровень интеллекта. Но, если он замечал, что кто-то наблюдает за ним, он тут же погружался в себя. Большую часть времени он ползал вдоль комнаты, прятался под столами, покачивался из стороны в сторону, сосал большой палец, а если кто-то из детей или воспитателей пытался вовлечь его в игру, он ложился на пол и переставал двигаться. Должно быть, он был очень одинок в этом мире, казавшемся ему холодным и неприветливым.

Когда кто-либо пытался заставить его делать то, чего он не хотел, или приходило время идти домой, у него начинались характерные истерики. Воспитатели решили, что будут стараться вовлекать его в совместные игры с другими детьми, но никогда не заставлять его делать что-нибудь, за исключением тех моментов, когда это действительно необходимо.

Они предлагали ему книги, игрушки, конструктор - все, что могло бы заинтересовать ребенка. Он ничего не брал из рук. Но если предмет лежал на столе или на полу рядом с ним, то вскоре он подползал к нему и начинал осторожно исследовать. Особенно его интересовали книги. Он всегда внимательно и подолгу изучает каждую страницу, «как будто умеет читать», как говорит Хедда.

Иногда воспитатели сидели рядом с ним и читали сказки или говорили о чем-нибудь, в то время как Дибс лежал на полу лицом вниз, никогда не уползая, но и не поднимая взгляд и не проявляя ни малейшего интереса. Мисс Джейн часто проводила время с Дибсом подобным образом. Она рассказывала ему о разных вещах, которые держала в руках, и объясняла, как они действуют. Однажды она принесла магнит и показала, как он притягивает металлические предметы. В другой раз она предложила ему потрогать камень. Она рассказывала обо всем понемногу в надежде зажечь искру интереса в этом ребенке. Она говорила, что иногда чувствовала себя глупо - как будто разговаривала сама с собой, но что-то в безмолвной неподвижности Дибса подсказывало ей, что он ее слушает. И она часто спрашивала себя - что же она упускает в общении с ним?

Воспитатели были совершенно озадачены поведением Дибса. Школьный психолог обследовал его и пытался несколько раз протестировать, но Дибс оказался не готов к тестированию. Школьный педиатр тоже осмотрел его несколько раз и в отчаянии опустил руки. Дибс волновался при виде людей в белых халатах и не подпускал их к себе. Он прижался спиной к стене и выставлял руки так, словно показывал, что готов сопротивляться и будет драться, если кто-либо попытается приблизиться.

- Он странный, - сказал о нем педиатр. - Кто знает? Умственная отсталость? Психотик? Повреждение мозга? Едва ли кто-то сможет подойти к нему настолько близко, чтобы определить, отчего у него тик.

Это была престижная частная школа для детей от трех до семи лет, не предназначенная для умственно отсталых или имеющих эмоциональные расстройства детей. Она располагалась в красивом старинном особняке на Ист Сайд, и обычно в нее обращались родители одаренных и общительных детей.

Мать Дибса уговорила директора школы принять ребенка, употребив все свое влияние на попечительский совет. Дядя Дибса пообещал крупное вознаграждение школе, и благодаря такому давлению мальчик был принят в группу детского сада. Воспитатели неоднократно пытались убедить мать Дибса в том, что он нуждается в профессиональной помощи. Однако ее ответ был всегда одинаков: «Дайте ему больше времени».

Прошло почти два года, и, хотя наметилось некоторое улучшение, воспитатели понимали, что этого недостаточно. Они только надеялись, что однажды он выйдет из своей раковины и научится доверять окружающему миру. Они часто обсуждали Дибса - не было дня, чтобы они не говорили о нем, - но эти разговоры всегда расстраивали их, так как они понимали, что не знают, как ему помочь. И вообще, ему всего пять лет. Может ли он осознавать то, что происходит вокруг него? Почему он держит все в себе? Он так внимательно рассматривает книги, что можно подумать, он умеет их читать. Но это же смешно, говорили они себе. Как ребенок может читать, если он не умеет выражать свои мысли вслух? Может, он умственно отсталый? Его поведение не подтверждало подобных подозрений. Живет ли он в мире собственных переживаний? Может, он аутист? Выходит ли он на контакт с окружающим миром? Скорее всего, его внутренний мир был травмирован реальностью, не приносившей ничего, кроме боли. Кто знал, возможно, этот мир казался ему ареной для борьбы, выходя на которую, человек испытывает невыносимые страдания.

Отец Дибса был известным ученым, блестящим ученым, как сказали бы те, кто его знал. Но в школу он не заходил ни разу. Младшая сестра Дибса не посещала эту школу, но ее мать убеждала всех, что Дороти очень одаренный и замечательный ребенок. Однажды Хедда встретила Дороти вместе с матерью в Центральном парке. Дибса не было с ними. Хедда сказала другим воспитателям, что, по ее мнению, «замечательная Дороти» всего лишь избалованный ребенок. Хедда очень симпатизировала Дибсу и поэтому несколько предвзято оценивала его сестру. Она верила в Дибса и надеялась, что однажды он выйдет на свободу из своего заключения: страх и отчаяние покинут его.

В конце концов было решено, что надо что-то делать с Дибсом. Некоторые родители и раньше жаловались на его присутствие в школе, но после того, как он поцарапал и покусал некоторых детей, эти жалобы участились.

В этот период меня пригласили в школу на заседание, посвященное проблеме Дибса. Я - клинический психолог и специализируюсь на работе с детьми и их родителями. Впервые я услышала о Дибсе на этой встрече, и все, что я описала в этой главе, написано со слов воспитателей, школьного психолога и педиатра. Они предложили мне встретиться с Дибсом и его матерью, и потом высказать свое мнение администрации до того, как будет принято окончательное решение - исключать его из школы как не поддающегося воспитанию или разрешить ему остаться.

Я с интересом слушала все замечания и была поражена тем действием, которое оказывал Дибс на этих людей. Они были удручены и расстроены его необычным поведением: он держался так, как будто бросал им вызов. Он противостоял всему миру и отвергал тех, кто пытался стать ему ближе. Его боль стала болью этих людей, которые чувствовали пустынный холод одиночества, царивший в его душе.

- Я встречалась с его матерью на прошлой неделе, - обратилась ко мне мисс Джейн, - я сказала, что нам, возможно, придется исключить его из школы, потому что мы делали все, чтобы помочь ему, но нашей помощи недостаточно. Она очень расстроилась, но согласилась, чтобы мы пригласили консультанта и еще раз попытались понять, что происходит с ребенком. Я рассказала ей о вас, и мы договорились, что она встретится с вами в школе, ответит на ваши вопросы и вы сможете осмотреть Дибса. Она еще сказала, что она и ее муж принимают тот факт, что их ребенок, возможно, умственно отсталый или имеет повреждение мозга. Поэтому попросила нас порекомендовать ей хорошую частную школу для умственно отсталых детей, где ему смогут обеспечить надлежащий уход.

Такие рассуждения крайне не понравились Хедде, и она взорвалась:

- Она скорее поверит, что он умственно отсталый, чем признает, что ему не хватает тепла и любви, и, может быть, именно она ответственна за это!
- Нам трудно быть объективными по отношению к нему, - сказала мисс Джейн. - Я думаю, это объясняется тем, что мы заботились о нем так долго и так много сделали, чтобы добиться того небольшого прогресса, которого он достиг. Мы не можем отвернуться от него, но и защитить его не можем. Мы не способны говорить о Дибсе, не принимая во внимание нашего теплого отношения к нему. Мы даже не уверены, что наше отношение к его родителям оправдано.
- Я убеждена, что он на грани, - сказала Хедда, - и не думаю, что он сможет продержаться так слишком долго.

В этом ребенке было что-то, что привлекало их и пробуждало неподдельный интерес. Я ощущала воздействие его личности. Я видела, как они сочувствуют этому ребенку. Для меня вдруг стала очевидной ограниченность наших возможностей при описании индивидуальности, которая не умещается в привычные и короткие фразы. Я оценила уважительное отношение к этому ребенку, которым была пронизана вся встреча.

Было решено, что я проведу с Дибсом серию сеансов игровой терапии, - конечно, если его родители дадут свое согласие. Мы не знали тогда, что эта история с Дибсом будет иметь продолжение.

Глава 2

Ночью сумеречный свет размывает четкие линии реальности и переносит нас в мир приятной неопределенности. И уже не важно, белое все или черное. Не важно, что мы видим на самом деле, так как в ночи отсутствует тот ослепительный свет очевидных доказательств, в котором один видит вещи такими, какие они есть, а другой знает ответы на все вопросы. Темнеющее небо расширяет наше внутреннее пространство, давая возможность проявиться эмоциональной доброжелательности, смягчая наши взгляды, снимая обвинения. Все, что мы видим в таком свете, кажется нам обладающим огромным числом возможностей, и даже безусловное становится двусмысленным. Это создает благодатную почву для наших сомнений, на которой они могут произрастать достаточно долго для того, чтобы вынудить нас пересмотреть наши воззрения и понять ограниченность людских оценок. Процесс сужения или расширения пределов личности не может быть достоверно оценен другими людьми. Стремясь понять личностный рост через призму личностного опыта, мы даем человеку возможность увидеть и ощутить, как разнообразны и изменчивы мнения окружающих. И тогда только самосознание становится для него определяющим фактором. Тогда он с большей готовностью примет тот факт, что сутью этого призрачного мира являются проекции наших собственных мыслей, отношений, эмоций и потребностей. Возможно, это облегчит понимание того, что, даже не обладая достаточным количеством знаний для объяснения поступков других людей, мы можем принять, что каждый индивид имеет свой, внутренний мир, познаваемый только в его целостности и через уважение достоинства личности.

Из этой встречи я вынесла чувство уважения к этому ребенку и большой энтузиазм при мысли о предстоящей встрече с ним. Я как будто подхватила заразительное ощущение самодовольства и спокойной уверенности в том, что я не оставлю надежду помочь этому ребенку, пока не попытаюсь еще раз, хотя бы еще один раз, открыть дверь нашему нынешнему уровню понимания подобных проблем, которого явно недостаточно. Мы не знаем ответы на все вопросы, касающиеся умственного здоровья людей. Мы только знаем, что наши впечатления недолговечны и изменчивы. Поэтому мы ценим объективность, спокойствие, последовательность. Мы знаем, что исследование - это чарующая комбинация наших подозрений, размышлений, субъективных оценок, надежд и мечтаний, смешиваемая в точной пропорции с объективно собранными данными, в основе

которых лежат математические науки. Одно без другого будет неполным. Но вместе они медленно, но верно продвигаются по дороге в поисках истины, стремясь отыскать ее, где бы она ни находилась.

Итак, скоро я увижу Дибса. Я пойду в школу и понаблюдаю за ним в группе вместе с другими детьми. Попытаюсь побывать с ним немного наедине. Затем я нанесу визит к его матери. Мы должны договориться и назначить время нашей следующей встречи в Детском Центре. Я могла работать только там.

Мы искали решение проблемы и знали, что этот дополнительный опыт будет лишь мимолетным взглядом на внутреннюю жизнь этого ребенка. Это была еще одна попытка ухватиться за нить, которая поможет распутать этот клубок и расширит наше понимание истоков проблемы Дибса.

Когда я спустилась на Ист Ривер Драйв, я подумала о тех детях, которых я знала. Детях, которые были несчастливы. Они с достоинством пытались отстоять свою индивидуальность, но каждый раз их попытки оканчивались неудачей. Их не понимали, но они снова и снова старались стать личностями. Они учились выражать свои чувства, мысли, фантазии, мечты и надежды, в каждом из них росли новые горизонты. Я знала детей, которые смогли справиться со своим страхом и отчаянием. Они смогли разрушить ту стену, которую возвели вокруг себя, чтобы защититься от окружающего мира, который казался им слишком опасным и жестоким. Некоторые из них становились сильнее и обретали способностьправляться с собой более конструктивными способами. Но некоторые не смогли сопротивляться влиянию безжалостного случая. И этому трудно найти подходящее оправдание. Сказать, что эти дети оказались неприспособленными, значит ничего не добавить к нашему пониманию внутреннего мира детей. Слишком часто термины, которые мы используем для обозначения их проблем, являются лишь ярлыками, которые мы навешиваем на них, чтобы оправдать наше бессилие или равнодушие. Если мы хотим приблизиться к правде, мы должны глубже смотреть в причины наших поступков.

Я решила, что отправлюсь в школу завтра утром. Я позвоню матери Дибса и попрошу, чтобы наша встреча состоялась так скоро, как это возможно. Я увижу Дибса в следующий вторник в комнате игровой терапии в Детском Центре. И чем все это закончится? Если он не решится сломать стену, которую так крепко и тщательно возвел вокруг себя (а скорее всего так и будет), я должна буду найти другой подход. Иногда то, что хорошо работает с одним ребенком, совершенно не подходит другому, но мы и не ждем, что это будет легко. Мы не называем случай безнадежным, пока не попробуем что-нибудь новое, пока не исчерпаем все наши ресурсы в попытке найти особый, индивидуальный подход к ребенку. Некоторые думают, что это плохо - хранить надежду в то время, когда для этого нет никаких оснований. Но мы не надеемся на чудо. Мы стараемся найти решение и верим, что понимание приведет нас к открытию более эффективных путей помощи развивающейся личности и более эффективному, конструктивному использованию ее возможностей. Исследование продолжается, и мы продолжаем наши поиски, чтобы преодолеть холодную пустыню нашего безразличия.

На следующее утро я пришла в школу раньше детей. Комнаты детского сада были яркими, хорошо обставленными и поднимали настроение.

- Дети скоро придут, - сказала мисс Джейн. - Мне очень интересно узнать ваше мнение о Дибсе. Я надеюсь, ему можно помочь. Я очень волнуюсь за него. Вы знаете, когда ребенок умственно отсталый, это проявляется в его поведении, в его поступках, в его интересах. Но Дибс? Мы никогда не можем определить, в каком он настроении. Единственное, что мы знаем точно, он никогда не улыбается. Ни один из нас не видел его улыбки. Или даже слабого ее подобия. Это одна из причин, почему мы думаем, что его проблемы лежат гораздо глубже, нежели в умственной отсталости.

Школа начала наполняться детьми. Многие из них улыбались. Было видно, что им здесь радостно и уютно. Они весело здоровались друг с другом и с воспитателями. Некоторые заговаривали со мной, спрашивали, как меня зовут и что я здесь делаю. Они снимали свои шапочки и пальто и вешали в свои шкафчики. Сначала

они вели себя так, как им нравится. Дети возились с игрушками и играли друг с другом очень спонтанно.

Наконец привели Дибса. Его мать ввела его в комнату. Я видела ее мельком, так как она быстро сказала что-то мисс Джейн, попрощалась с Дибсом и ушла. Он был одет в серое твидовое пальто и шапку. Он стоял там, где его оставила мама. Мисс Джейн заговорила с ним и спросила, не хочет ли он раздеться. Он не ответил ей. Он выглядел старше своего возраста. Его лицо было очень бледным. Когда мисс Джейн сняла с него шапку, я отметила, что у него черные вьющиеся волосы. Его руки безвольно висели по бокам. Мисс Джейн помогла ему снять пальто. Он не помогал ей. Она убрала его одежду в шкафчик.

Она подошла ко мне и тихо сказала:

- Вот, это и есть Дибс. Он никогда не раздевается сам, так что это для нас обычное дело. Иногда мы стараемся вовлекать его в игры с другими детьми или давать ему какие-то задания. Но он отвергает все наши попытки. Сегодня мы не будем его трогать, и вы сможете понаблюдать, что он будет делать. Он может долго-долго стоять на одном месте. Или начать ходить от одной вещи к другой. Иногда он слоняется по комнате и его взгляд скользит по предметам, ни на чем не останавливаясь. А потом вдруг сосредотачивается на чем-нибудь и стоит так около часа. Все зависит от того, как он себя чувствует.

Мисс Джейн отправилась к детям. Я наблюдала за Дибсом, стараясь не показывать, что все мое внимание сосредоточено на нем.

Он стоял на том же месте, где его оставили. Потом очень медленно и осторожно повернулся. Он вскинул руки вверх в каком-то тщетном жесте отчаяния и в изнеможении опустил их. Потом снова повернулся. Я оказалась в поле его зрения, если бы он захотел, то мог увидеть меня. Он вздохнул, закусил губу, по-прежнему стоя на том же месте.

Один мальчик подбежал к нему.

- Эй, Дибс! Пойдем играть! - закричал он.

Дибс кинулся на мальчика. Он мог бы поцарапать его, если бы тот быстро не отскочил.

- Кот! Кот! Кот! - начал дразниться мальчишка.

Мисс Джейн подошла и попросила мальчика пойти в другую половину комнаты и играть там.

Дибс начал двигаться вдоль стены и остановился перед столиком, на котором лежали камни, ракушки, куски угля и другие минералы. Очень осторожно он брал сначала один предмет, потом другой. Он прикасался к нему кончиками пальцев, дотрагивался им до щеки, нюхал, пробовал на вкус, а потом так же бережно ставил на место. Он бросил быстрый взгляд в мою сторону. Потом он отвернулся, залез под стол и устроился там, почти скрывшись из виду.

В это время другие дети расставили стульчики вокруг воспитательницы. Они показывали друг другу, что принесли с собой в школу и делились некоторыми новостями, которые казались им особенно важными.

Воспитательница рассказала им историю, они спели несколько песен.

Дибс не выполз из-под стола. Из своего наблюдательного пункта он, если хотел, мог видеть и слышать все, что происходит в кругу. Выпадал ли он из совместной деятельности его группы, когда сидел в своем укрытии под столом? Трудно сказать. Он оставался под столом до тех пор, пока кружок не распался и дети не отправились заниматься чем-нибудь другим. Тогда он тоже покинул свое убежище. Он полз вокруг комнаты, оставаясь поблизости от стен, и останавливался, чтобы изучить предметы, которые встречались на его пути. Когда он достиг широкого подоконника, на котором стояли террариум и аквариум, он поднялся, и стал пристально рассматривать массивные квадратные стеклянные контейнеры. Время от времени он протягивал руку и прикасался к чему-нибудь в террариуме. Его движения были точными и легкими. Оностоял там около получаса, полностью погрузившись в созерцание. Затем он продолжил свое путешествие по комнате. Он прикасался к вещам быстро и осторожно, потом откладывал их и брал другие.

Когда он добрался до книжного уголка, он потрогал книги, лежавшие на столе, выбрал одну из них, принес стул, протащив его через всю комнату в угол, и уселся на него лицом к стене. Он открыл книгу и начал тщательно изучать каждую страницу. Читал ли он? Или только рассматривал картинки? Одна из воспитательниц подошла к нему.

- Я вижу, ты смотришь книгу о птицах, - обратилась она к Дибсу. - Ты не хочешь рассказать мне что-нибудь о них?

Ее голос был очень нежным и добрым. Дибс отбросил книгу в сторону, бросился на пол лицом вниз и замер, словно окоченев.

- Извини, - сказала воспитательница, - я не хотела тебя обидеть.

Она подняла книгу, положила ее на стол и подошла ко мне.

- Это его обычная реакция. Мы привыкли не беспокоить его, но я хотела, чтобы вы увидели это сами.

Дибс, лежа ничком, повернул голову так, что мог видеть воспитательницу. Мы сделали вид, что не обращаем на него никакого внимания. Наконец он встал и начал медленно прогуливаться вдоль комнаты. Он дотрагивался до красок, цветных карандашей, клея, гвоздей, молотка, дерева, барабана. Он брал их в руки и возвращал на место. Остальные дети занимались своими делами, не уделяя Дибсу никакого внимания. Он избегал любого физического контакта с ними, и они оставили его в покое.

Настало время прогулки. Воспитательницы предупредили меня, что он может пойти, а может и отказаться, это зависит от его настроения. Мисс Джейн громко объявила, что пора на прогулку, а потом подошла к Дибсу и спросила, хочет ли он идти со всеми.

- Не пойду, - ответил он низким, тяжелым голосом.

Я решила, что пойду на прогулку вместе со всеми, - уж больно хороший был день. Я надела свое пальто.

Вдруг Дибс произнес:

- Дибс пойдет гулять. Воспитательница помогла ему одеться. И он неуклюже вышел во двор. У него была плохая координация движений. Казалось, что он скован не только эмоционально, но и физически.

Дети играли в песочнице, качались на качелях, ездили на велосипедах, лазили по спортивной лестнице, играли в мяч и в прятки. С удовольствием бегали и прыгали. Но Дибс не принимал в этом участия. Он ушел в дальний угол двора, подобрал маленькую палочку и стал возить ею назад и вперед по грязи, делая небольшие бороздки. Назад и вперед. Назад и вперед. Не обращая никакого внимания на остальных. Полностью погрузившись в свою деятельность. Тихий. Одинокий. Далекий.

Мы решили, что когда дети вернутся с прогулки и немного отдохнут, я заберу Дибса в игровую комнату в конце холла. Конечно, если он согласится пойти со мной.

Когда воспитательница позвонила в колокольчик, все дети собрались вокруг нее и отправились в класс. Даже Дибс пошел с ними. Мисс Джейн помогла ему снять пальто, но на этот раз он сам снял шапку и протянул ей. Воспитательница включила запись с легкой расслабляющей музыкой. Каждый ребенок достал свой коврик и расстелил его на полу. Дибс тоже достал свой коврик, но унес его в дальний конец комнаты и развернул его под столом с книгами, на большом расстоянии от других детей. Он лег на коврик лицом вниз и стал сосать свой большой палец. В комнате воцарилась тишина, все отдыхали.

О чём он думал, погружаясь в свой мир? Что он чувствовал? Почему он так вел себя? Что такого могло произойти с этим ребенком, что он так отдалился от людей? Сможем ли мы пробиться к нему? Сделать так, чтобы он услышал нас?

После небольшого отдыха дети убрали свои коврики. Дибс свернулся своей коврик и убрал на свободное место на полке. Дети разбились на небольшие группы. Одна группа занималась строительством, собирала из готовых частей дом. Другая - рисовала и лепила из глины.

Дибс стоял у двери. Я подошла к нему и спросила, не хотел бы он пойти в маленькую игровую комнату в конце коридора и побывать там некоторое время со мной. Я протянула ему свою руку. Несколько секунд он колебался, потом молча взял мою руку и отправился со мной в игровую. Когда мы открыли дверь комнаты, он пробормотал что-то, но так тихо, что я ничего не расслышала. Я не стала просить его повторить то, что он сказал, только напомнила, что игровая находится в конце коридора. Мне было очень интересно, какова будет его реакция. Он вышел из комнаты спокойно, не оглянувшись.

Но при этом он сильно сжимал мою руку. Он был очень напряжен. Но, как это ни странно, он продолжал идти со мной.

В конце холла располагалась маленькая комната, оборудованная как комната для игровой терапии. Она была не слишком привлекательной. Темная и холодная, без ярких цветов и украшений. Маленькое окно пропускало немного света с улицы, но его было недостаточно. Стены были выкрашены в грязно-желтый цвет, краска была нанесена неровно, с разводами. Пол был покрыт коричневым линолеумом. В комнате пахло влажной штукатуркой, сырьем песком и акварельной краской.

Игрушки лежали на столе, на полу, на полках, расставленных вдоль комнаты. На полу стоял кукольный домик. Каждая комната в доме была обставлена соответствующим типом мебели. Перед кукольным домом сидела семья кукол - мама, пapa, мальчик, девочка и малыш, - а рядом в открытой коробке лежали миниатюрные принадлежности для кукол. Несколько резиновых животных стояло рядом - лошадь, собака, кошка, слон, кролик. Там же были игрушечные машины, самолеты и конструктор. В одной из коробок лежали кастрюли, ложки, вилки, миски. На столе стояла банка с глиной, краски и бумага для рисования. На полке - детская бутылочка, наполненная водой. На стуле сидела большая тряпичная кукла, а в углу стоял надутый резиновый ванька-встанька. Если по нему ударить, он сильно отклоняется в сторону, но всегда возвращается в исходное положение. Игрушки были изготовлены прочно, но выглядели так, как будто ими долго пользовались. Они были потрепаны и протертые.

Все предметы, находящиеся в этой комнате, были рассчитаны на то, чтобы любой ребенок смог бы отыскать себе что-нибудь по вкусу. Вещи очень дорогие или хрупкие отсутствовали. Ко всем вещам можно было прикоснуться, ударить их, кинуть - в общем, делать все, что захочется. Игрушки как будто ждали детей, предлагая им от души повеселиться. Многообразие предметов было рассчитано на то, чтобы каждый ребенок смог найти что-нибудь для проявления своих желаний и возможностей. Ребенок, находясь здесь вне привычного круга сверстников или взрослых, мог свободно выражать свои чувства, освобождаясь от страха, раздражения, обиды, обретая уникальный эмоциональный опыт. Он мог свободно владеть всем, что окружало его, - звуками, формами и цветами, он мог переделывать этот маленький мир так, как он считал нужным, сужая или расширяя его до необходимой величины.

Итак, мы вошли в эту комнату, и я приступила к делу.

- Мы проведем здесь вместе целый час. Ты можешь брать любые игрушки и предметы. Здесь ты сам решаешь, что тебе делать.

Я села на маленький стул около двери. Дибс повернулся ко мне спиной, встал посередине комнаты и замер, безвольно свесив руки по бокам. Я ждала. У нас впереди был целый час. И при этом не было необходимости говорить что-нибудь или делать. Он мог все это время простоять молча, ни разу не пошевелившись. Это не имело здесь значения.

Комната была небольшой, но все же достаточно просторной для ребенка. Если бы ему вдруг захотелось спрятаться, он мог залезть под стол. При желании он мог сесть на маленький стульчик. Вокруг было море игрушек, но он продолжал стоять на месте. Наконец он глубоко вздохнул, медленно повернулся и обошел комнату. Он переходил от одной игрушки к другой, прикасался к ним и шел дальше. Порой он бросал короткие взгляды в мою сторону, но тут же отворачивался. Он избегал смотреть мне в глаза. Он двигался очень медленно, его движения были

заторможенными. Во всем его облике не было и намека на радостное восприятие жизни.

Он подошел к кукольному домику, провел рукой по его крыше, наклонился и заглянул внутрь. Затем стал вынимать оттуда предметы, один за другим, и называть каждый предмет низким и невыразительным голосом.

- Кровать? Стул? Стол? Детская кроватка? Кухонный шкаф? Радио? Ванная? Туалет?

Назвав предмет, он ставил его обратно. Потом он свалил в кучу всех членов кукольной семьи. Отделил мужчину, женщину, мальчика, девочку и младенца, так же методично называя игрушки:

- Мама? Папа? Мальчик? Девочка? Малыш?

Потом расставил животных:

- Собака? Кошка? Кролик?

Он тяжело вздохнул, называл игрушки по нескольку раз. Создавалось впечатление, что он бьется над решением какой-то очень сложной задачи. Каждый раз, когда он называл какой-нибудь предмет, я пыталась соединить мое восприятие с его словом, и повторяла:

- Да, это кровать. Думаю, кухонный шкаф не похож на кролика.

Я старалась отвечать ему в тон, коротко, сохраняя те же интонации. Таким образом мы как бы общались по поводу каждого предмета, который он называл. Так началось наше общение.

Он сел перед кукольным домиком и стал молча изучать его. Я не вмешивалась. Если ему хотелось сидеть молча, надо было дать ему такую возможность. Слишком часто взрослые берут инициативу на себя, перебивая тем самым детскую активность. Я рассчитывала, что Дибс все-таки возьмет инициативу в свои руки.

Он сложил руки на груди и несколько раз повторил:

- Не закрывайте дверь! Не закрывайте дверь! Не закрывайте дверь!

Его поза и голос выражали крайнюю степень отчаяния. Казалось, что он вот-вот зарыдает.

- Дибсу не нравится, когда двери закрыты.

- Тебе не нравится, что двери заперты?

- Дибсу не нравятся закрытые двери. Дибс не нравятся закрытые двери. Дибсу не нравятся стены, - его голос опустился почти до шепота.

Вероятно, в его памяти хранился какой-то негативный опыт, связанный с запертыми дверьми. Он начал убирать кукол из дома с того места, на которое он их положил, и кричать:

- Иди в кладовую! Иди в кладовую! Иди в кладовую!

- Мама должна идти в кладовую, и папа и сестра, - прокомментировала я его действия.

Он быстро убрал их из дома, а потом решил убрать стены. Разбирая домик, он повторял:

- Дибс не любит стены. Дибс не любит стены.

Получалось, что в игровой он убирал те стены, которые воздвиг вокруг себя. Он играл очень напряженно. Когда прошел час, я сообщила ему об этом, сказав, что уже пора возвращаться в класс.

- Мы здесь уже на пять минут больше, - напомнила я. - Нам пора идти в группу.

Он сидел на полу перед домом. Он не ответил мне и даже не пошевелился. Я тоже молчала. Прошло 5 минут. Нам пора было возвращаться.

Я не стала спрашивать его, хочется ли ему уходить. Наше время вышло. Я не стала спрашивать, хочет ли он вернуться сюда опять. Не следовало связывать себя обещаниями, ведь окончательного решения принято не было, мне еще не дали согласия на работу с ним. Я не знала, увижу ли я с ним на следующей неделе или когда-нибудь еще, ведь у меня не было договоренности с его матерью. Этот ребенок обладал очень болезненным восприятием, и не следовало давать ему обещания, в исполнении которых я была неуверена.

Прошло 5 минут. Я поднялась.

- Дибс, нам пора идти.

Он медленно поднялся, взял мою руку и мы вышли в холл. Дверь его класса была открыта, и когда мы прошли полпути, я спросила его, может ли он дойти до класса один.

- Могу, - ответил он, отпустил мою руку и пошел к классу один.

Я надеялась, что в будущем он сможет стать еще более уверенным и самостоятельным. Я верила в него, верила, что все у него получится. Если бы он решил, что слишком много доверил мне для первого раза, он заколебался бы и нуждался в моей поддержке, мне пришлось бы довести его до класса. Но он справился сам.

- До свидания, - сказала я ему вслед.

Он кивнул, словно показывая мне, что услышал мои слова. Он пересек холл, подошел к двери и оглянулся. Я помахала ему рукой. На его лице отразился интерес и легкое недоумение. Было видно, что мой жест приятно удивил его. Он вошел в комнату и плотно закрыл за собой дверь.

За первую встречу я достигла многого. Я смогла установить с ним контакт. Он проявил самостоятельность - сам пошел в свой класс. Для меня это было очень важно. Я хотела помочь ему обрести эмоциональную независимость, но при этом нужно было вести себя так, чтобы он не стал зависимым по отношению ко мне. Какое бы направление ни приняла наша дальнейшая работа, он сам должен был научиться решать свои проблемы. Только он сам мог изменить себя.

После этой встречи я поняла, почему воспитатели и другие работники школы не воспринимали его как безнадежного неудачника. У этого ребенка были большие задатки. Я в полной мере ощутила его силу и способности. Так же, как и те, кто учил его и занимался с ним.

Глава 3

Я позвонила матери Дибса и попросила, чтобы наша встреча состоялась как можно быстрее. Она ждала моего звонка и сказала, что будет очень рада, если я смогу прийти к ним на чай завтра, в 4 часа. Я поблагодарила ее за приглашение и пообещала, что обязательно приду.

Его семья жила в одном из старых кирпичных домов в богатом районе на Ист Сайд. Дом сохранился в идеальном состоянии. Двери были отполированы до блеска, а латунные ручки просто сияли. Он находился на старой красивой улице и напоминал те времена, когда повсюду возводились такие особняки. Я открыла стальные ворота, поднялась по ступенькам и нажала на кнопку звонка. Через закрытую дверь я отчетливо слышала приглушенные крики: «Не закрывайте дверь! Не закрывайте дверь! Нет! Нет! Нет!» Этот голос странно звучал в царившей вокруг тишине. Стало ясно, что Дибс не сможет присоединиться к нам за чаем.

Дверь открыла горничная. Я представилась, и она пригласила меня пройти в гостиную. Горничная выглядела очень опрятной и серьезной женщиной, по-видимому, она проработала в этом доме много лет. Она была так официальна, подтянута и строга, что я подумала, а улыбается ли она когда-нибудь? Видит ли она что-нибудь светлое и доброе в этой жизни? Как бы то ни было, она была очень дисциплинирована и тщательно скрывала свои чувства и эмоции.

Мать Дибса встретила меня доброжелательно, но сдержанно. Мы обменялись привычными замечаниями о погоде и о том, что наконец-то представилась возможность познакомиться. Дом был обставлен великолепно и с большим вкусом. Но гостиная выглядела так, как будто в ней никогда не заглядывали дети. Создавалось впечатление, что в доме никто не жил.

Принесли чай. Сервировка была восхитительной. Но мать Дибса не стала занимать время пустыми разговорами и сразу приступила к делу.

- Я понимаю, вас пригласили в качестве консультанта, чтобы вы обследовали Дибса. Очень мило с вашей стороны, что вы согласились взяться за этот случай. Я

хочу, чтобы вы знали - мы не ждем чудес. Мы осознаем всю глубину трагедии Дибса. Я знаю кое-что о сфере вашей профессиональной компетенции и хочу заверить вас, что испытываю большое уважение к исследованиям, проводимым во всех областях науки. В том числе и в науке о поведении человека. Мы не надеемся, что Дибс изменится. Но если, изучая этого ребенка, вы сможете хотя бы немного продвинуться в понимании человеческого поведения, то мы более чем согласны на сотрудничество с вами.

Это было невыносимо. Она предлагала мне для исследования интересный случай. Не ребенка, у которого проблемы. Не своего сына. А всего лишь интересный случай. Я подумала, что очень удобно с ее стороны не ожидать никаких изменений, проще оставить все так, как есть. Я слушала, как она кратко излагает основные сведения о своем ребенке. Дата его рождения. Медленное развитие. Очевидная умственная отсталость. Предположения об органических нарушениях. Она сидела в кресле, почти не двигаясь. Напряженная. Тщательно контролирующая каждое свое слово. Ее бледное лицо обрамляли уже седеющие волосы, аккуратно разделенные на пробор и собранные в пучок на затылке. На меня смотрели чистые, ярко-голубые глаза. Ее тонкие губы были плотно сжаты. Темное платье стального цвета было классически простым. Она была красивой женщиной, и было непросто определить, сколько ей лет. Она ясно и корректно излагала свои мысли. Она хотела казаться уверенной и сильной, но, вероятнее всего, была так же несчастлива, как и Дибс.

Она поинтересовалась, согласна ли я заниматься с Дибсом в его игровой, наверху, в задней части дома.

- Она располагается наверху, так что никто не будет вам мешать. У него очень много игрушек. И мы с радостью предоставим вам все материалы, которые вам понадобятся.

Я прервала ее:

- Спасибо, но будет лучше, если я встречусь с Дибсом в игровой комнате Детского Центра. Сеансы будут проводиться раз в неделю в течение одного часа.

Было ясно, что ей это предложение не понравилось. Она попыталась еще раз.

- У него в комнате много чудесных игрушек. Мы хорошо заплатим, если вы согласитесь приходить сюда.

- Простите, но это невозможно, - ответила я. - Вся работа будет проведена бесплатно.

- Но мы можем хорошо заплатить вам, - настаивала она. - Я уверяю, что вы получите большой гонорар за эту работу.

- Это очень мило с вашей стороны, - ответила я, - но в этом нет необходимости. Все, о чем я прошу, это проследить, чтобы Дибс посещал Центр регулярно и приходил вовремя. За исключением тех случаев, когда он болен. Я хотела бы получить ваше письменное разрешение на запись всех наших бесед для нашей работы. Я дам вам письменное подтверждение того, что в случае использования этого материала для обучения или публикаций вся информация будет изменена таким образом, чтобы никто не узнал и даже не мог догадаться, что речь идет о Дибсе.

Я протянула ей договор, который был составлен еще до нашей встречи. Она внимательно его изучила.

- Хорошо, - сказала она наконец. - Могу я оставить его себе?

- Конечно. Вы и ваш муж можете внимательно просмотреть этот документ. Мне необходимы подписи, подтверждающие ваше согласие на запись всех бесед, при условии, что они когда-нибудь могут быть опубликованы.

- Я хочу оставить эту бумагу себе и обсудить ее с моим мужем. Мы сообщим, если решим принять ваше предложение.

- Конечно, и я буду очень признательна, если вы дадите мне знать сразу, как только решите что-нибудь.

Она держала этот листок кончиками пальцев и нервно покусывала губы. Эта ситуация сильно отличалась от обычной для меня первой встречи с матерью. Могу представить, как тяжело ей было решиться на эту сделку и допустить, чтобы ее

сын посещал нашу игровую комнату. Но я чувствовала, что это мой последний шанс, иначе Дибс никогда не переступит порог Детского Центра.

- Я дам вам знать сразу, как только мы что-нибудь решим, - произнесла она после долгой паузы.

Мое сердце учащенно забилось. Она могла использовать отсрочку как способ уклониться от встреч. Но если она даст согласие, то возьмет на себя определенные обязательства, и должна будет выполнять условия договора. Если она не примет на себя эту ответственность, мы не сможем рассчитывать на необходимую регулярность посещений.

- И все-таки я не понимаю, почему, когда семья может предложить высокую плату за ваши услуги (а многие родители не могут себе этого позволить), вы отказываетесь, - произнесла она после продолжительной паузы.

- Потому что моя работа - это прежде всего исследования, направленные на расширение наших знаний о природе детства. И я получаю жалование за свою работу. Это исключает возможность дополнительной оплаты или оказания услуг за деньги. Если вы хотите внести свой вклад в исследования, проводимые в Центре, вы можете сделать это, но безотносительно к вашему конкретному случаю. Исследования финансируются только таким образом.

- Понимаю. Но я все еще готова платить вам.

- Я знаю и высоко ценю это. Но я могу встретиться с Дибсом только на тех условиях, которые мы уже оговорили.

Я должна была убедить ее. У меня было такое чувство, будто я сижу на ветке, и она может перепилить ее в любой момент. Я знала, что одержав верх в этом небольшом споре, я смогу заложить основы той ответственности, которую она должна научиться принимать. Она привыкла платить, а не брать на себя какие-то обязательства. Я лишила ее такой возможности, и это было лучшее, что я могла сделать в такой ситуации.

Несколько минут она сидела неподвижно. Ее руки лежали на коленях, пальцы были крепко сжаты, она смотрела в пол. Вдруг я вспомнила Дибса, лежащего на полу лицом вниз - неподвижного и тихого. Я снова подумала о том, что она также одинока, как и ее сын.

Она взглянула на меня и тут же отвела взгляд в сторону, избегая смотреть мне в глаза.

- Я должна сразу предупредить вас. Если вам нужны какие-нибудь детали относительно истории болезни Дибса - обратитесь в школу, мне больше нечего добавить. И я не смогу прийти к вам на встречу. Если это одно из ваших условий, мы забудем о нашем соглашении прямо сейчас. Это трагедия, большая трагедия. Но Дибс всего лишь умственно отсталый ребенок. Он родился таким. И я не смогу приходить на какие-либо встречи и отвечать на вопросы.

Она снова посмотрела на меня. Она была напугана мыслью о том, что кто-то будет беседовать с ней о ее сыне.

- Понимаю, - ответила я. - И уважаю ваше пожелание. Это ваше право. Но я хочу, чтобы вы знали. Если у вас когда-нибудь возникнет желание поговорить со мной о Дибсе, вы можете смело обращаться ко мне. Я оставляю это целиком на ваше усмотрение.

Она немного расслабилась.

- Мой муж тоже не сможет прийти, - добавила она.

- Все в порядке. Будет так, как вы решите, - заверила я.

- Когда я буду приводить его в Центр, я не стану ждать его там. Я буду забирать его через час.

- Конечно. Вы можете приводить и оставлять его, а затем забирать через час. Или можете присыпать кого-нибудь, если вам так удобнее.

- Спасибо, - сказала она. И после еще одной продолжительной паузы тихо добавила: - Я ценю ваше понимание.

Мы окончили пить чай. Поговорили немного о пустяках. Дороти упоминалась только как чудесный ребенок. Мать Дибса проявила больше страха, отчаяния и паники, чем ее сын на нашей первой встрече. Не получилось убедить ее прийти и

получить помощь, в которой она нуждается. Ей казалось это слишком опасным. И рискованным. Измени она свое мнение, и мы потеряем Дибса. Кроме того, я чувствовала, что Дибс более ответственен, чем его мать. Дибс протестовал против закрытых дверей, но некоторые очень важные двери в ее жизни были плотно закрыты. Ей уже поздно сопротивляться. Во время нашей короткой встречи она отчаянно пыталась закрыть еще одну дверь.

Я собралась уходить, и она проводила меня до двери.

- Вы уверены, что не хотите встретиться с ним в его игровой? - спросила она. - У него столько замечательных игрушек. И мы приобретем все, что может вам понадобиться. Все.

Она была действительно напугана. Я еще раз поблагодарила ее за заботу, но повторила, что смогу работать с Дибсом только в игровой нашего Центра.

- Я дам вам знать, как только мы что-нибудь решим, - пообещала она, помахав на прощание рукой, в которой держала бумагу.

Сказав спасибо, я направилась к своей машине. У меня осталось очень гнетущее впечатление от посещения этой семьи. Я думала о Дибсе и его прекрасно обставленной игровой. Я не входила в эту комнату, но была абсолютно уверена, что все, что там находилось, было куплено за большие деньги. И, конечно же, дверь этой комнаты должна быть такой же, как и во всем доме, - массивная, тщательно отполированная дверь. И плотный замок, который так часто плотно закрывался.

Я подумала о том, что она могла бы добавить к своему рассказу о Дибсе, если бы решилась заговорить. Конечно, у меня не было удовлетворительных ответов, достаточных для того, чтобы объяснить динамику взаимоотношений в этой семье. Интересно, что эта женщина действительно думала о Дибсе? И что она чувствовала относительно той роли, которую она играла в его жизни, раз она так испугалась перспективы участия в беседах, в ответах на вопросы для прояснения создавшейся ситуации?

Я подумала, что, попробуй я использовать ситуацию наиболее плодотворно или оказать на нее давление, это могло бы привести ее к мысли об отказе работать с ее ребенком. Я хотела знать, какое решение примет она и ее муж. Согласятся ли они принять мои условия? Увижу ли я Дибса еще раз? И если увижу, то что «вырастет из нашего эксперимента»?

Глава 4

Прошло несколько недель, а от матери Дибса не было никаких известий. Я позвонила директору школы и поинтересовалась, не слышала ли она что-нибудь о его родителях. Но она тоже ничего не знала. Я спросила насчет Дибса. Она сказала, что все как обычно, он регулярно посещает школу. Она выразила надежду, что сеансы скоро начнутся.

Однажды утром я получила долгожданную бумагу с подписью его родителей, дающую мне разрешение на запись сессий. Туда была вложена короткая записка, констатирующая их согласие на работу с ребенком и готовность к сотрудничеству. Они просили позвонить им и назначить нашу встречу с Дибсом.

Я просмотрела свои планы и решила назначить встречу на следующий вторник во второй половине дня. Я попросила секретаря позвонить матери Дибса и узнать, подходит ли ей назначенное время. Та ответила, что время ее устраивает и она приведет Дибса в Центр на следующей неделе.

Мы вздохнули с облегчением. Очевидно, им нелегко было принять это решение. Можно только предположить, как долго они обсуждали этот вопрос, сквозь какие дурные предчувствия и опасения им пришлось пройти, как скрупулезно они изучали это предложение, чтобы решиться на этот шаг. Было реальное искушение позвонить матери и поторопить ее привести Дибса или спросить, не приняли ли они какого-нибудь решения. Я не стала так делать, потому что понимала, что мы

не извлечем никакой пользы, пытаясь вынудить принять их решение (если они еще этого не сделали), и многое потеряем, если они все еще размышляли о том, что в конце концов должны сделать. Это было длинное и фрустрирующее ожидание.

Дибс с матерью приехали в Центр точно в назначеннное время. Она сообщила в приемной, что вернется за ним через час, и оставила его в комнате ожидания. Я вышла, чтобы встретить его. Он стоял на том месте, где его оставила мать, одетый в пальто, шапку, варежки и ботинки. Я подошла к нему.

- Добрый день, Дибс. Я рада, что мы снова встретились. Пойдем в игровую, она в конце холла.

Дибс оглянулся и молча взял мою руку. Мы пересекли холл и пошли к игровой.

- Это другая комната, - сказала я ему. - Но она немного похожа на ту комнату в твоей школе, в которой мы с тобой играли несколько недель назад.

- Точно, - сказал он протяжно.

Игровая находилась на первом этаже. Комната была яркой и хорошо освещенной. Она выглядела более привлекательной, чем та, в которой мы были раньше, но обставлена точно так же. Окна выходили на площадку для парковки, а за ней находилась большая серая каменная церковь. Когда мы вошли в комнату, Дибс начал медленно обходить комнату, дотрагиваясь до предметов и называя каждый из них с той же вопросительной интонацией, которую он использовал при своем первом визите в игровую.

- Песочница? Мольберт? Стул? Краски? Машина? Кукла? Кукольный дом?

Каждый предмет, к которому он прикасался, он называл таким образом. Потом он начал немного варьировать.

- Это машина? Это машина. Это песок? Это песок. Это краски? Это краски.

После того, как он прошел по комнате первый круг, я сказала:

- В этой комнате так много разных предметов, не так ли?

- Верно, - ответил он мягко.

Я не хотела торопить его. Ему нужно время, чтобы осмотреться и освоиться.

Каждому ребенку нужно время, чтобы исследовать свой мир по-своему.

Он остановился посреди комнаты.

- Скажи, Дибс, ты не хотел бы снять шапку и пальто? - спросила я его некоторое время спустя.

- Правильно, - сказал он. - Сними шапку и пальто, Дибс. Сними свою шапку. Сними свое пальто, Дибс, - повторял он, однако не делал никаких движений, чтобы снять их.

- Итак, ты хотел бы снять пальто и шапку? - спросила я. - Хорошо, Дибс. Иди сюда. Сними их.

- Еще сними варежки и ботинки, - добавил он.

- Хорошо, - повторила я, - сними варежки и ботинки, если хочешь.

- Правильно, - сказал он почти шепотом. Он стоял, лениво теребя рукава своего пальто. Потом начал шептать. Он так и стоял передо мной, опустив голову и что-то шепча.

- Ты был бы рад снять одежду, но хочешь, чтобы я тебе помогла, правильно? - спросила я его.

- Правильно, - повторил он, всхлипнув.

- Хорошо, Дибс. Если ты хочешь, чтобы я помогла тебе снять пальто и шапку, подойди ко мне, и я помогу.

Я села на маленький стульчик у двери. Я сделала это специально. Предложив ему помочь, я села так, чтобы, если он захотел принять ее, ему пришлось самому сделать несколько шагов ко мне. Он неторопливо приблизился.

- И ботинки тоже, - хрипло сказал он.

- Хорошо, ботинки мы тоже снимем.

- И варежки, - сказал он, протягивая руки.

- И варежки тоже, - повторила я.

Я помогла ему снять варежки, шапку, пальто и ботинки. Он бросил их на пол. Я подняла вещи и повесила на дверную ручку. - Давай оставим их здесь до нашего

ухода, - предложила я. - Мы проведем в этой комнате час, а потом ты пойдешь домой.

Он не ответил. Подошел к мольберту и посмотрел на краски. Он простоял там достаточно долго. Потом начал называть цвета на мольберте, медленно перекладывая их. Он поставил на полочку красный, желтый и голубой цвета, а в пустые ячейки добавил другие краски, создав спектр из шести цветов. Затем он расставил оставшиеся цвета в соответствующие ячейки, добавил черный и белый, заполнив весь мольберт полной цветовой гаммой. Он проделал всю операцию медленно и осторожно, не произнеся ни слова. После того, как все краски были разложены по порядку, он взял одну из баночек и начал ее исследовать. Он заглянул внутрь баночки, помешал краску кисточкой, посмотрел ее на свет, потрогал пальцами этикетку. - Краска Фавор Рул, - произнес он. - Красная. Краска Фавор Рул. Желтая. Краска Фавор Рул. Голубая. Краска Фавор Рул. Черная.

В этот момент я получила ответ на один из своих вопросов. Он читал названия на этикетках. Это действительно были краски фирмы Фавор Рул. Он правильно расставил и прочитал названия цветов.

- Здорово, - сказала я, - значит, ты умеешь читать этикетки на баночках с краской. И ты знаешь названия всех цветов.

- Знаю, - произнес он протяжно.

Он сел за стол и стал изучать коробку с мелками. Он прочитал название, написанное на коробке. Потом достал красный мелок и аккуратными большими буквами написал: «КРАСНЫЙ». Он проделал то же самое с остальными цветами, использовав весь спектр цветов. Сначала он вслух называл тот цвет, которым собирался рисовать, а когда писал, то произносил по буквам его название.

Я наблюдала за ним. Я пыталась ответить ему, понимая его попытку вступить со мной в общение через такую деятельность.

- Ты произносишь название каждого цвета и потом пишешь этим цветом. Правильно? Я вижу, ты написал слово «красный».

- Правильно, - ответил он медленно, растягивая слова.

- И ты использовал все цвета по кругу, не так ли?

- Точно, - пробормотал он.

Он достал коробку с акварелью и прочел название торговой марки, затем нанес несколько цветных мазков на бумагу, проделав это также обдуманно и последовательно. Я старалась удерживаться от комментариев относительно его деятельности с тем, чтобы не сказать чего-нибудь такого, что выдало бы мое желание участвовать в любом его занятии, чем бы особым образом он ни занимался, а, наоборот, передать, понятно и просто, одобрение в соответствии с его схемой активности. Я хотела, чтобы он показывал путь, а я бы только следовала за ним. Я стремилась дать ему понять с самого начала, что в этой комнате лидирует он и что я направлю все свои усилия на развитие взаимности между нами, опираясь на тот реальный опыт, который переживался нами совместно. Не стоило поднимать шум и восхищаться его способностями. Очевидно, что он способен на все это. Когда инициатива остается за человеком, он выбирает, на что ему опереться, чтобы чувствовать себя в наибольшей безопасности. Всякое удивленное или хвалебное восклицание могло истолковываться им как руководство к действию. Это ограничивало бы любые другие области исследования, которые могли бы иметь для него гораздо большую значимость. Люди очень осторожны, чтобы защитить целостность своей личности. Мы знакомились. Вещи, на которые обращал свое внимание Дибс, - объекты в этой комнате, которые не вызывают никаких серьезных чувств, а являются единственными общедоступными компонентами в этом месте для поддержания общения между нами. Для Дибса это соответствовало концепции безопасности.

Иногда он смотрел в мою сторону, но, когда наши взгляды встречались, он тут же опускал глаза.

Конечно, то, что он делал, было откровением. У Хедды были причины верить в Дибса. Он, действительно, еще не полностью проявил себя, но у него все впереди. Какими бы ни были его проблемы, он опровергал ярлык умственно отсталого.

Он забрался в песочницу и выстроил там солдатиков в два ряда друг за другом. В его туфли набился песок. Он посмотрел на меня, показал на туфли и захныкал.

- Что случилось? - спросила я. - Песок попал в твои туфли?

Он кивнул.

- Если ты хочешь снять туфли, подойди ко мне.

- Верно, - ответил он хрипло, но туфли не снял. Он продолжал сидеть в песочнице и всхлипывать, уставившись на свои туфли. Я ждала. Наконец он заговорил.

- Ты снимешь свои туфли, - произнес он требовательно.

- Ты хочешь, чтобы я помогла тебе снять их?

Он кивнул. Я помогла ему развязать шнурки и снять туфли. Он осторожно отряхнул песок. Потом подошел к столу и стал рассматривать кубики. Потом он медленно и вдумчиво стал водружать их друг на друга. Башня из кубиков зашаталась и упала. Он сжал кулаки.

- Мисс А! - закричал он, называя меня по имени, которое дал мне с момента нашей встречи. - Помогите мне. Быстро.

- Тебе нравится, когда я тебе помогаю, правда?

- Правда, - ответил он. И бросил осторожный взгляд в мою сторону.

- Ну, и что я должна делать? Ты должен подсказать мне, Дибс.

Он стоял у стола, смотрел на кубики, и его руки были по-прежнему крепко сжаты. Дибс молчал. Я тоже.

О чём он думал? Чего он добивался? Что сейчас было бы для него наиболее полезным? Я хотела наладить общение с ним в искренней попытке понять его. Наши отношения только налаживались. Пока не следовало вмешиваться в его внутренний мир, пытаться получить от него ответ. Нельзя спешить и делать поспешные выводы. Дибс может уйти в себя и начать скрывать свои чувства. Надо найти такой путь, чтобы он мог понять меня и принять. От нас обоих потребуется много сил, времени и огромное терпение. Но наши отношения должны строиться на абсолютной честности и открытости.

Он вдруг оглянулся, взял в каждую руку по кубику и столкнул их.

- Авария, - заявил он.

- Вот как, - удивилась я. - Это была авария?

- Правильно, - ответил он, - авария. В это время грузовик въехал на парковку и остановился перед открытым окном. Дибс подошел к окну и начал закрывать его. В комнате было жарко даже с открытым окном, а он старательно поворачивал ручку, чтобы закрыть его.

- Закрой окно, - сказал он.

- Ты хочешь закрыть окно? - спросила я.

- Но ведь сегодня очень жарко, даже с открытым окном.

- Правильно, - сказал он. - Ты закроешь его, Дибс.

- Значит, ты все равно хочешь закрыть его?

- уточнила я.

- Точно. Дибс закроет его, - повторял он решительно.

- Ты действительно знаешь, чего хочешь, правда?

Дибс посмотрел на меня и ответил резко:

- Ты знаешь.

Он снова подошел к мольберту и пробежался кончиками пальцев по его краям и баночкам с краской. Он окунул кисточку в красную краску и нанес на бумагу несколько мазков. Затем очертил квадрат и стал закрашивать его, мягко ударяя кисточкой по бумаге. Мы оба молчали. Время нашей встречи подходило к концу, а Дибс, казалось, полностью погрузился в рисование.

- Наше время заканчивается, - сказала я, - у тебя осталось только пять минут.

Дибс проигнорировал мои слова. Он продолжал рисовать квадраты, используя красную, оранжевую, желтую, зеленую, голубую, черную, белую и фиолетовую краски в той же последовательности, в которой они лежали на мольберте.

Пять минут прошло, я встала.

- Дибс, наше время вышло, пора идти. Но Дибс не хотел уходить.

- Нет! - заявил он. - Дибс не пойдет! Дибс останется.

- Я знаю, что ты не хочешь уходить, - сказала я снова. - Но на сегодня наше время истекло, и тебе пора домой. Ты придешь сюда на следующей неделе. И через неделю тоже. Но каждый раз, когда час будет истекать, ты будешь возвращаться домой. Дибс начал плакать.

- Дибс не пойдет домой, - рыдал он. -
Дибс останется.

Я знаю, что тебе очень хочется остаться, - сказала я. - Но наше время на сегодня вышло, и ты должен идти домой. Пожалуйста, разреши мне надеть на тебя пальто. Дибс оторвался от мольберта. Его руки безвольно обвисли. Он выглядел крайне беспомощным. Я надела на него пальто.

- Иногда бывает очень трудно делать что-то через силу, - пояснила я, - но делать приходится. Будь любезен, сядь сюда, я помогу тебе надеть сапоги.

Я ждала, когда он обдумает услышанное. Он сел на маленький стул и захныкал. Я надела на него сапоги. Он не сопротивлялся, но и не помогал мне. По его щекам бежали слезы.

- Ты чувствуешь себя сейчас неважно, - посочувствовала я, - прекрасно тебя понимаю. На свете есть многое того, что нам приходится делать, хотим мы того или нет.

Он размазывал текущие слезы по лицу. Хотелось взять его за руку и успокоить, оставить его еще на некоторое время, выразить свое сочувствие и симпатию, но это было бы очень просто. Не повлекло бы это за собой каких-то эмоциональных проблем? Домой надо было идти в любом случае, как бы он ни переживал. Нравилось ему это или нет, но ему не следовало потакать. Чтобы он мог справляться с собой, следовало развивать характер. А он приходит только с опытом, через преодоление жизненных трудностей. Мы не могли принимать во внимание лишь внешнюю сторону происходящего.

Наконец он был одет. Он взял меня за руку, и мы спустились в холл. Его мать уже ждала нас и, увидев его, не сводила с него глаз. Она казалась растерянной и неуверенной. Когда ребенок увидел ее, то бросился на пол, вниз лицом и стал биться и кричать. Я попрощалась, сказала, что увидимся на следующей неделе, и ушла. Пока мать пыталась справиться с ребенком, в холле не смолкал шум. Его поведение раздражало ее и выводило из себя.

Я не ожидала такого развития событий и была не в себе, когда оставляла их. Я считала, что если я останусь и буду наблюдать за происходящим, то это еще больше усложнит ситуацию. Я не хотела принимать ни сторону ребенка, ни его матери. Я опасалась повести себя так, что сделало бы ситуацию критической: поддержать мать и тем самым оттолкнуть от себя ребенка или полностью встать на его сторону. Итак, я осталась за сценой.

Глава 5

На следующую встречу Дибс пришел раньше времени. Я находилась в офисе, когда мне позвонили из приемной и сообщили, что Дибс уже здесь. Я сразу же спустилась вниз. Он стоял около двери. Мать привела его в комнату ожидания, отрывисто поздоровалась с секретарем и со мной и быстро ушла.

- Добрый день, Дибс - поприветствовала я его. Однако ответа не последовало. Он по-прежнему стоял, опустив глаза в пол, и не двигался с места.

- Пойдем в игровую, - мягко произнесла я и протянула ему руку.

Он взял ее и мы направились к игровой комнате. Он хотел было войти, но вдруг отступил назад и ухватился за край двери. С наружной стороны двери висела табличка. Он снял ее и стал вертеть в руках.

- Не беспокоить, - прочитал он. Потом перевернул табличку и прочитал то, что было написано на обороте. «Комната игровой», - гласила первая часть надписи, а вот последнее слово было ему не знакомо. Он постучал по нему пальцем несколько раз, словно стараясь понять, что же оно значит.

- Те-ра-пи-и, - неуверенно прочитал он.
- Терапии, - повторила я слово, отчетливо проговаривая каждую букву.
- Комната игровой терапии? - прочитал он вслух и вопросительно посмотрел на меня.
- Правильно, - кивнула я.
- Комната игровой терапии, - повторил он и вошел в комнату, прикрыв за нами дверь. -- Сними свои пальто и шапку.

Я посмотрела на него. Я знала, что он обращался к себе, но при этом всегда пользовался вторым лицом. От Дибса редко можно было услышать, чтобы он говорил о себе «Я».

- Ты хочешь, чтобы я сняла *свои* пальто и шапку? - спросила я.
- Да.
- Но у *меня* нет ни шапки, ни пальто, - заметила я. Дибс на мгновение смущился.
- Сними свои шапку и пальто, - повторил он упрямо и стал дергать рукав своего пальто, не сводя с меня глаз.
- Ты хочешь, чтобы я помогла тебе снять твои шапку и пальто? - спросила я в надежде переключить его внимание на местоимение «я». Но это оказалось нелегкой задачей.

Он кивнул в знак согласия.

- Я помогу тебе, - сказала я и действительно помогла. Но на этот раз он сам старался помочь мне изо всех сил. Я протянула ему одежду. Он уставился на меня, потом взял пальто, шапку и понес их к двери.
- Повесь их здесь, - обратился он к себе, вешая вещи на ручку двери.
- Я оставила их там на прошлой неделе, а сегодня ты повесил их там же, - заметила я.
- Точно, - согласился он.

Он сел на край песочницы и начал выстраивать солдатиков в два ряда. Закончив построение, он обошел кукольный домик и ударил по стене. Одна из перегородок упала. Он установил ее в нужную выемку и попытался вставить панель, на которой были нарисованы дверь и два окна. Это было непросто. Он вставлял ее несколько раз, но она не попадала в пазы и все время падала. Он захныкал.

- Запри ее, - бормотал он себе под нос. - Запри ее.
- Ты хочешь закрыть дверь? - спросила я.
- Запри, - повторил он и снова попытался вставить упрямую панель. Наконец у него получилось.
- Вот, - гордо объявил он. - Закрыта плотно.
- Вижу, - сказала я. - Ты вставил ее и закрыл.

Дибс посмотрел на меня, и на его губах мелькнула легкая улыбка.

- Я ее закрыл, - нерешительно произнес он.
- Да, ты закрыл ее сам, - похвалила я. Он ухмыльнулся. Было видно, что он очень доволен собой. Вдруг он развернулся, обошел домик и закрыл все ставни на окнах в задней части дома.
- Все закрыл, - удовлетворенно заявил он. - Все заперты и закрыты. Все заперты и закрыты.
- Абсолютно все, - подтвердила я.

Он опустился на колени, оперся на руки и стал внимательно рассматривать нижнюю часть дома. В нижней секции находились две двери. Он открыл их.

- Так, там подвал. Нужно освободить его от вещей. Стены. Много стен и перегородок. Стены без дверей.

В нижней секции дома действительно хранились различные перегородки и мебель для кукол.

- Сделай ручку для двери, - произнес он. Потом поднялся, взял мой карандаш и с большим старанием нарисовал на двери кукольного дома ручку.
- Ты считаешь, что на двери обязательно должна быть ручка? - спросила я.
- Должна, - пробормотал он. - А еще нужен замок, - добавил он и тут же нарисовал его рядом с ручкой.
- Ты поставил на дверь замок и ручку, - прокомментировала я его действия.

- Замок нужен, чтобы закрывать дверь на ключ. А рядом стены. Высокие, тяжелые стены. И дверь. Закрытая дверь.

Дибс прикоснулся к дому, но тот вдруг зашатался. Дибс осмотрел его, потом вынул одну из перегородок и попытался вставить ее поглубже, чтобы она стояла прочнее. После двух неудачных попыток ему все же удалось укрепить ее, и домик перестал шататься.

- Вот, - сказал он довольным голосом. - Больше не качается. Не качается и не падает.

Он укрепил петли на крыше и переставил некоторую мебель. Из-за таких перемещений

дом снова начал шататься. Дибс отступил назад и посмотрел на дом оценивающим взглядом.

- Мисс А, - обратился он ко мне. - Подкрутите эти колечки, и он перестанет шататься.

- Ты уверен, что это поможет?

- Еще бы! - заверил он. - Обязательно поможет.

Стало ясно, что словарный запас Дибса намного богаче, чем мы могли предположить. Он умел изучить возникшую проблему, все обдумать и успешно решить ее. Но почему он нарисовал замок на двери кукольного дома? Понятно, закрытые двери играли важную роль в его жизни.

Он подошел к песочнице, забрался в нее и собрал в кучу игрушечных солдатиков, разбросанных вокруг. Он брал в руки каждого солдатика и внимательно рассматривал.

- Дибс получил на Рождество солдатиков, похожих на этого, - сказал он, протягивая мне одного из них.

- На это Рождество тебе подарили таких же солдатиков? - повторила я.

- Да, точно таких же, - кивнул он. - Ну, не совсем таких. Похожих. На Рождество.

У этих в руках ружья. Они стреляют. Ружья. Настоящие ружья, и стреляют. Этот несет ружье через плечо. А этот снял ружье и как будто стреляет. Смотри. Здесь их четыре, и они очень похожи. А здесь на четыре больше. Эти трое указывают дорогу, а четвертый стоит в стороне. Четыре и четыре будет восемь. Плюс три и один - всего двенадцать.

- Значит, ты умеешь прибавлять одну группу солдатиков к другой и получать правильный ответ, - заметила я, наблюдая за тем, как он группировал солдатиков.

- Умею, - подтвердил Дибс и, заикаясь, добавил. - Я... Я... Я могу.

- Да, ты можешь, - подтвердила я.

- Эти два человечка несут флаги, - сказал он, выставляя две новые фигурки. Он продолжал рассказывать мне о том, что происходит, выстраивая всех солдатиков вдоль края песочницы. - У всех есть ружья. Они стреляют из них. Они стоят ко мне спиной.

- А куда они стреляют? - спросила я, указав на солдат.

Дибс посмотрел на меня, потом на солдат и опустил голову.

- Они не стреляют в тебя, - пояснил он грубо.

- Я поняла. Они не стреляют в меня, - повторила я за ним фразу.

Он покопался в песке и нашел еще солдатиков. Он подобрал их и поставил в ряд. Потом посмотрел на свои туфли - в них попал песок.

- Сними туфли, - сказал он себе, развязал шнурки и снял их. Потом вновь перестроил солдатиков.

- Они стоят здесь, - пояснил он. - Все вместе, на одной линии. Все вместе.

Дибс выбрал трех солдатиков и отставил их в сторону. Медленно, одного за другим он погружал их в песок. И хотя третий солдатик стоял несколько в стороне, его это не спасло. Дибс набрал в ладони песка исыпал его на голову солдатика до тех пор, пока на его месте не вырос песчаный холм.

- Он умер, - объявил Дибс.

- Ты хочешь избавиться от него? - поинтересовалась я.

- Да, - согласился он.

Он наполнил ведерко песком и высыпал его на погребенного солдатика. В церкви, стоящей напротив парковки, зазвонили колокола, затем послышался бой часов. Дибс прекратил играть.

- Слышишь? - обратился он ко мне - Раз. Два. Три. Четыре. Значит, четыре.

- Да, четыре часа, и тебе скоро идти домой.

Дибс не обратил на мое замечание никакого внимания. Он вылез из песочницы и заторопился к столу. Его внимание привлекли баночки с краской для пальцев.

- Что это? - спросил он с интересом.

- Краска для пальцев, - ответила я.

- Для пальцев? А как это?

Я показала ему, как пользоваться этими красками.

- Сначала надо увлажнить бумагу, затем нанести на нее немного краски. Потом можешь размазывать ее пальцами или рукой. Вот и все, это просто. Ты можешь рисовать этими красками, если хочешь.

Он слушал меня очень внимательно.

- Значит, это краски для пальцев?

- Да, краски для пальцев, - подтвердила я. Он осторожно опустил палец в красную краску.

- Размазывать ее по кругу, - повторил он, но к бумаге не прикоснулся. Он только водил рукой над столом. Потом взял деревянную лопаточку, окунал ее в краску и размазал по увлажненной бумаге.

- Я думаю, это краска для пальцев. Да, вы сказали, что это краска для пальцев. Размажь ее вот здесь своими пальцами, - дал он себе указание и дотронулся до краски.

- Ой, вытрите ее, - воскликнул он неожиданно.

Я протянула ему бумажную салфетку, и он стер краску со своих пальцев.

- Тебе не нравится дотрагиваться до краски руками? - спросила я.

- Это неприятная краска. Она пачкается, - он приподнял баночку вверх и прочитал наклейку. - Это красная краска для пальцев. Красная.

Он поставил баночку на стол и стал водить ладонями над поверхностью стола, опуская руки очень низко, но все же не дотрагиваясь до бумаги. Вдруг он быстро дотронулся до краски кончиками пальцев.

- Размажь ее, - сказал он себе. - Возьми красную краску, Дибс, и размажь ее. Размазывай ее одним пальцем, двумя, тремя. Сначала красную. Потом желтую. Потом голубую. Работай по порядку.

- Какими цветами ты будешь рисовать?

- спросила я его.

- Всеми, какие здесь есть, - ответил он, указывая на баночки с этикетками. - Да, именно так, - он снова окунал пальцы в краску. - Вытри ее, - недовольно пробурчал он, взял салфетку и тщательно вытер руки.

- Сначала ты хотел порисовать этими красками, а потом тебе это не понравилось, - прокомментировала я его действия.

- Все краски разные, - начал объяснять мне Дибс. - Эти выпускает американская компания Крайон. А это краска компании Шоу Фингер Пейнт. Акварель изготавливается компанией Пранг. А это краски для пальцев.

Дибс опустил руку в желтую краску и старательно вымазал в ней все пальцы. Потом вытер их салфеткой. Теперь его рука погрузилась в голубую краску, и он снова размазал ее по пальцам.

- Смотри, - продемонстрировал он мне, вытянув руки перед собой.

- И что же ты сделал? - поинтересовалась я.

- Все пальцы в голубой краске, - пояснил он. - Сейчас у меня голубые пальцы. А вот теперь они уже зеленые, - сказал он, меняя цвет. - Сначала я сделал их красными. Потом желтыми. Потом голубыми. Потом зелеными. Потом коричневыми. Я наносил краску на каждый палец. Потом стирал ее. Я стирал один цвет и накладывал другой. Так что это и есть краски для пальцев. Уходи, Дибс, это очень глупые краски. Уходи.

Он вытер испачканные пальцы и выбросил грязные салфетки в корзину с мусором. Он с отвращением покачал головой.

- Краска для пальцев неинтересная. Она мне не нравится. Я буду рисовать картину.

- Думаешь, лучше рисовать картину? - спросила я.

- Да, - ответил он. - Акварелью.

- В нашем распоряжении осталось только пять минут. Ты уверен, что успеешь нарисовать картину за пять минут?

- Дибс будет рисовать, - заявил он и взял коробку с красками. - Где вода? - деловито поинтересовался он.

Я указала на раковину. Он наполнил стаканчик водой.

- Тебе хватит времени только на один рисунок, - предупредила я. - А потом ты пойдешь домой.

Это был рискованный шаг. Ведь он мог тянуть время ровно столько, сколько ему понадобится, чтобы дорисовать свою картину. Своевременное окончание сеанса является одним из очень важных условий успешности всей терапии. И именно поэтому я должна была сделать все возможное, чтобы он закончил свою работу вовремя. Как и следовало ожидать, Дибс проигнорировал мое замечание.

- Краска расплывается. Я промокну ее салфеткой, и она подсушит краску. Тут будет моя картина.

Он наносил краску быстрыми, легкими ударами. Начав с красного цвета, он дополнял свой рисунок другими цветами, создавая нужные ему формы. Постепенно из множества маленьких пятнышек стали вырисовываться знакомые очертания. Он добавлял все новые цвета, и на моих глазах рождалась его картина. Он нарисовал деревья, дом, небо, траву, цветы и солнце, использовав всю палитру цветов. Композиция его рисунка была завершенной и по форме, и по содержанию.

- Это... Это... - он заикался и вертел в руках кисточку, став неожиданно очень стеснительным. - Это дом мисс А, - сказал он наконец. - Мисс А, я дарю его вам.

- Ты хочешь подарить мне этот дом? - приветливо спросила я, показав рукой на его творение. Он кивнул. Задавая этот вопрос, я хотела придать нашему общению более открытый характер. Я давала ему понять, что он может выражать свои мысли и чувства, не боясь получить в ответ мою негативную реакцию. Оценивая же его поступок с точки зрения общепринятых стандартов поведения, я бы сильно затруднила наше общение, превратив искренний порыв в простую формальность. Дибс взял карандаш и старательно нарисовал на двери замок. Потом добавил несколько маленьких окошек. Одно большое окно было раскрашено ярко-желтой краской. На нем стоял горшок с красными цветами. Рисунок был выполнен в необычной манере и выглядел очень забавно. Я перевела взгляд на Дибса. Его ярко-голубые глаза пристально смотрели на меня, а лицо выражало отчаяние и страх. Он показал пальцем на дверь, нарисованную на картине.

- На ней замок. Ее быстро закрывают на ключ. В доме подвал, там темно.

Я посмотрела на картину, потом на Дибса.

- Что ж, в этом доме тоже есть замок и темный подвал, - констатировала я.

Он еще раз посмотрел на нарисованный им дом, дотронулся до замка на двери и с тоской посмотрел на меня.

- Этот дом для тебя, - сказал он, с силой сжимая пальцы. - Теперь это твой дом, - добавил он. Потом вздохнул и с усилием произнес: - В этом доме тоже есть игровая комната. Вот здесь, - и он указал на большое ярко-желтое окно с красными цветами.

- Это окно игровой комнаты, правильно? - уточнила я.

- Да, - кивнул он. - Правильно.

Он подошел к раковине и вылил воду из-под краски. Потом включил воду на полную силу. В церкви снова зазвонили колокола.

- Дибс, ты слышишь - колокола звонят? Значит, уже много времени и тебе пора домой.

Дибс проигнорировал мое замечание.

- Коричневая краска делает воду коричневой. Оранжевая краска делает воду оранжевой.
- Правильно, - подтвердила я. Я знала, что он слышал мое замечание о времени. Поэтому я не собиралась вести себя так, как будто поверила, что он ничего не слышал.
- Эта вода го-ря-ча-я. Горячая, - тянул он. - И хо-лод-на-я. Холодная, горячая. Включить, выключить. Включить, выключить.
- Ты считаешь, что сейчас это важно, холодная вода или горячая?
- Да, -- ответил он.
- Дибс, а что я сказала тебе о времени? - поинтересовалась я.
- Он сильно сжал пальцы и повернулся ко мне. У него был очень несчастный и удрученный вид.
- Мисс А сказала, чтобы я нарисовал один рисунок и потом пошел домой, - произнес он хрипло.
- Я отметила, как виновато звучал его голос. Передо мной стоял ребенок с большими интеллектуальными задатками, чьи способности оказались сильнее эмоционального отклонения.
- Ты прав, я действительно сказала тебе это, - повторила я спокойно. - Ты закончил рисунок, и, значит, пришло время идти домой.
- А мне еще нужно дорисовать траву и цветы, - неожиданно добавил он.
- Для этого у нас нет больше времени. Наше время на сегодня закончилось.
- Дибс подошел к кукольному домику и сказал:
- Мне придется укрепить его и закрыть.
- Ты готов придумывать что угодно, только бы не идти домой, правда? Но на сегодня наше время истекло, и тебе пора идти домой.
- Нет! Подождите! Подождите! - закричал он.
- Я знаю, что тебе не хочется уходить, но нам пора прощаться.
- Не пойду, - заплакал он. - Не пойду! Не пойду! Никогда!
- Тебе становится плохо, когда я говорю, что нам пора идти, я понимаю, но ты обязательно придешь сюда на следующей неделе, в четверг.
- Я взяла его шапку, пальто и ботинки. Он сидел на маленьком стульчике около стола и не сводил с меня заплаканных глаз, пока я надевала ему шапку, словно ждал, что я передумаю. Вдруг он оживился.
- Пятница! Я приду в пятницу, ладно?
- Ты придешь в следующий четверг, - возразила я, - потому что именно в этот день ты приходишь в игровую комнату.
- Дибс резко вскочил.
- Ни за что! - закричал он. - Дибс не уйдет отсюда! Дибс не пойдет домой! Никогда!
- Я знаю, что ты не хочешь уходить, - мягко объясняла я. - Но в нашем распоряжении только час. И мы проводим его вместе в этой игровой каждой неделю. Но когда час заканчивается, не имеет значения, что чувствуешь ты, неважно, что чувствую я. Наше время истекло, и мы оба покидаем игровую. Сейчас нам пора уходить. Мы даже задержались сегодня.
- А можно нарисовать другую картинку? - с надеждой в голосе спросил он, по его лицу текли слезы.
- Сегодня - нет, - твердо ответила я.
- Всего один рисунок для вас, - умолял он меня. - Еще один рисунок для вас, ну, пожалуйста.
- Нет, наше время закончилось.
- Он стоял передо мной, опустив голову. Я протянула ему пальто.
- Ну же, Дибс, одевай пальто.
- Он даже не шелохнулся.
- Тогда сядь, я надену тебе ботинки, - продолжала я.
- Он сел, не переставая бормотать:
- Не пойду домой! Не пойду домой. Не хочу туда идти. Я не чувствую желания идти домой!
- Я знаю, что ты чувствуешь, - ответила я ему.

Любой ребенок старается уберечь свои чувства от всевозможных ограничений, накладываемых взрослыми. Я надеялась научить Дибса различать свои чувства и свои действия. И он уже начинал понимать эту разницу. Я также надеялась внушить ему, что тот час, который мы проводим вместе, является лишь небольшой частью его жизни. Что все, что происходит между нашими встречами, имеет неменьшее значение. По моему мнению, ценность любого успешного терапевтического взаимодействия заключается в равновесии между тем, что привносит в этот процесс сам клиент, и тем, что он получает взамен. Если терапия начинает играть доминирующую роль и управлять жизнью человека, у меня сразу возникают серьезные сомнения по поводу ее эффективности. Я хотела, чтобы Дибс учился брать ответственность на себя и тем самым постепенно увеличивал свою психологическую самостоятельность.

Надевая Дибсу ботинки, я иногда посматривала на него. Он протянул руку через стол и взял бутылочку для кормления ребенка. В ней была вода. Он начал сосать ее, как маленький ребенок. Наконец ботинки были одеты.

- Все, - сказала я. - Ты готов.
- Закрой баночки с краской крышками, - попросил он, используя последний шанс.
- Не сейчас, - твердо ответила я.
- Они засохнут? - он никак не хотел сдаваться.
- Если крышки будут сняты, то засохнут, - ответила я. - Я закрою их позже.
- Закроешь крышечками краску для пальцев? - попросил он.
- Обязательно, обещаю тебе.
- И кисточки помоешь?
- Конечно.

Дибс вздохнул. По-видимому, он исчерпал все свои ресурсы. Он встал и вышел из комнаты. Выйдя за дверь, он резко остановился, потянулся и перевернулся, сменив надпись «Не беспокоить» на «Комната игровой терапии». Потом осторожно закрыл дверь.

- Наша игровая комната, - тихо сказал он, спустился в приемную и спокойно ушел с матерью, приятно удивленной его послушанием.

Глава 6

В следующий четверг, войдя в игровую, Дибс первым делом направился к столу, на котором стояли баночки с краской для пальцев. Он вынимал каждую баночку и проверял наличие крышки. Затем ставил их на место в узкую длинную коробку.

- Крышки на месте, - успокоился он.
- Да, я помнила, что обещала закрыть их. Он поднял бутылочку для кормления ребенка.
- Хочу пососать, - сказал он и стал сосать из соски, посматривая в мою сторону. Затем он положил бутылку на стол.
- Снимай свое пальто, - обратился он к себе. Потом сам расстегнул все пуговицы, снял пальто и повесил его на ручку двери. Шапку он повесил на стул. Закончив раздеваться, он подошел к кукольному домику и открыл все окна.
- Смотри, - обратился он ко мне. - Все окна открыты. Сейчас я их закрою.
- Он приподнял переднюю часть дома, но вдруг передумал, поставил его опять на пол, вернулся к столу и взял бутылочку.
- Пососу из бутылочки, - заявил он.
- Тебе нравится сосать из бутылочки? - спросила я. Все подобные вопросы были направлены на то, чтобы побольше узнать о его интересах и предпочтениях, показать ему, что мне небезразлично то, что он делает. Я хотела расширить сферу нашего общения.
- Нравится, - согласился он. Некоторое время он молча сосал из бутылочки, исподтишка наблюдая за мной.

Потом поставил ее на место, подошел к буфету, открыл его дверцы и заглянул внутрь. Вынул оттуда пустую коробку, в которой когда-то находились маленькие палочки.

- Здесь лежал набор палочек для счета. Смотри, это коробка. На ней написано, для чего она предназначалась.

- Да, я знаю, - ответила я.

Меня заинтересовала та манера, с которой Дибс демонстрировал свои способности к чтению и счету, свое умение решать проблемы. Я заметила, что, как только он приближался к тому, чтобы выразить какую-то значимую эмоциональную реакцию, он тут же отступал и принимался что-нибудь читать или считать. Вероятно, он чувствовал себя более уверенно и безопасно, манипулируя интеллектуальными понятиями, нежели стараясь разобраться в своих чувствах и желаниях. Возможно, это и стало одной из причин внутреннего конфликта, вызванного несоответствием между поведением, которого ожидали окружающие, и его попытками быть самим собой - иногда не по годам способным мальчиком, а иногда просто ребенком. И даже здесь, в игровой, он пользовался этим способом отступления при первой же возможности. Наверное, он чувствовал, что его интеллектуальные способности были единственной частью его самого, которую ценили другие. Но зачем же тогда он так старательно маскировал свои способности в школе и дома? Потому ли, что хотел во всем быть самим собой, хотел, чтобы его уважали и любили за все его качества? Он научился хорошо скрывать свой интеллект, сопротивляясь всем попыткам приблизиться к нему. Но тогда как он научился всему, что умеет? Он мог читать значительно лучше, чем дети его возраста. Как он достиг этого, ведь он пропустил тот этап, когда ребенок учится ясно выражать свои мысли вслух? Он же почти не разговаривал ни с воспитателями, ни со своей семьей. Сила и проницательность этого ребенка были необъяснимы. Как же он смог так долго скрывать свои способности от своей семьи, если он, конечно, делал это?

У меня накопилось слишком много вопросов, ответы на которые мне могла дать только мать Дибса, наблюдавшая процесс его развития с раннего детства. Но мы заключили с ней соглашение, и я не могла получить необходимую мне информацию без ее согласия. А она не хотела встречаться со мной лично. Мне оставалось только надеяться, что когда-нибудь она преодолеет свой страх и решится поговорить со мной о своем сыне. Для меня было совершенно ясно, что интеллектуальное развитие будет неполным, если его не сопровождает эмоциональная и социальная зрелость. И, может быть, именно в этом крылась причина того, что семья была неудовлетворена темпами развития Дибса. Или его мать чувствовала тревогу и беспокоилась за сына, потому что не понимала его? По всей вероятности, существовали какие-то серьезные причины, которые препятствовали построению нормальных отношений между Дибсом и его семьей. Как сильно помогли бы мне ответы на все те вопросы, которые пронеслись в моей голове, пока я наблюдала за Дибсом, колеблющимся между поведением инфантильного ребенка, сосущего бутылочку, и поведением растущей личности, обладающей сильными интеллектуальными способностями.

Дибс, спокойный и расслабленный, сидел на стуле, посасывая из бутылочки, но не сводя с меня глаз. Интересно, какие вопросы проносились в этот момент в его сознании? Вдруг он встал, снял с бутылочки соску, немного отпил и отложил ее в сторону.

- Это звонок? - спросил он у меня, указывая на два выключателя на стене.

- Да, они похожи на звонки, - согласилась я.

Он засунул соску в рот и стал ее жевать, по-прежнему глядя мне в глаза. Потом перевел взгляд на мои ноги. На мне были красные резиновые галоши. На Дибсе в этот день галош не было. Он показал на меня пальцем. - Сними мои галоши, - предложил он.

- Ты считаешь, что я должна снять свои галоши? - уточнила я.

- Да. Их надо снимать. В комнате, - ответил он.

Я сняла свои галоши и поставила их в угол.

- Ну, как? - спросила я.

- Лучше, - ответил он довольно.

Он попытался надеть соску на горлышко бутылки, но не смог и протянул ее мне.

- Я не могу. Помоги!

- Хорошо, я помогу, - ответила я и вернула соску на место.

Тогда он взял ее, снова снял соску и вылил оставшуюся воду в раковину. Потом повернулся и протянул мне пустую бутылочку.

- Она пустая.

- Да, ты опустошил ее, - согласилась я. Дибс стоял у раковины, крепко прижав к себе бутылочку, и не сводил с меня пристального взгляда. Я тоже смотрела на него, ожидая, пока он не заговорит со мной или предпримет что-нибудь еще. Или так и будет стоять, смотреть и думать. Все будет так, как он захочет.

- Я думаю, - пояснил он мне.

- Вот как?

- Да, я думаю.

Я не стала спрашивать его, о чем же он сейчас думает. Я не хотела, чтобы наше общение сводилось к упражнению типа вопрос-ответ. Хотелось, чтобы он смог ощутить и пережить свою индивидуальность во всей ее полноте, а не ограничивался каким-либо одним стереотипом поведения. Хотелось, чтобы он понял, что его личность многогранна и вбирает в себя все его взлеты и падения, его любовь и ненависть, страх и отвагу, его инфантильные желания и зрелые интересы. Хотелось, чтобы он научился быть ответственным, самостоятельно принимать решения и брать инициативу на себя в общении с другими людьми. Я опасалась, что могу настроить его на однобокое взаимодействие, если буду захваливать, задавать слишком много вопросов или давать ему советы. Поспешив с выводами, я могла упустить что-нибудь важное в индивидуальности этого ребенка. Поэтому я спокойно ждала, пока Дибс завершит свои размышления. Наконец по его лицу пробежала легкая тень улыбки.

- Я буду рисовать красками для пальцев, играть в песочнице и пить чай, - заявил он уверенным тоном.

- Ты запланировал, что будешь делать в течение этого часа? - спросила я.

- Верно, - ответил он и расплылся в широкой улыбке. - Вы, как всегда, правы.

- Вот как? Это звучит как похвала, - улыбнулась я в ответ.

Он звонко рассмеялся. Я впервые слышала его смех. И хотя он длился мгновения, это был огромный шаг в развитии наших отношений. Он достал с полки чайный набор.

- Я все приготовлю, - сказал он важно.

- Ты собираешься сначала попить чай? - спросила я его.

- Да, именно так. Сначала чай, - сказал он, но вместо этого подошел к раковине, наполнил бутылочку водой и стал жевать соску. Потом включил воду на полную силу и закрыл створки шкафа над раковиной. Посмотрел на меня, ожидая моей реакции. Я молчала. Он подошел к окну и поставил локти на подоконник. Так и стоял, зажав бутылочку в руке, продолжая жевать соску и смотреть в мою сторону. Вдруг засмеялся, подбежал к крану, вылил воду из бутылочки и наполнил ее снова. Не переставая жевать соску, он открыл одну из дверок буфета и принялся рассматривать, что где лежит. Потом посмотрел на меня.

- Сейчас я сниму рейтзузы, - сказал он, показывая на свои ноги. Он одел рейтзузы в первый раз и не снял их, когда вошел в комнату.

- Ты думаешь, что стоит их снять? - спросила я.

- Да, - ответил Дибс, но вместо того, чтобы их снять, он снова залез с головой в шкаф и продолжил изучать его содержимое. Через некоторое время он извлек оттуда коробку с глиной. Я объяснила ему, что такая же глина лежит на столе и она уже открыта, потому что ей пользовались. А в шкафу хранится глина про запас, на случай, если та закончится или кому-то понадобится много глины.

- Понимаю, - кивнул он. - Здесь хранятся ваши запасы.

- Правильно, - подтвердила я.

- Мои рейтзузы, - сказал он.

- И что же с твоими рейтузами? - спросила я.
- Сегодня на улице сильный холодный ветер.
- Да, на улице холодно.
- И в игровой холодно.
- Пожалуй, ты прав. Здесь действительно холодновато, - поддержала я.
- Тогда снимите мои рейтезы, - попросил он.
- Что ж, это твое дело. Если хочешь их снять, снимай. А решишь их оставить, все нормально, потому что сегодня здесь и правда холодно.
- Точно. Очень, очень холодно.

Раздался колокольный звон, пробило четыре часа. Казалось, он не обратил на это никакого внимания. Он забрался в песочницу, поиграл с аэропланом и солдатиками, потом глубоко вздохнул.

- Снимай свою обувь каждый раз, когда заходишь в комнату, - сказал он мне. - Расшнуровывай ее, потом тяни, чтобы снять с ноги. Это трудно. Но сегодня не снимай рейтезы, потому что здесь холодно.
- Это значит, что есть такие вещи, которые нужно снимать, когда входишь в комнату, а есть те, которые можно и не снимать, - прокомментировала я его слова.
- Верно. Люди все путают.
- Тебя эта путаница смущает? - спросила я.

- Очень, - произнес Дибс, энергично кивнув головой.

В песочнице, невдалеке от большого дома, стоял маленький кукольный домик. Один ставень был сломан и криво висел в окне. Дибс починил его, тихо и очень быстро. Потом достал тяжелую картонную коробку, наполненную игрушечными домашними животными на деревянных подставках.

- Мисс А, помогите Дибсу закрепить их, - обратился он за помощью. - Вы поможете мне укрепить их? - он вопросительно посмотрел на меня.
- А как ты думаешь?

- Вы поможете мне, - ответил он и стал закреплять животных на подставках без какой-либо помощи с моей стороны. И тут же начал напевать себе под нос какую-то песенку.

Он поставил маленький дом посередине песочницы и расставил вокруг него животных. Он полностью погрузился в игру.

- В этом доме живут кошки, - так начал он свой рассказ. - У солдата живет кошка, настоящая кошка. А здесь живет утка. У утки нет пруда, а она очень хочет иметь свой пруд. Видишь, тут две утки. Эта утка - большая и храбрая. А это маленькая уточка, и она не такая смелая. У большой утки есть свой красивый пруд. А у маленькой уточки нет своего собственного пруда, но она очень хочет, чтобы у нее был свой пруд. А сейчас эти утки встретились и, стоя здесь, наблюдают, как за окном проезжает грузовик.

Его речь лилась уверенно и гладко. Я заметила, что за окном действительно припарковался грузовик.

- Значит, маленькая утка хочет иметь такой же пруд, как и у большой утки? - спросила я.

- Верно, - ответил Дибс. - И они вместе наблюдают за большим грузовиком. Грузовик припарковали, мужчина вошел в здание. Он загрузит свою машину, а когда закончит работу, грузовик уедет.

- Понятно, - ответила я. Дибс взял игрушечный грузовик и проиграл только что рассказалую сцену. Наступило долгое молчание.

- Осталось чуть более пяти минут, Дибс, - напомнила я ему. Он, как обычно, проигнорировал мое замечание. - Осталось чуть больше пяти минут, - повторила я опять.

- Да, - ответил он равнодушно, - я слышал тебя.
- Ты слышал, что осталось пять минут, и никак не отреагировал на мое замечание?
- Да, - ответил он после долгой паузы.
- Но ты ответил мне, когда я повторила, - подчеркнула я. Я старалась постепенно подводить его к мысли о том, что наше время на исходе. Встреча не должна прерываться внезапно.

- Через пять минут все закончится, - сказал Дибс и прокопал в песке дорожку, ведущую к дому и затем огибающую его. - Песок так смешно шуршит, когда ведешь по нему рукой, - он взглянул на меня и засмеялся.

- Грузовик полон. Он едет и прокладывает дорогу, а потом выгружает песок,- он ловко выбрал трех солдатиков, положил их в кузов и засыпал сверху песком. - Есть всего одна дорога, эти три человека сели в грузовик и больше никогда не вернутся.

- Они больше никогда не вернутся? - спросила я.

- Точно, - сказал в ответ Дибс.

Он стал тащить грузовик по песку. Зачерпнув большую горсть песка, он похоронил грузовик вместе с солдатиками. Потом сел и уставился на сделанную им насыпь.

- Эй, Дибс. Прошло уже довольно много времени, - я подняла три пальца.

Он взглянул на меня.

- Три минуты, - сказал он, продолжая увеличивать насыпь, под которой были погребены солдаты и грузовик. - Ну, вот, уточка, - сказал он мягко. - Видишь, это случилось. Их больше нет.

Он бережно поднял фигурку маленькой уточки и водрузил ее на вершину песчаного холма. Потом отряхнул руки от песка и вылез из песочницы.

- Сегодня День Святого Валентина,- неожиданно заявил он.

- Да, я знаю.

- Оставим их здесь на всю ночь и на весь день, - сказал он озабоченно, - не убирай их.

- Ты уйдешь и оставишь их там? - удивилась я.

- Точно, - он подошел ко мне и дотронулся до маленького блокнотика, лежащего у меня на коленях. - Запиши в свой блокнот. Дибс пришел. Ему было интересно играть с песком. Еще Дибс играл с домом и солдатиками. До свидания.

Он взял пальто и вышел из игровой, самостоятельно спустился в холл и дошел до приемной. Его мать помогла ему одеться. Он ушел, не произнеся ни слова.

Я прошла в свой офис и села за стол. Какой ребенок! Конечно, кто-нибудь сразу взялся бы за интерпретации, размышления и, наверно, сделал бы весьма достоверные выводы о смысле символической игры, которая разворачивалась сегодня в моем присутствии. Но мне кажется, что это излишне, что нужно сдерживать свое желание давать обширные интерпретации или исследовать игру как средство получения дополнительной информации.

По моему мнению, ценность этого вида терапевтического взаимодействия заключается в том, что ребенок переживает себя как самостоятельную и очень способную личность. Этот процесс переживания происходит в контексте отношения, которое транслирует ему две основные истины. Во-первых, никто не может знать о внутреннем мире человека больше, чем он сам. А во-вторых, свобода и ответственность растут и развиваются изнутри личности и являются ее достоянием. Ребенок должен научиться самоуважению и чувству собственного достоинства, которые естественно рождаются из растущего самопонимания, прежде, чем он научится уважать других людей, их права и индивидуальность.

Глава 7

В следующий четверг, когда Дибс появился на пороге Детского Центра, он поприветствовал меня быстрой улыбкой и направился в игровую впереди меня. Войдя в комнату, он сразу подошел к кукольному домику.

- Что-то здесь не так, - озабоченно произнес он. - Игрушки не на том месте,

- Наверное, кто-то играл с ними, - предположила я.

- Да, - кивнул он, потом внимательно огляделся и осмотрел песочницу. - И животные тоже. Они стоят не там, где я их оставил.

- Значит, и с ними кто-то играл.

- Так оно и есть, - сказал Дибс. Он стоял посередине комнаты и прислушивался. - Слышишь, на машинке печатают. Кто-то работает на печатной машинке. Печатает письма.

- Да, слышу.

Дибс снова использовал свой излюбленный прием - как только что-то начинало его беспокоить, он тут же переводил разговор на неодушевленные предметы, резко меняя тему. Он явно был расстроен тем, что кто-то переставил игрушки. Он спросил, кто их передвигал. Но ведь никто не давал ему обещания, что все останется так, как было. И это было сделано специально, ведь Дибсу, как и всякому ребенку, нужно было научиться принимать тот факт, что ни одна из частей его мира не может быть статичной, неизменной и управляемой. Теперь, когда он столкнулся с ситуацией непостоянства и изменчивости этого мира, было важно поработать с его ответной реакцией. Не через бесконечные объяснения и разговоры, не с помощью слов, слов, слов, а через свой собственный опыт. Он должен был ощутить свою способность справляться с изменяющимся миром.

Он подошел к песочнице и посмотрел на перемешанные игрушки и песок, который кто-то аккуратно разровнял.

- Где моя маленькая уточка? - спросил он серьезно.

- Тебя интересует, что случилось с маленькой уточкой, которую ты оставил на вершине холма? - уточнила я.

Он резко повернулся ко мне лицом и сердито уставился на меня.

- Ага. Так где же моя уточка?

- Ты сказал, что хочешь оставить ее здесь, а кто-то убрал ее, - я попыталась воссоздать ситуацию таким образом, чтобы, отвечая мне, он смог более точно выразить, а значит, и осознать свои мысли и чувства. Он подошел ко мне почти вплотную.

- Все правильно, - согласился он. - Но почему?

- Ты имеешь ввиду, почему я не проследила, чтобы к твоему приходу она стояла там, где ты ее оставил?

- Да, - ответил он упрямо. - Почему?

- А почему ты считаешь, что именно я допустила, чтобы это произошло? - я ответила вопросом на вопрос.

- Я не знаю. Это меня злит! Вы должны были уследить за ней!

Настал мой черед задавать вопросы.

- Почему я должна была сделать это? Разве я обещала тебе что-нибудь?

Он опустил глаза.

- Нет, - ответил он, и его голос упал до шепота.

- Но ты хотел, чтобы я сделала это?

- Да, - прошептал он. - Я хотел, чтобы вы сделали это только для меня.

- Другие дети приходили сюда и играли с этими игрушками. Кто-то из них, возможно, и переставил твоего утенка.

- А мой холм! Моя маленькая уточка стояла на холме!

- Я знаю. А сейчас песчаного холма нет, не так ли?

- Да, он исчез, - грустно прошептал Дибс.

- Ты сердишься из-за этого и расстроен, правда?

Он только кивнул в знак согласия. Он смотрел на меня, я на него. Дело было не в исчезнувшей песчаной горке, не в симпатичной пластиковой уточке, а в потере того чувства безопасности, которое он воплотил в ныне разрушенной постройке. И сейчас, столкнувшись с исчезновением конкретного символа, он должен был суметь справиться со своим разочарованием собственными силами. Понять, что все вокруг меняется и в свою очередь меняет нас. Мы не всегда можем контролировать то, что происходит с нами. Но, мобилизуя внутренние ресурсы, мы можем сохранить свою безопасность.

Он сидел на краю песочницы и молча смотрел на разбросанные фигурки.

Потом начал распределять их по видам. Он подошел ко мне и взял мой карандаш.

Он пытался вставить его в отверстие деревянной подставки, чтобы выковырять застрявшую там фигурку, но сломал кончик карандаша.

- Смотри, - он показал мне карандаш.

- Кончик сломался.

Он протянул его мне. «Зачем он сделал это?» - мелькнуло у меня в голове.

- Я пойду и поточу его, - сказала я, забирая у него сломанный карандаш. - Вернусь через несколько минут, оставайся здесь,

- и я вышла из комнаты.

Игровая комната была неотъемлемой частью нашей исследовательской работы, и мы часто использовали ее для проведения профессиональных обучающих программ. На стене игровой висело большое зеркало. На самом же деле зеркало было односторонним - тот, кто находился в игровой, прекрасно просматривался через него. За ним находилась темная комната, в ней сидели два специально обученных и тщательно отобранных наблюдателя, которые записывали на магнитофон все, что происходило в игровой. Потом записи монтировали, вставляя комментарии по поводу поведения ребенка и психотерапевта, а в протоколах запись велась с точным указанием временных интервалов. Мы используем эти записи для исследований, для обсуждения на наших регулярных ученых семинарах как часть профессиональной обучающей программы. Но прежде чем использовать этот материал, мы изменяем имена клиентов и всю идентификационную информацию, чтобы никто не смог узнать, о ком идет речь. При нашей работе с самыми разными людьми мы встречаем столько схожих проблем, что идентификация личности становится почти невозможной. Особенно ярко это проявляется в детской игровой терапии.

Когда я вышла из комнаты, чтобы поточить карандаш, наблюдатели в соседней комнате продолжали делать запись.

Дибс подобрал совок и начал копаться в песке, тихо разговаривая сам с собой:

- Ну, хорошо, - бормотал он. - Ты думаешь, что можешь оставаться здесь и ни о чем не беспокоиться? А как же твои животные, а люди? Я откопаю тебя. Я найду тебя. Я найду человечка, которого я похоронил. Я буду копать и копать, пока не найду.

Он работал очень быстро и вскоре нашел одного из солдат.

- Вот ты где, - обрадовался Дибс. - Я нашел тебя, солдат. Стой прямо и твердо, как железный прут в заборе, я поставлю тебя сюда, головой вниз. Только сделаю ямку в песке.

Он погружал солдата в песок вниз головой до тех пор, пока тот совсем не исчез. Дибс разгладил песок и отряхнул руки. Улыбнулся. Потом засмеялся. Вдруг его голос изменился, и он произнес весело и задорно:

- Дибс, сними свои шапку и пальто, сегодня здесь холодно.

Я вернулась в комнату с отточенным карандашом. Дибс взглянул на меня.

- Здесь холодно. Снимите с меня пальто.

- Да, сегодня и правда холодно, - ответила я. - Было бы лучше, если бы ты остался в пиджаке.

- Включи обогреватель, - сказал он и направился к радиатору. Он дотронулся до него и удивленно произнес: - Радиатор холодный.

- Да, я знаю.

- Я включу его, - сказал он, включая обогреватель.

- Ты думаешь, что от него станет теплее? - спросила я.

- Да, если в подвале горит огонь.

- Огонь, в подвале? - удивленно переспросила я.

- В >печи>, - пояснил он. - В печи, которая стоит в подвале.

- Теперь понятно. С обогревом сегодня что-то не в порядке, и рабочие сейчас ремонтируют печь.

- А что с ней случилось?

- Я не знаю, - честно ответила я.

- А могли бы узнать, - произнес он после небольшой паузы.

- Но как? - поинтересовалась я.

- Вы могли бы спуститься в подвал, постоять там какое-то время в сторонке, понаблюдать за рабочими и послушать, что они скажут, - посоветовал он.

- Да, пожалуй, если бы я так сделала, я бы все узнала, - согласилась я с его доводами.
- Тогда почему же вы не сделаете это?
- Скажу тебе правду, Дибс. Мне и в голову не приходило ничего подобного.
- Вы можете узнать много чего интересного таким способом, - заметил он.
- В этом я не сомневаюсь.

Я поняла, что Дибс поделился со мной средством, испытанном на собственном опыте. Тому, что он умеет, он научился именно так - всегда находясь где-то поблизости, внимательно слушая и наблюдая.

Дибс подошел к буфету и заглянул внутрь.

- Совершенно пусто, - сказал он мне, удивленно пожимая плечами.
- Верно, - ответила я и невольно улыбнулась. Он обращался ко мне, позволяя контролировать свои наблюдения, как бы включая меня в свои исследования!
- Сегодня слишком холодно, чтобы снимать мои рейтзузы.
- Я тоже так думаю.
- В прошлый четверг печь топили в первой половине дня.
- Может быть, - согласилась я.
- Ну, а как же еще, если не так? - с укоризной произнес он.
- Дибс, я не знаю. Я никогда не изучала аварии печей. Я не разбираюсь в таких вопросах.

Дибс засмеялся:

- Вы замечаете только тогда, когда становится холодно.
- Наверное, ты прав. Я считаю, что, если в комнате все время тепло, значит все в порядке. А если нет, я начинаю думать, что что-то нуждается в починке.
- И тогда вы замечаете, что она сломана, - заключил он.
- Только тогда, - подтвердила я.

Он подошел к столу, взял детскую бутылочку и стал пить из нее. А когда отрывался от бутылочки, обращался ко мне.

- Мисс А не одела сегодня галоши, - заметил он.
- Да, я не одела их сегодня.
- Это хорошо, - сказал он, ухватился за стул и потащил его к шкафу, стоявшему в одном из углов комнаты. Там, рядом с дверью, стояла квадратная ширма, которая служила занавесом для кукольного театра. Он забрался на стул, раздвинул занавески и заглянул внутрь.

- Пусто, - сообщил он.

Тогда он потащил стул к раковине, взобрался на него и заглянул в буфет над раковиной.

- Пусто, - разочарованно протянул он.
- В тех высоких шкафах ничего нет, - предупредила я его, но он все же осмотрел [каждый шкаф. Ничего не обнаружив, он перетащил стул чуть дальше и открыл дверцы шкафа, скрывающие раковину. Он снял соску с бутылочки и, повернув кран, терпеливо ждал, пока вода польется в полную силу. Заполнив бутылочку до верху, он тут же вылил воду в раковину, закрыл кран, положил соску на стол и переключился на песочницу. Подобрав с пола ружье, он стал старательно заполнять его песком. Потом оттянул спусковой крючок, прицелился и попытался выстрелить. Но весь песок просыпался из ружья на пол. Он уселся поудобнее на край песочницы и снова забил ствол песком. История повторилась - как только он нажал на курок, весь песок оказался на полу.

- Оно так не стреляет, - решил он.

Он отложил ружье и стал сгребать песок в центр песочницы. Сидя ко мне лицом, он начал подбирать разбросанных животных и комментировать свои действия вслух в своей привычной манере.

- Петух кукарекает. Ку-ка-ре-ку. Петух кукарекает, а курица несет яйца. Две утки плавают. Смотри, у них есть свой пруд, их собственный маленький пруд. Маленькая утка говорит кря-кря, и большая говорит кря-кря. Они вместе плавают в своем маленьком пруду. А вот два кролика. Две собаки. Две коровы. Две лошади. Две кошки. Всех по двое. И нет никого, кто был бы совсем один!

Он встал и взял в руки большую коробку, в которой обычно лежали солдатики.

- Это коробка для солдатиков. Она с крышкой, которой ее можно закрыть. Она очень плотная.

Он прополз на коленях вокруг песочницы, чтобы обследовать маленький домик для кукол. Пододвинув его к себе, он сказал:

- *Люди в этом доме не живут!* Только кошка и кролик. Одна кошка и один кролик, - он скользнул по мне взглядом и добавил:

- Маршмеллоу. Так зовут кролика, который живет у нас в школе. Мы держим его в большой клетке в одной из наших комнат. Иногда ему разрешают выйти из нее, чтобы побегать, попрыгать, а еще посидеть и подумать.

- Значит, кролик и кошка живут в этом доме вместе. А Маршмеллоу - это имя кролика. Правильно? - уточнила я.

- Это *школьное имя* кролика, - поправил меня Дибс. - Но это не тот кролик, который живет в доме с кошкой. Кролик по имени Маршмеллоу живет у нас в школе. Он очень большой и белый. Он похож на этого, но не совсем, потому что он живой, а этот

- игрушечный. Я посмотрел на игрушечного и вспомнил того кролика, который живет у нас в школе. Вот так.

- Понятно, - поправилась я, - у вас в школе живет прирученный кролик.

- *Клеточный* кролик, - уточнил Дибс,

- но иногда мы выпускаем его из клетки. А когда никого нет, я сам выпускаю кролика.

Дибс впервые рассказал мне эпизод из своей школьной жизни. А это значило, что он делает успехи, ведь он поделился со мной очень личным, тем, что никто, кроме него, не знал. Интересно, изменилось ли его поведение в школе с того момента, как он начал посещать сеансы терапии? Сейчас он был совсем не похож на того ребенка, которого я увидела, когда впервые вошла в его группу. Мне тогда позвонил директор школы и попросил посмотреть Дибса и оценить, есть ли необходимость в сеансах игровой терапии. Я тогда честно сказала, что не знаю, пойдут ли они ему на пользу, но согласилась попробовать. Так как для работы нам нужно было согласие родителей, мы оставили этот вопрос открытым, но договорились, что они могут обращаться ко мне за консультацией, если возникнут трудности с Дибсом. Я также обещала присутствовать на собраниях, посвященных этой проблеме, если руководство захочет обсудить существующее положение дел. Я с большим вниманием отнеслась к этой работе, потому что понимала, что может сложиться ситуация, когда мне придется дать обоснованное заключение относительно состояния Дибса, и это может повлиять на решение педагогического совета.

Когда мать Дибса дала согласие на проведение сеансов игровой терапии с ее сыном, я не стала сообщать об этом в школу. По моему мнению, только родители должны быть в курсе того, как проходит терапия. К тому же, по правилам никто не имеет права начинать работу с ребенком или разглашать ее результаты без письменного разрешения его родителей.

Меня очень заинтересовало замечание Дибса о кролике, который живет у них в школе. Оно лишний раз подтверждало мои догадки. Дибс, внешне выпадая из общей деятельности и попадая в число аутсайдеров, тем не менее достаточно активно взаимодействовал со своим окружением. Он наблюдал, изучал, принимал важные решения и делал свои небольшие открытия как раз тогда, когда ползал вдоль комнаты, прикасался к вещам, листал книги и прислушивался к разговорам. Мне было очень интересно знать, что он делает, когда оказывается дома или в школе. Это помогло бы мне лучше понять, почему он ведет себя в игровой именно так. И хотя мне было важно, что могли бы рассказать о его поведении другие, это не изменило бы основных процедур моей работы. Ведь моя главная задача - помочь Дибсу проявить и понять себя. Сделать явными и понять его чувства, его отношение к людям, то, как он воспринимает этот мир, его мысли и желания. Теперь я знала, что Дибс выпускал кролика на свободу, и должна была понять причину этого поступка. Я чувствовала, что это важно.

Он тем временем сделал забор из картона и огородил животных.

- Я сделаю дверь в заборе и животные смогут выходить, когда захотят, - разъяснял он мне, склонившись над оградой и пытаясь прорезать ворота.

Кивком головы я дала ему понять, что слежу за его работой. Он набрал множество кусков картона разной формы и пытался выбрать один из них, который подошел бы прорезанной двери. Он критически оценивал каждый кусок.

- Этот... Нет. Этот... Хорошо, этот кусок ничего. Подходит.

Наконец он протянул мне одну из картонок, чтобы я оценила его выбор. Что интересно, по форме и размеру этот кусок точно подходил к прорезанным воротам. Он уже вынул несколько солдатиков.

- У этого есть ружье, а этот едет на лошади, - он выставил их в ряд на краю песочницы. - А вот этих я положу в коробку, - сказал он, пряча туда остальных. - Грузовик снова прокладывает дорогу вокруг дома. Кролик и кошка смотрят в окно, только смотрят и наблюдают.

Он замер, положив руки на колени, и просидел несколько минут молча. Выражение его лица было серьезным, но глаза блестели так, как будто ему в голову пришла какая-то очень хорошая мысль.

- Это не День Независимости, - сообщил он, наклонившись поближе ко мне. -

Он не наступит до четвертого июля. Он придет в четверг. Четыре месяца и две недели пройдут, и наступит четверг. Я приду и увижу мисс А. Я смотрел в календарь. Понедельник - первое июля. Вторник - второе июля. Среда - третье. Среда - это почти День Независимости, но не совсем. Когда наступит четвертое июля, будет День Независимости и четверг, и я приду! - Он взял в руки игрушечного кролика. - Среда, третью июля, этот день будет долгим - утро, день, ночь. А потом наступит следующее утро, День Независимости, четвертое июля, четверг. И я буду здесь!

- Тебе действительно нравится приходить сюда?

- Очень! - воскликнул он и улыбнулся. Потом быстро успокоился и продолжал: - День Независимости - это день солдат и моряков. Будут стучать по барабанам: бу-бу-бу-бу. Вывесят флаги, - он запел какой-то марш. Наполнил грузовик песком и потянул его за собой. - Это веселый день! День Независимости! Все ликуют и радуются. Солдаты свободны, и все двери раскрыты!

Его язык был красив и выразителен. Как же он развивался, ведь он жил словно в дикой пустыне, спрятавшись от всех, устав от одиночества, страха и отчаяния? Только сейчас он начал пробиваться сквозь стену страха, сковавшую его уверенность. Отчаяние, страх и беспокойство уходили, уступая место доверию и надежде. Его печаль и разочарование постепенно таяли в лучах его радости.

- Ты чувствуешь радость, Дибс?

- Да, - ответил он, - и не хочу терять ее. Я с радостью прихожу сюда.

Я смотрела на него, сидящего на краю песочницы. Его лицо светилось умиротворенностью. И хотя он выглядел таким маленьким, я не могла не почувствовать силу уверенности и достоинства, которую он излучал всем своим существом.

- Я прихожу сюда с радостью, - повторил он. - Здесь от меня уходит тоска.

- Вот как? А как насчет радости, которую ты уносишь с собой? - спросила я.

- Дибс похоронил игрушечных солдатиков в песке. Это сделает их несчастными: они не могут видеть, слышать, дышать. Дибс, откопай их, - приказал он себе. - Прежде всего, ты должен знать, что пройдет некоторое время, и ты пойдешь домой. Ты хочешь оставить их похороненными? - спросил он себя.

- Осталось пять минут, - напомнила я. - Ты хочешь оставить их здесь похороненными?

Он быстро выпрыгнул из песочницы.

- Я поиграю с солдатиками здесь, на полу, я выстрою их по порядку.

Он плюхнулся на пол и начал построение. Потом подошел к песочнице и выкопал похороненных солдатиков. Внимательно рассмотрев каждого из них, он протянул мне одного и сказал:

- Это папа.

- Вот как? Значит, это папа? - переспросила я.

- Да, - Дибс кивнул головой и поставил его на пол перед собой. Сжав кулак, он с силой ударил по солдатику, потом поднял упавшую фигурку и снова стукнул по ней. Повторив это несколько раз, он посмотрел на меня.

- Осталось четыре минуты? - уточнил он время.

- Да, - подтвердила я, сверившись с часами. - Осталось четыре минуты.

Дибс играл с папой-солдатиком. Он ставил его перед собой, ударял по нему кулаком, поднимал его, и все повторялось снова.

Через некоторое время он опять задал свой вопрос:

- Осталось три минуты?

- Да, - согласилась я, - скоро ты пойдешь домой.

Я повторила эту фразу, чтобы акцентировать его внимание на том, о чем он всегда знал, но так не хотел выполнять.

- Это верно, - сказал Дибс. - И даже если я не хочу идти домой, наше время закончится, и я уйду.

- Да, Дибс. Даже если тебе не хочется идти домой, ты должен это сделать.

- Ага, - Дибс глубоко вздохнул и некоторое время сидел молча. Казалось, что он пытается удержать убегающие минуты. Он очень переживал.

- Осталось две минуты? - Да.

- Я приду в следующий четверг, - уверенно заявил он.

- Обязательно придешь, - согласилась я.

- Завтра день рождения Вашингтона, пятница. В субботу ничего не будет. Воскресение - это двадцать четвертое число. Затем наступит понедельник, и я пойду в школу, - его глаза радостно засияли.

Школа значила для Дибса очень много, хотя он никогда не показывал этого. Несмотря на то, что его воспитатели были очень расстроены своим бессилием и уже отчаялись найти ключик к его сердцу, они продолжали заниматься с ним и верить в него. Дибс был в курсе всех событий, происходящих в школе. Веселый марш, который он напевал сегодня, наверняка был одной из тех песенок, которую разучивали ребята из его группы. Кролик Маршмеллоу был их питомцем (точнее, «клеточным животным», как выразился Дибс). Но все же он был частью их школьной жизни. Я вспомнила заседание, на котором я присутствовала. На ум пришла история мисс Джейн о том, как она рассказывала Дибсу о принципах магнитного притяжения. Его воспитатели не хотели сдаваться, и были правы. Ведь мы до сих пор не знаем, как воспринимает ребенок то, о чем мы говорим, то, с чем знакомим его. Каждый воспринимает это по-своему. И мы не знаем, что он выносит из этого общения и что включает он в копилку своего опыта, чтобы научитьсяправляться с окружающим миром, да и со своим собственным тоже.

- В понедельник мы узнаем школьные новости, - сказал Дибс. - Они будут в ярко-желтых, голубых и белых конвертах. И на тринадцати страницах. В холле есть доска, на которой для нас вывешиваются заметки. Потом будут вторник, среда и четверг. И в четверг я опять приду сюда.

- Ты хорошо осведомлен о том, что будет происходить на следующей неделе. О дне рождения Вашингтона, о школьной газете и о том, что должна пройти неделя, прежде чем ты сможешь прийти сюда снова, - заметила я вслух, а про себя подумала: «А еще ты читаешь намного лучше, чем другие дети твоего возраста. И хорошо усваиваешь то, что узнаешь из книг». Но я не стала акцентировать внимание на его способностях к чтению. Он воспринимал это как должное. Поэтому и я поступала также. К тому же того, что он умел хорошо читать, было недостаточно для его полноценного развития.

- У меня осталась еще одна минута? - с надеждой спросил он.

- Да, еще одна.

Он поднял с пола фигурку, которую назвал папой, и забросил ее в песочницу.

- Сегодня меня забирает папа.

- Вот как? - воскликнула я и напрягла слух. Папа все-таки появлялся иногда в его жизни.

Мы посмотрели друг на друга. Наше время истекло, и мы оба знали это. Наконец Дибс встал.

- Пора, - он глубоко вздохнул.

- Да, нам уже пора, - согласилась я.

- Я хочу рисовать, - сказал Дибс.

- Ты хочешь сказать, что не хочешь уходить, даже если знаешь, что наше время закончилось, - прокомментировала я.

Дибс посмотрел на меня. По его лицу пробежала легкая тень улыбки. Он наклонился и передвинул каждого солдатика, стоящего на полу, таким образом, что они выстроились в линию. Солдатики целились в меня. Подойдя к двери, он обернулся и сказал:

- Ружья полезны, когда они стреляют.

Он взял шапку и направился в холл. Я спустилась вслед за ним. Мне хотелось увидеть его отца.

- До свидания, - сказал Дибс, прощаясь со мной.

- До свидания, Дибс. Увидимся в следующий четверг.

Его отец в упор смотрел на меня. Он поздоровался со мной натянутым голосом. Было видно, что он чувствует себя очень неловко.

- Здравствуйте, - ответила я на его приветствие.

- Папа, ты знаешь, что сегодня не День Независимости? - обратился к нему Дибс.

- Пошли, Дибс. Я тороплюсь.

- И он не наступит до июля, - настаивал Дибс. - Но он наступит в четверг, через четыре месяца и две недели.

- *Дибс, пойдем!* - раздраженно повторил отец, весьма смущенный этим разговором, который, по всей вероятности, казался ему очень странным. Если, конечно, он слушал его.

- День Независимости наступит в четверг, - упрямо продолжал Дибс. - Четвертого июля.

А отец тем временем безуспешно пытался вытолкнуть ребенка за дверь.

- Ты прекратишь свою бессмысленную болтовню? - процедил он сквозь зубы.

Дибс тут же замолчал, весь как будто поникнул и позволил отцу увести себя.

В приемной не осталось никого, кроме меня и секретаря. Она посмотрела на меня и с негодованием заявила:

- Старый козел! Почему бы ему не пойти и не утопиться в реке Ист?

- И правда, почему бы и нет? - поддержала я.

Я вернулась в игровую, куда вскоре должен был прийти следующий юный посетитель. В комнату вошли наблюдатели, чтобы помочь мне навести порядок. Один из них рассказал, что делал Дибс, когда я отошла, чтобы поточить карандаш. Мы перемотали ленту и прослушали часть записи. «Какой ребенок!» - восхитился один из наблюдателей.

А как восприимчив, подумала я. «Стой твердо и прямо, как железный прут в заборе», - вспомнила я. И почувствовала себя как фигурка отца, закопанная здесь и оставленная в одиночестве до следующей недели. Он не слушал своего ребенка. Дибс пытался общаться с ним, но отец воспринимал его разговоры как пустую болтовню. Какой же огромной внутренней силой должен обладать Дибс, чтобы остаться творческой личностью при таком сильном давлении со стороны его родных.

Иногда очень трудно принять тот факт, что родители тоже имеют свои причины на такое поведение, заключенные в глубинах их личности, в недостатке любви, понимания, которых не хватает им самим, и они переносят это на своих детей.

Глава 8

На следующее утро мне позвонила мать Дибса и спросила, не могла бы я встретиться с ней лично. Она очень извинялась, но просила, чтобы встреча состоялась как можно быстрее. Конечно, если я не очень занята. Я заглянула в

свой настольный календарь и предложила ей несколько возможных вариантов: сегодня утром или днем, днем в понедельник, вторник или среду. Она заколебалась и спросила, какое время было бы наиболее удобно для меня. Я ответила, что для меня это не имеет ровным счетом никакого значения. Так что встреча состоится в любое удобное для нее время. Я также упомянула, что буду в Центре во все названные мной дни, и поэтому она может выбрать любое удобное для себя время. Она снова заколебалась, и наконец после длительного раздумья она пришла к решению.

- Я буду у вас сегодня в 10 утра. Большое спасибо, что вы согласились уделить мне время.

Мне стало интересно, что подвело ее сделать этот звонок и договориться о столь скорой встрече. Была ли она довольна, расстроена или неудовлетворена Дисбом? Как отреагировал ее муж на свое вчерашнее посещение, когда пришел забирать Дибса? Она появится в Центре не менее чем через час. И когда она придет, я узнаю, что произошло.

Трудно было представить, во что выльется наш разговор. Она могла быть все еще скованной. Вполне возможно, что она была не готова разбираться в проблемах, которые и привели ее сюда. Возможно, она так расстроена, удручена, ее так переполняет чувство дискомфорта, что она будет рада поговорить об этом с кем-нибудь еще. Для меня было важно узнать, что ее волнует, ведь это имело прямое отношение к Дибсу. Я хотела попытаться вызвать ее на откровенный разговор во время нашей встречи. Единственное, в чем я была твердо уверена, так это в том, что ей было очень непросто решиться на эту встречу. И неважно, как она будет себя вести, будет ли молчать или говорить о вещах, не имеющих никакого отношения к делу, задавать мне вопросы или сдержанно рассказывать о своих личных проблемах. Для меня наиболее важным было найти с ней общий язык, чтобы наша встреча прошла как можно более эффективно для нас обоих. Моя позиция заключается в том, что ее личная жизнь принадлежит только ей и только она вправе решать, доверять ли ей мне, чтобы поделиться частью тех проблем, которые ее волнуют. Если она решится на это, то я, как психотерапевт, не стану ее торопить и стараться разузнать о ней что-то такое, о чем ей не хотелось бы говорить при нашей первой встрече. Просто надо принять во внимание, что она хочет поделиться теми проблемами, которые у нее накопились, и попытаться их понять. Если же она не отважится раскрыться, то я, разумеется, не собираюсь стучать в закрытую дверь. Пусть она сама постарается найти в себе силы, чтобы в дальнейшем разобраться в себе. Для меня была бы очень важна та информация, которую она может сообщить о Дибсе и о себе. Но при этом следовало помнить, что она - человек с чувством собственного достоинства, самоуважением и осознает себя как личность, которая вправе распоряжаться своей личной жизнью. Она приехала в Центр очень быстро. Мы сразу же направились ко мне в офис. Она удовольствием пошла за мной, так как испытывала неудобство, ожидая меня в приемной. Было очень важно встретить ее сразу, как только она придет и не заставлять ее ждать так как она очень торопилась, чтобы встретиться со мной.

Она села в кресло так, чтобы мы могли видеть друг друга. Она была очень бледна. Её пальцы были плотно сжаты. Я не могла поймать ее взгляд, он как будто ускользал от меня. Она отводила глаза, чтобы не встречаться со мной взглядом. Точно так же вел себя Дибс когда впервые пришел в игровую.

Я предложила ей сигарету, но она отказалась. Я положила пачку на стол.

- Я не курю, но если вы хотите, то я не возражаю.

- Я тоже не курю, - ответила я и положила пачку в ящик стола. Я сделала это, чтобы снять напряжение в первые минуты нашего общения.

Я выжидательно посмотрела на нее. В ее глазах ясно читались паника и отчаяние. Не следовало сразу же приступить к обсуждению ее проблем, выступать в роли лидера задавая нужные мне вопросы. Важно не превратить нашу встречу в обсуждение чего-то обыденного. Если же она захочет мне что-то сообщить сама, то это другое дело. Мне же сейчас нужно было понять, с какой целью она затеяла эту встречу. Раз она попросила меня об этом, значит на это были свои причины.

Если бы я попросила ее прийти на встречу, то она носила бы совсем иной характер и основная ответственность лежала бы на мне.

Первая встреча - самый трудный и решающий момент. Она полностью определяет дальнейшую результативность вашей работы. Попытка проинтерпретировать такую встречу совершенно бесполезна. Преждевременно сейчас делать какие-то выводы. Я не чувствовала неловкости из-за затянувшегося молчания, так как я понимала, что ей нужно собраться с мыслями и настроиться на беседу. Я считала, что она сама сделает это гораздо успешнее, чем если бы я вмешалась в этот процесс. Мы не стремились завести разговор только для того, чтобы поболтать.

- Я не знаю, с чего мне начать, - наконец произнесла она.

- Понимаю, иногда очень трудно начать разговор, - поддержала я.

- Так много хочется сказать, и так много того, что не расскажешь, - сказала она, безрадостно улыбнувшись.

- Такое случается нередко, - заметила я.

- То, что не произносится, лежит на тебе тяжелым бременем, - сказала она.

- Да, так тоже иногда случается, - согласилась я.

Она сидела молча, устремив свой взгляд за окно, в течение долгого времени. Она начала расслабляться.

- Из вашего окна открывается чудесный вид, - заметила она. - Церковь напротив так прекрасна. Она выглядит такой большой, сильной и спокойной.

- Это действительно так.

Она опустила глаза и посмотрела на свои плотно сжатые руки. Подняв глаза, она встретилась с моим взглядом. В ее глазах стояли слезы.

- Я так переживаю за Дибса. Он очень беспокоит меня.

Я не ожидала услышать эти слова. Я попыталась перефразировать ее замечание как можно более корректно.

- Вы волнуетесь за него?

Больше ничего не следовало добавлять. Я не стала спрашивать ее почему?

- Да, я очень беспокоюсь о нем. Недавно он казался таким несчастным. Он стоит неподвижно, только смотрит на меня и молчит. Он стал чаще выходить из своей комнаты. Но он только стоит около предметов, словно призрак. А когда я заговариваю с ним, он сразу же убегает. Только оглянется и посмотрит на меня глазами полными такой невыразимой печали.

Она достала бумажную салфетку из коробки, которую я заблаговременно положила на стол, и вытерла глаза.

Ее замечание очень заинтересовало меня. Дибс стал чаще выходить из комнаты. Но, судя по ее словам, последнее время он выглядит более несчастным, чем когда-либо. Может быть, Дибс стал выражать свои чувства более открыто. А может, она сама стала более восприимчивой к переживаниям своего сына.

- Когда он так поступает, я теряюсь и не знаю, что делать, - продолжила она после длительной паузы. - Как будто он требует от меня того, что я не могу ему дать. Его очень трудно понять. Я пыталась. Правда, пыталась. Но потерпела неудачу. Я не понимала его с самого начала, с того времени, когда он был еще младенцем. Дибс - мой первый ребенок, и у меня совсем не было опыта. Я не знала, как нужно вести себя с малышами. Я не имела ни малейшего понятия о том, что они представляют из себя как личности. Я знала все об их биологии, физиологии и гигиене, ведь я медик. Но я никогда не понимала Дибса. Он стал нашей душевной болью, нашим разочарованием с самого рождения. Мы не планировали иметь детей. Его появление на свет было досадной случайностью. Он расстроил все наши планы... Тогда я много времени уделяла своей карьере, и мой муж гордился моими достижениями. Мы были счастливы, пока не появился Дибс. А когда он родился, все изменилось. Он родился ни на что не похожим - большим и безобразным. Такой большой бесформенный кусок! Это невозможно выразить словами. Он отвергал меня с момента своего рождения. Каждый раз, когда я брала его на руки, он начинал плакать и кричать, - по ее лицу текли слезы. Она вытирала их салфеткой, но это не помогало. Она никак не могла успокоиться. Я начала было говорить, но она тут же прервала меня.

- Пожалуйста, не говорите ничего, - она умоляюще посмотрела на меня. - Я наконец-то могу выговориться. Я слишком долго держала это в себе. Как будто носила тяжелый камень на груди. Думайте обо мне, что хотите, но дайте мне закончить.

Я понимающе кивнула головой, давая ей понять, что готова выслушать ее.

- Я не собиралась говорить об этом. Когда я позвонила вам и попросила о встрече, я хотела всего лишь расспросить вас о Дибсе. Его отец был очень расстроен тем, что произошло вчера. Он считает, что терапия вредит Дибсу, делает его неуправляемым. Но есть кое-что, о чем я должна вам рассказать. Я долгое время скрывала это от всех. Моя беременность была очень тяжелой. Я почти все время болела. Мой муж негодовал по поводу моей беременности, он считал, что я могла ее предотвратить. Я не виню его. Я тоже была очень расстроена. Мы не могли заниматься теми вещами, которые обычно делали вместе, не могли пойти куда-нибудь. Хотя правильнее было бы сказать, что мы могли, но не делали. Муж все больше и больше отдался от меня, с головой ушел в работу. Вы же знаете, он ученый. Блестящий ученый! Но замкнутый. И очень, очень чувствительный. Возможно, это удивит вас. Я не говорила об этом, даже в школе об этом не знают, - ее губы искривились в горькой усмешке.

- До того, как я забеременела, я была хирургом. Я любила свою работу. Подавала большие надежды. Я великолепно провела две операции на сердце. Мой муж гордился мной. Нас окружали блестящие, талантливые и интересные люди. А потом родился Дибс, и все наши планы рухнули. Я почувствовала, что потерпела ужасную неудачу. Я решила уйти с работы. Мои близкие друзья, с которыми я была связана профессионально, пытались отговорить меня. Они не понимали, почему я приняла такое решение. Я не сказала им о Дибсе. То есть они знали о моей беременности, но не о Дибсе. Это случилось вскоре после того, как стало понятно, что Дибс ненормален. То, что он появился на свет, само по себе стало причиной многих наших неприятностей. Но его умственная отсталость - это было слишком! Мы не могли этого вынести. Мы были унижены. Ничего подобного никогда не случалось в наших семьях. Мой муж известен на всю страну своими достижениями. Да и мои успехи тоже были значительными. Все наши интересы так или иначе были связаны с интеллектуальной сферой. Мы всегда ценили ясность, точность мысли, незаурядные интеллектуальные способности. То же касается наших семей. Мы оба выросли в семьях, где уровень развития способностей намного превышал средние показатели. И вдруг появился Дибс! Такой странный. Замкнутый. Недорога. Он не говорил. Не играл. Поздно начал ходить. Бросался на людей, словно маленький дикий звереныш. Это было невыносимо. Мы не хотели, чтобы кто-нибудь из наших друзей узнал о нем. Мы стали отдаляться от них, постепенно прерывая все контакты с ними. Ведь если бы мы продолжали общаться с ними, то рано или поздно они узнали бы о Дибсе. А мы не хотели, чтобы кто-нибудь увидел его. Это было так унижительно! Я потеряла уверенность в себе. Я не смогла вернуться на работу. Я знала, что больше никогда не смогу провести ни одной операции. Не было такого места, куда бы мы могли отправить его. Мы пытались решить эту проблему, как умели. Мы не хотели, чтобы кто-нибудь узнал о нашем несчастье. И поэтому отправились с ним к невропатологу на Западное Побережье. Разумеется, под другим именем. Мы боялись, что кто-то сможет нас узнать. Но невропатолог не обнаружил у Дибса никаких органических нарушений. Через год мы отправили его к психиатру, снова выбрав удаленный район. Мы рассчитывали, что сможем оставить его в одном из специальных заведений, куда его поместят с психиатрическим или иным диагнозом. Я полагала, что у Дибса шизофрения. Если его умственная отсталость была фикцией, он мог оказаться аутистом. Я почувствовала, что его симптоматика имеет непосредственное отношение к травме головного мозга. Психиатр настоял, чтобы я привела своего мужа на несколько наших встреч. Это был первый и последний раз, когда мы открыли врачу всю правду о Дибсе. Это был очень тяжелый период нашей жизни. Психиатр беседовал с нами вместе и по отдельности. С нами занимались социальные работники. Они беспощадно копались в нашей личной жизни. А когда

мы давали им понять, что они превышают свои профессиональные полномочия, задавая нам подобные вопросы, они уверяли, что мы настроены враждебно и оказываем сопротивление. Казалось, что они получают садистское удовольствие, проявляя полную бесчувственность и мучая нас бестактными вопросами. Потом психиатр сказал нам, что будет с нами откровенен. У Дибса нет мозговой травмы. Он не психотик и не умственно отсталый. Но он переживает сильнейшую эмоциональную депривацию. Психиатр также сказал, что никогда не видел, чтобы собственного ребенка так отторгали. Он заявил, что я и мой муж нуждаемся в квалифицированной помощи, и предложил совместное лечение. Ничего более ужасного мы не слышали. Нам было стыдно и неприятно. Любой человек, который видел нас с мужем, мог бы с уверенностью подтвердить, что мы были абсолютно адекватны в сложившейся ситуации. Мы никогда не стремились к легкой жизни, мы были свободны в своих действиях. У нас были друзья и коллеги, которые уважали нас, считались с нашими желаниями и с нашей личной жизнью, в конце концов! У нас никогда не возникало личных проблем, с которыми мы были бы не в состоянии справиться без посторонней помощи. Мы привезли Дибса домой и оставили все, как есть. Но это разрушило наш брак. Мы никогда не рассказывали об этом обследовании. Наши семьи ничего не знали. Школа тоже. Но мой муж отдался от меня все дальше и дальше. Через год после рождения Дибса на свет появилась Дороти. Я думала, что второй ребенок изменит Дибса. Но они не поладили. Зато Дороти всегда была чудесным ребенком. Она доказала нам, что отклонение Дибса - это не наша вина. Потом мы записали Дибса в частную школу, где вы его и встретили. Никто не знает о том, как тяжело иметь умственно отсталого ребенка. Единственный человек, которого Дибс принял, была его бабушка. Она жила у нас в течение месяца, когда Дибс только родился, и навещала нас раз в месяц в течение трех лет, пока не переехала во Флориду. После этого она стала приезжать к нам дважды в год и оставаться в нашем доме около месяца. Дибс всегда помнил о ней, всегда радовался, когда она приезжала. И очень скучает и чувствует себя одиноким, когда она уезжает от нас. Он, кажется, даже считает дни до того момента, когда она приедет опять. Я делаю для Дибса все, что только могу. Мы покупаем все, что может ему помочь: игрушки, музыкальные инструменты, игры, книги. В его комнате можно найти все необходимое для его развития, образования и развлечения. Временами мне кажется, что он счастлив, сидя в своей комнате. Он чувствует себя счастливее, когда остается один. Вот почему мы отправили Дороти в закрытую школу-интернат, находящуюся недалеко от нас. Она живет дома в выходные дни и на каникулах. Я вижу, что Дибсу лучше, когда ее нет дома. А ей лучше в школе. Они совсем не ладят. Дибс бросается на нее с кулаками, если она заходит в его комнату или вертится около него. Последнее время он выглядит таким несчастным. И похоже, что он изменился. Вчера, когда отец привел его домой, он был очень расстроен. Они оба были расстроены. Мой муж сказал, что Дибс болтал без умолку, как идиот, - ей стало хуже, и она горько зарыдала. - Я спросила, что же такого говорил Дибс. А муж ответил, что он болтал всякую чушь. Дибс тем временем обошел всю комнату, схватил стул, отбросил его и опрокинул кофейный столик. Он начал кричать на отца. Он кричал: «Я тебя ненавижу! Я ненавижу тебя!» Подбежал к нему и стал бить его своими кулаками. Муж схватил его и после непродолжительной борьбы все-таки справился с ним и унес его в комнату. Он запер Дибса на ключ в его игровой. Когда муж вернулся, я плакала от осознания своего бессилия, я не могла ничем помочь им обоим. Я знала, что он не переносит слез и ненавидит такие сцены. Но я больше не могла сдерживаться и сказала ему: «Сейчас Дибс не болтал, как идиот, он сказал, что ненавидит тебя!» Мой муж тяжело опустился на стул и вдруг зарыдал. Я растерялась. Я раньше никогда не видела, чтобы он плакал. Я даже не могла предположить, что может случиться что-нибудь такое, что вызовет его слезы. Я вдруг ужасно испугалась, потому что поняла, что он был так же напуган и беспомощен, как и я. Я думаю, что в тот момент мы были ближе друг к другу, чем когда-либо еще. Внезапно мы оказались всего лишь напуганными, одинокими и несчастными людьми, совершенно беззащитными и никому не нужными. Это было ужасное чувство. Но в

то же время мы почувствовали облегчение, когда поняли, что мы такие же люди, как и все. Что мы тоже можем терпеть поражение, у нас могут быть неудачи, и все это вполне допустимо... Наконец мы пришли в себя, и муж сказал, что, по-видимому, мы были неправы в наших оценках Дибса. Мы решили, что я схожу к вам и узнаю, что вы думаете о Дибсе, - она пристально смотрела на меня, а в ее глазах отражался панический страх. - Скажите мне, неужели Дибс действительно умственно отсталый ребенок?

- Нет, - твердо сказала я, отвечая на поставленный вопрос и не говоря ничего сверх того, что она хотела услышать. - Я не считаю, что Дибс - умственно отсталый.

Наступило долгое молчание. Она глубоко вздохнула.

- Неужели... неужели вы думаете, что с ним все будет хорошо и он сможет научиться делать все так же, как и другие дети?

- Именно так я и думаю. Но важнее другое. Я считаю, что именно вы сможете ответить на этот вопрос более точно, чем я, поскольку вы живете с ним дома, разговариваете с ним, играете, наблюдаете за ним больше, чем кто-либо еще. Я полагаю, что вы могли бы ответить даже сейчас.

Она медленно опустила голову.

- Да, - ответила она, и ее голос упал почти до шепота. - Я заметила множество вещей, которые свидетельствуют о том, что у него есть некоторые способности. Но похоже, что он очень несчастен и все больше замыкается в себе. Он больше не проявляет своего гнева. Ни в школе. Ни дома. Вчерашняя сцена не была вспышкой гнева. Это был протест против оскорблений, которое нанес его отец. Он не сосет свой палец, как делал это раньше. Он все больше и больше разговаривает, когда находится дома. Но для себя, не для нас. Исключение - вчерашний крик на отца. Он меняется. Он становится лучше. Я молю Бога, чтобы он поскорее поправился.

- Я тоже надеюсь на это, - согласилась я.

Снова наступило молчание. Она достала из своей сумочки пудру и слегка припудрила лицо.

- Не могу припомнить, чтобы я так плакала когда-то, - она показала на коробку с салфетками, - вы ведь специально их оставляете. Я, наверное, не единственная, кто плачет на вашем плече.

- Нет, вы исключение, - ответила я. Она улыбнулась. Я отметила, как много общего в манере держаться было у нее и у Дибса.

- Не знаю, как выразить вам свою признательность. Просто невероятно, как быстро прошел час. Я слышала звон церковных колоколов. Уже одиннадцать часов.

Я бы не удивилась, если бы она вдруг сказала, что не хочет идти домой.

- Время иногда пролетает здесь незаметно, - сказала я.

- О, да, - она поднялась и одела пальто, - спасибо вам за все, - сказала она и вышла.

Не имеет значения, как часто мы слышим подобные откровения (а это случается очень часто), мы снова и снова обнаруживаем сложнейшие сплетения человеческих поступков и мотивов. Не существует какого-либо отдельного переживания или чувства, которое вызывало бы к жизни сходные паттерны поведения. Мы всегда наблюдаем сложное соединение эмоциональных впечатлений, целей и ценностей человека, которые влияют на его мотивы и определяют его поведение. Что она сказала мне перед тем, как начать свой рассказ? «Так много хочется сказать, и так многое нельзя говорить». Действительно, есть вещи, которые лучше хранить в себе. Но со временем многое из невысказанного может превратиться в тяжелое бремя. Она неплохо понимала, что именно так тяготит ее. Но, сохраняя эти болезненные переживания в себе, она пыталась обезопасить себя от еще большей боли. Она и ее муж, по-видимому, очень рано поняли, что интеллект позволяет им прочно отгородиться от окружающего мира, изолировать себя от тех эмоций, с которыми они не могут

конструктивно справиться. Они выстроили вокруг себя высокую и неприступную стену, надеясь, что за ней они смогут спрятаться и от самих себя тоже.

Дибс перенял у них этот опыт. Он научился безошибочно прочитывать все в их взглядах, и, оказываясь лицом к лицу с неприятным эмоциональным опытом, он в полной мере проявлял свое умение избегать прямых столкновений с ним. Такое поведение было для него своего рода защитой.

Его же родители стали жертвами собственных ошибок. Их эмоциональная незрелость и нежелание понять самих себя усложнили их отношения с сыном. Они остро чувствовали свою неспособность найти общий язык с Дибсом и, вероятно, с Дороти тоже. Они запутались в ощущении неадекватности происходящего и стремлении к самосохранению. Когда она спросила меня, не был ли Дибс умственно отсталым, я могла бы ответить ей с пафосом, что уж чего, а умственной отсталости у него и в помине нет. Что это ребенок с незаурядными способностями и высоким уровнем интеллекта. Если бы я выложила это все его матери сейчас, то могла бы все испортить, хотя исходила бы из лучших побуждений. Это могло лишь усилить чувство вины, которое и так достаточно велико, если судить по той сцене, которая произошла между Дибсом и его отцом накануне. Родители приняли к сведению мою точку зрения, и теперь они могли сосредоточить свое внимание на интеллекте Дибса, положив его уникальные способности в основу его развития. Он должен был научиться использовать свой интеллект в полную силу. Развитие Дибса было односторонним, от этого и возникли многие проблемы. Возможно, что они почти бессознательно предпочли видеть в Дибсе умственно отсталого ребенка, чем разглядеть в его проблемах воплощение их собственной эмоциональной и социальной незрелости.

Суть проблемы заключается не в том, что разум управляет нашим поведением, хотя многие люди думают именно так. Они считают, что если вы понимаете, почему вы думаете или чувствуете именно так, а не иначе, то вы сможете изменить свои мысли и чувства. Но я очень часто сталкивалась с тем, что подобное понимание ведет лишь к поверхностным переменам в поведении. Чтобы произошли реальные, глубинные изменения, ваш разум и ваши чувства должны пройти длительный путь формирования истинной мотивации, которая станет определять ваше поведение. Такие изменения не происходят быстро.

Глава 9

В следующий четверг Дибс пришел в игровую очень счастливый. Его мать предварительно позвонила мне и попросила отпустить сына на 15 минут пораньше, потому что собиралась отвести его к педиатру. Дибсу должны были сделать укол. Переступив порог игровой, он заявил:

- Сегодн я пойду к врачу на укол. Мне назначили прием.
- Я знаю. Ты собираешься прийти туда вовремя? - спросила я.
- Да. И я рад, что время изменилось, - усмехнулся он.
- Ты рад? Почему?
- Я рад, потому что чувствую радость, - сказал он. На этом он закончил свои объяснения и пошел к кукольному домику. - Вижу, мне придется поработать.
- Над чем? - поинтересовалась я.
- Вот, - он показал на кукольный домик. - Установить, запереть. Запереть двери, закрыть окна. - Он подошел к окну и выглянул на улицу, потом перевел свой взгляд на меня. - Солнце светит, сегодня на улице очень тепло. Я сниму одежду, - он снял шапку, пальто и рейтузы без моей помощи и повесил вещи на ручку двери.
- Мне бы очень хотелось сегодня порисовать.
- Так в чем же дело? - спросила я.
- Дело во мне, - сказал он и направился к мольберту. - Я сниму крышечки и к каждой краске положу кисточку. Сейчас я расставлю их по порядку. Красный,

оранжевый, желтый, голубой, зеленый, - говорил он, поглядывая на меня. - Какие-то вещи происходят со мной, а какие-то нет, - заявил он живо.

- Наверно, так оно и есть, - ответила я осторожно. Я не понимала, куда он клонит.

- Это правда, - подтвердил он уверенно. Он расставил все краски в нужной последовательности и начал рисовать полосы.

- Ну, краска расплылась. Цветные карандаши не расплываются. Они оставляют следы там же, где ты ими рисуешь. А краски нет. Они разбегаются. Сейчас я нарисую оранжевый шарик. Смотри-ка, зеленая полоска. Ниже капли. Я накапал вниз, сейчас вытру.

Он подошел к зеркалу, висевшему на стене, и постучал по нему пальцами.

- Там в комнате кто-то есть. Раньше несколько человек сидели в темной комнате, но сегодня там никого нет.

Меня поразило это неожиданное заявление.

- Ты уверен в этом? - спросила я.

- Я знаю об этом. До меня доносились тихие звуки и чьи-то голоса. Они шли оттуда.

Этот небольшой инцидент ясно показал, что дети видят и слышат гораздо больше, чем мы думаем. Они очень чутко воспринимают все, что происходит вокруг, но не всегда считают нужным оповещать нас об этом. Это справедливо не только для Дибса, но и для всех остальных детей. Для нас, взрослых - тоже. Мы не говорим обо всем, что мы думаем, чувствуем, слышим или видим. Только очень незначительный процент нашего личного опыта мы сообщаем при общении с другими людьми.

- Вы знали об этом? - спросил он.

- Да, - созналась я.

Он повернулся к мольберту и нарисовал еще несколько цветных полос.

- Эти полосы - мои мысли, - объяснил он.

- Твои мысли?

- Да. А сейчас я достану солдатиков. А особенно мне нужен один из них.

Не дойдя до песочницы, он задержался около меня и заглянул в мой блокнот, В нем были записаны те цвета, которые он использовал. Но я записывала их не целиком, а только по первой букве. Дибс внимательно изучал мои записи, в которых были отражены все его поступки. Но не слова. Слова записывали на магнитофон наблюдатели, тихо сидящие в соседней комнате.

- Произнеси их по буквам, - сказал себе Дибс. - «К» для красного. К-р-а-с-н-ы-й. Произносится как «красный». «О» для оранжевого. О-р-а-н-ж-е-в-ы-й. «Ж» для желтого. Ж-е-л-т-ы-й, - он произнес по буквам все цвета.

- Ты произносишь все цвета по порядку. Не значит ли это, что я должна делать то же самое? - спросила я. - Как ты думаешь, должна ли я записывать их по буквам, если мне так удобнее?

- Ну да. Нужно все всегда делать правильно. Пиши их правильно.

- А почему?

- А потому, что я так сказал, - и Дибс хитро улыбнулся.

- Причина достаточно веская.

- Ага, - согласился он. - Кроме тех случаев, когда ты будешь делать все по-своему. Он подошел к столу, достал из банки кусок глины, подбросил его вверх, поймал и положил его обратно в банку. На полу возле корзины для мусора лежала картинка. Он поднял ее и стал пристально рассматривать.

- Вот это да, я тоже хочу такую, - сказал он. - Я хочу вырезать вот эти маленькие фигурки. Где ножницы?

Я протянула ему ножницы, и он вырезал то, что хотел. Затем пошел к кукольному домику.

- У меня есть работа на сегодня.

- Работа? - переспросила я.

Он кивнул и начал разбирать стены кукольного домика. Сняв все до одной, он отнес их в песочницу. Взял совок, выкопал глубокую яму и зарыл стены. Снова направился к домику и с помощью металлического совка снял дверь. Вскоре она

была погребена рядом со стенами. Он работал очень собранно, быстро и ловко. Когда он все закончил, он посмотрел на меня.

- Я избавился от стен и дверей.

- Да, я вижу, их больше нет.

Он взял переднюю стену кукольного домика, которая имела дверной проем, и вставил ее в песок. Получилось очень удачно. Он выбрал маленькую машинку и повез ее через песок. Потом уселся на край песочницы, сильно наклонился, приняв весьма неудобную позу. Он изучал ситуацию.

- Мне нужно полностью забраться в песочницу, - сказал он, сполз в нее и уселся посередине. Посмотрел на меня и улыбнулся.

- Сегодня я сижу в песке. Мало-помалу я погружаюсь в песок. Я посидел здесь немного в прошлый раз, и в позапрошлый, и сейчас тоже.

- Да, сегодня ты весь залез в песок.

- Мне в туфли попал песок. Я сниму их,

- он снял одну туфлю и погрузил свою ногу в песок. Потом повернулся и лег в песок лицом вниз. Он потерся о песок щеками, высунул язык и попробовал его на вкус. Он зажал песок между зубами и повернулся ко мне.

- Почему песок такой твердый и острый, и к тому же у него нет никакого вкуса? Есть ли что-нибудь, что напоминает песок по вкусу? - он схватил горсть песка, посыпал на голову и растер песок в волосах. Засмеялся и вытащил свою ногу из песка.

- Смотри! - закричал он. - У меня в носке дырка. У меня на ноге дырявый носок!

Он вытянулся в песочнице в полный рост и стал перекатываться по песку. Он приподнимался и снова падал в песок, бережно зачерпывал большие горсти песка и сыпал его себе на голову. Все его движения были свободными и спонтанными. Он двигался выразительно и был абсолютно расслаблен.

- Дай мне детскую бутылочку, - скомандовал он. Я протянула ему то, что он просил. - Я представлю, что это моя маленькая колясочка. Я свернусь калачиком, как будто я снова совсем маленький, - он свернулся в клубочек и сосал воду из детской бутылочки. Неожиданно он сел и усмехнулся.

- Я буду петь для вас, - решительно заявил он. - Я сочиню песню и пропою ее только для вас. Хорошо?

- Конечно, - не стала я возражать. Он сел, скрестив ноги.

- Я думаю, - пояснил он.

- Думай, если тебе это нравится. Он засмеялся.

- Я сочиню слова, которые будут сопровождаться музыкой.

- Хорошо, - согласилась я.

Он сделал глубокий вздох и начал петь. Мелодию он уже успел придумать. У него был чистый, мелодичный и свежий голос. Однако мотив его мелодии совершенно не соответствовал тем словам, которые он пел. Он сидел, плотно скав руки и напоминая своим серьезным видом мальчика из хора. С одной лишь только разницей - в репертуаре хора не бывает таких песен.

- Я ненавижу, ненавижу, ненавижу. Я ненавижу стены и двери с замками и людей, которые заталкивают тебя туда. Я ненавижу слезы и злые слова, я убью их всех маленьким топориком, раскрошу их на мелкие кусочки и плону на них, - он поднял игрушечного солдата, стал бить его резиновым топориком, а потом плонул ему в лицо. - Я плоню в твоё лицо, плоню в твои глаза. Я зарою твою голову глубоко в песок, - в его голосе появились трагические нотки. - Птицы летают с востока на запад, и я хочу быть одной из этих птиц. Я улечу от этих стен, от дверей, я улечу далеко, далеко, далеко от всех моих врагов. Я облечу весь мир и вернусь обратно в песок. В игровую, к моему другу. Я буду рыть песок, я зароюсь в песок, я упаду на песок, я буду играть в песке. Я пересчитаю все песчинки в песке, и я снова буду ребенком.

- Как тебе понравилась моя песня? - спросил он, пососал немного из детской бутылочки и опять усмехнулся.

- Это была настоящая песня, - ответила я.

- Да, настоящая песня, - он вышел из песочницы и подошел ко мне. Взял мою руку и посмотрел на часы. - Чуть больше десяти минут, - он указал на цифру десять.
- Да, больше десяти минут.
- Ты думаешь, пройдет больше десяти минут и мне будет пора идти домой?
- Правильно, я именно так и думаю. А что думаешь ты?
- Ага! - весело воскликнул он. - Ты хочешь знать, что я думаю? Что ж, я думаю, что скоро мне пора идти домой. Надо снять с караула солдат. Вот эти два с ружьями. А это аэроплан. Он как птица. Лети, аэроплан!
- Аэроплан полон песка. Облети все вокруг. Облети все вокруг. Поднимись высоко-высоко в небо, - он бежал вдоль комнаты, держа аэроплан на вытянутых руках. - Аэроплан, скажи мне, как высоко ты можешь взлететь? Можешь ли ты подняться высоко в голубое небо? К облакам и ветрам, которые собирают дождь? Можешь ли ты так летать? Ответь мне, чудесный аэроплан, можешь ли ты так летать? Аэроплан... - он резко остановился и к чему-то прислушался. Неожиданно энергия и радость покинули его.
- Там Дороти, - сказал он. Он забрался в песочницу и лопаткой откопал двери и стены кукольного домика. - Их пока нельзя закапывать, - сказал он мне. Потом перевел взгляд на меня, плотно сжал губы и наморщил лоб. - Осталось около девяти минут? - грустно спросил он.
- Нет, осталось всего пять минут.
- А где же остальные четыре минуты? - удивленно спросил он, растопырив пальцы.
- А ты не подумал, что эти четыре минуты уже прошли?
- Скоро настанет время идти домой. Даже если я не хочу идти домой. Но если это время придет, оно скажет нам, что пора идти домой.
- Да, - согласилась я. - И как бы то ни было, оно приближается.
- За окном послышался шум въезжающего во двор грузовика.
- Приехал наш грузовик, слышишь?
- Да, слышу.
- И для грузовика настало время ехать домой, - со вздохом сказал Дибс.
- Наверное.
- Грузовик может и не захотеть поехать домой.
- Что ж, и такое может случиться.
- Сколько минут осталось?
- Три минуты.
- Дибс держал в руке дверь от кукольного домика и смотрел на нее.
- Я хочу прикрепить дверь к кукльному домику и закрыть окна. Где молоток, чтобы прибить дверь?
- Молотка сейчас нет. Если хочешь, поставь ее на полку или в кукольный дом. Уборщик потом поставит ее на место.
- Дибс положил дверь на стол, но потом вдруг передумал, положил ее в дом и закрыл все окна.
- Помоги мне обуться, - попросил он, протягивая мне ботинок. Он сел на маленький стульчик, чтобы я могла одеть его. - Помоги мне надеть шапку и пальто,
- он выглядел жалким и беспомощным. Я выполнила его просьбу.
- Все люди в доме спят, - заговорил он. - Ранняя весна, за окном ночь. Темно, сонное время, и они говорят, что они будут спать, спать и спать здесь, где иногда тепло, иногда холодно, но всегда безопасно. Спать и ждать. Спать и ждать. Они поставят другую дверь. Дверь, которая открывается и закрывается. Дверь, которая всегда открыта, когда бы ты ни захотел погулять. Нет замка, нет ключа, она не хлопает. А сейчас я говорю до свидания, - добавил Дибс, стоя передо мной и серьезно смотря мне в глаза. - Запомни. Я обязательно вернусь.
- Да, ты обязательно вернешься. Я буду помнить, - пообещала я.
- Он посмотрел на корзину с мусором, в которой лежала картинка. Та самая, из которой он вырезал животное.
- Я хочу ее взять. Можно, я ее возьму с собой?
- Да, бери.

- Скажи: «Да, Дибс, ты можешь взять ее домой. Если *ты* этого хочешь, то все в порядке».

- Да, Дибс. Ты можешь взять ее домой. Если *ты* этого хочешь, то все в порядке, - я повторила его слова.

Он улыбнулся. Подошел ко мне и похлопал меня по руке.

- Это хорошо, - сказал он.

Он открыл дверь, спустился по лестнице в холл, но потом вернулся и посмотрел на мои часы. Ударом руки он захлопнул дверь.

- Нет, еще не время, - сказал он, - сейчас без пятнадцати четыре. Подожду, пока зазвонит колокол в церкви.

- Ты сегодня пришел раньше, поэтому и уходишь раньше, - возразила я. - Ты был здесь целый час.

Он с минуту спокойно смотрел на меня.

- Я пришел раньше, а уйду в то же время, - заявил он.

- Нет, ты должен уйти раньше.

- Нет, нет, нет, - решительно возражал он. - Я пришел раньше, а уйду как обычно.

- Тебе надо идти, - настаивала я. - Потому что сегодня ты идешь к врачу, не забыл?

- Ты напоминаешь мне о том, что я должен сделать.

- Только что ты не хотел идти, но...

- Правильно, - он прервал меня и смерил оценивающим взглядом.

- Ты не совсем уверен, стоит ли тебе идти? - спросила я.

- Думаю, уже уверен. - Он вздохнул. - Сейчас иду. Я надеюсь, что доктор сделает Дороти укол, и ей будет очень больно. И она будет кричать и кричать. А я буду смеяться и радоваться, что ей больно. Я притворюсь, как будто это совсем меня не волнует. До свидания. Увидимся в следующий четверг.

Дибс спустился в приемную, где его уже ждали мать и сестра. Он взял руку матери, сделав вид, будто не замечает сестру. Покидая Центр, никто из них не произнес ни слова.

Глава 10

Когда Дибс пришел ко мне на следующей неделе, он вошел в комнату легкой и непринужденной походкой. Он перевернул табличку на двери и прочитал надпись вслух: «Не беспокоить».

Войдя в игровую, он снял шапку и пальто и повесил их на ручку двери. Сел на край песочницы, снял туфли и поставил их на пол, под висящей одеждой. Потом он отобрал четыре ружья, которые были расставлены по комнате, и отнес их к кукольному театру. Вернулся за пальто и шапкой и отнес их туда же. Опять вернулся, взял игрушечный аэроплан со сломанным пропеллером, сел за стол и спокойно починил пропеллер.

Потом он достал коробку с домашними животными и рассортировал их по видам. Закончив с животными, он забрался в песочницу и стал рассматривать маленький домик, который стоял посередине.

- Знаешь, я видел маленький домик в магазине скобяных изделий на авеню Лессингтон. Точно такой же, как этот.

- Вот как?

- Ага. Точно такой же, такого же размера и цвета, сделанный из металла, за два доллара и девяносто восемь центов, такая на нем была цена, - он стал вращать домик. - В коробках они лежат разобранные, но если их собрать, то получится такой же, - он постучал пальцами по металлу, - этот из тонкого металла. Здесь тепло сегодня, - он посмотрел на радиатор. - Я его выключу, - он наклонился и отключил радиатор. - В магазине скобяных изделий было много игрушек. Там был маленький грузовик, точно такой же, как этот, - он указал мне на один из грузовиков, стоящих около песочницы. -- Грузовик с маленьким рычажком. Если его поднять вверх, то весь песок высыпается.

- Точно такой же, как этот?

Дибс ненадолго задумался, сравнивая грузовики, но он был расслаблен. В его позе не было и намека на напряжение.

- Он очень похож на этот, но не совсем такой. Я бы сказал, что он почти такого же размера. И механизм похож на этот, но тот был выкрашен в другой цвет, а на боку было отпечатано название. Он был сделан из более тяжелого металла. В магазине за него просили 1 доллар 75 центов.

Он заполнил грузовик песком, повернул рычажок, и песок высыпался. Он повернул рычажок еще раз, и кузов вернулся в исходное положение. Он повторил эту операцию несколько раз. Горка песка начала расти.

- Получится холм, на который я смогу взобраться и играть с солдатами, которые будут сражаться.

Он выпрыгнул из песочницы, пересек игровую и взял барабан. Он сел на край песочницы и стал бить палочками по барабану.

- Барабан смешной, смешной. Он полон звуков, звуки медленные, быстрые, мягкие, тяжелые. Звуки марша, бега. Бей, бей, бей, говорит барабан. Дерись, дерись, дерись, говорит барабан. Иди, иди, иди, говорит барабан. За мной, за мной, - он осторожно положил барабан на край песочницы, залез в нее и начал строить холм.

- Сейчас я собираюсь начать работу, - объявил он. - Хочу построить высокий холм. Высокий, высокий холм. Все солдаты поднимутся на вершину холма. Они так хотят подняться на этот холм, - он быстро насыпал холм, отобрал несколько солдат и установил их около холма в таком положении, как будто они собирались взбираться на холм.

- Они очень хотят подняться наверх, правда? - поинтересовалась я.

- Да, очень, они готовы это сделать.

Он собрал всех солдатиков, которых смог найти, и расставил их вокруг холма.

- Я собираю все больше и больше солдат. Я разрешу им подняться на самый верх холма. Потому что они знают, что надо находиться на вершине холма, и они могут сделать это только на вершине. А ты знаешь, что на вершине этого холма? - он задорно посмотрел на меня, глаза его блестели.

- Нет. А что же там?

Он засмеялся, но не ответил. Дюйм за дюймом он продвигал солдатиков к вершине насыпи. Одного за другим, все ближе и ближе к цели. Но в определенный момент он останавливал продвижение солдат, досыпал еще немного песка на вершину холма, она становилась выше, и он возвращал солдатиков к подножию. Потом маршем отводил их к маленькому металлическому домику.

- Сегодня они не смогли добраться до вершины горы. Они возвращаются в свой дом. Они поворачиваются и машут руками, они прощаются, и им грустно. Они хотели добраться до вершины холма, но ни один не смог сделать этого.

- Они расстроились, потому что не смогли сделать этого, а ведь они так хотели, - прокомментировала я его слова.

- Да, - Дибс вздохнул. - Они хотели, они устали, но не могли этого сделать. Но зато они нашли гору. Они карабкались по ней все выше и выше. Проделали такой большой путь. А ведь они думали, что смогут подняться на вершину. И думали, что смогут стать счастливыми.

- Если бы они достигли вершины холма, то они смогли бы стать счастливыми, - поняла я его.

- Да, это связано с холмом. Вы когда-нибудь взирались на холм?

- Да, а ты, Дибс?

- Ага, однажды. Но я не достиг его вершины, - произнес он задумчиво. - Я стоял около него и смотрел вверх. Я думаю, что каждому ребенку нужно иметь свой холм, свой собственный холм, чтобы взбираться на него. А еще каждому ребенку надо иметь свою звезду на небе, только свою. А еще каждому ребенку нужно дерево, которое принадлежало бы только ему. Только так все это и должно быть, - добавил он.

- Все это имеет для тебя большое значение, правда?

- Да, очень большое, - согласился он. Он поднял металлическую лопатку и стал энергично выкапывать ямку в песке. Я заметила, что одного из солдатиков он отложил в сторону. Когда он закончил рыть яму, он положил этого солдатика на дно и засыпал его песком. Завершив работу над могилой, он подровнял песок, прихлопнув лопаткой все неровности.

- Только что один из них был похоронен, - пояснил он. - Этот даже не получил шанса добраться до вершины холма. Разумеется, он и не доберется. А он очень хотел. Он хотел быть с другими солдатами. Он тоже хотел надеяться. Он хотел попытаться. Но он не получил такой возможности. Он похоронен.

- Итак, один похоронен, - повторила я. - У него не будет шанса подняться на вершину холма. Он не доберется туда.

- Он похоронен, - Дибс наклонился ко мне. - Он не просто похоронен. Я построю на этой могиле другой холм, большой и высокий. Он никогда, никогда не выйдет из этой могилы. У него никогда, никогда не будет шанса взобраться на вершину холма, - он стал сгребать песок, широко разводя руки, и быстро соорудил новый холм на могиле, в которой был похоронен солдатик. Когда работа над холмом была закончена, он отряхнул руки от песка, сел, скрестив ноги, и сказал, глядя мне в глаза: - Этот солдатик - папа.

С этими словами он вылез из песочницы.

- Значит, это был папа? Это он похоронен под этим холмом?

- Да, это папа, - подтвердил Дибс.

В церкви зазвонили колокола. Дибс посчитал количество ударов.

- Раз, два, три, четыре часа. У меня дома есть часы, и я могу узнать, сколько времени.

- Вот как, ты умеешь определять время?

- Да. Есть часы, которые заводят. Есть электронные, есть будильники, есть такие, которые играют, как колокола.

- А какие часы есть у тебя? - спросила я. Но Дибс уже погрузился в размышления о папиных похоронах, и я не собиралась мешать ему. Ему требовалось время, чтобы разобраться в своих чувствах к отцу. Возможно, он хотел избавиться от неприятных эмоций, но мог и испугаться того, во что он играл. Он искал повод избежать разговора на эту тему, поэтому заговорил о часах. Я не торопила его. Пусть разберется в своих чувствах. Наконец он продолжил разговор. Видно, он нашел какое-то решение.

- У меня будильник с колокольчиками, я сам завожу его. А еще у меня есть ручные часы и радиочасы.

Он взял в руки барабан и начал медленно отбивать равномерные удары.

- Я барабаню для палы, - пояснил он.

- Ты играешь на барабане для папы?

- Да.

- А что сейчас говорит барабан?

- Спать, спать, спать, - удары были размеренными и неторопливыми. - Спать, спать, спать. СПАТЬ, СПАТЬ, СПАТЬ, СПАТЬ-СПАТЬСПАТЬ! - он выкрикивал каждое слово, постепенно увеличивая темп. Он выразительно ударил по барабану и закончил.

Дибс сидел, опустив голову вниз. Барабан молчал. Он поднялся, отнес барабан в кукольный театр и закрыл дверцу.

- Ты поставь его здесь. Поставь его здесь, в этом шкафу и закрой его.

Он вновь вернулся к песочнице, остановился и посмотрел на холм, возвышающийся над могилой. Он подошел к кукольному театру. В ширме было прорезано маленькое окно, которое выходило на место для парковки. С этого места Дибс мог видеть заднюю часть церкви. Я не могла видеть Дибса, но слышала, как он спокойно рассуждал.

- Это задняя часть церкви. Церковь большая, большая. Церковь поднимается до небес. В церкви играет музыка. Церковь с колоколами - раз, два, три, четыре часа. Большая церковь, куда ходят люди, - он помолчал, а потом продолжил. - И небо, оно так высоко. И птицы, и аэроплан, и дым, - снова на некоторое время

воцарилась тишина. - И Дибс, стоящий у маленького окна, рассматривающий эти просторы.

- Отсюда мир выглядит таким большим, - осторожно сказала я.

- Верно, - ответил он мягко. - Он огромный. И такой просторный.

- Все кажется очень, очень большим. Дибс вылез из кукольного театра и вздохнул.

- Но не Дибс. Дибс не такого же размера, как церковь.

- Все вокруг такое большое, поэтому Дибс чувствует себя маленьким, - пояснила я его высказывание.

- Здесь я большой, - Дибс вернулся в песочницу. - Я сломаю холм, я выровняю его,

- говорил он, разрушая гору. Он пропустил песок сквозь пальцы. - Разрушенный холм, разрушенная гора.

- Мы ходили в мастерскую по ремонту обуви за папиными ботинками, - он посмотрел на меня и улыбнулся. - Мы поехали на авеню Лессингтон. Мы спустились на 72-ую улицу. На Третьей авеню были автобусы и такси. Мы могли сесть на автобус, могли сесть на такси. Мы могли бы пойти пешком, но мы не сделали этого. Мы поехали на собственной машине.

- Вы могли по-разному добраться туда, но вы поехали на своей машине?

- Не забывайте, - он наклонился поближе ко мне. - Мы забрали папины ботинки.

- О да, я не должна забывать, ты забрал папины ботинки.

- Мастер по ремонту обуви привел их в порядок.

- Их починили?

- Привели в порядок, починили и даже отремонтировали.

- Это хорошо Дибс, но нам пора идти.

- Пора идти, - согласился он и встал. - Прошло на пять минут больше.

Он был прав. Я не хотела прерывать его рассказ о путешествии за папиными ботинками.

- Ты прав, прошло на пять минут больше. Дибс вынес пальто и шапку из кукольного театра.

- Это смешной шкаф, - сказал он, натягивая шапку и пальто. - Смешной шкаф с дырой в двери и окном внутри, - он подошел к ботинкам и поднял их. - Ботинки новые, - он сел и надел их без моей помощи. Прежде чем надеть ботинки, он вытянул перед собой ноги, - смотрите, носки тоже новые, без дырок. Маме было так стыдно у доктора! - он засмеялся, быстро и аккуратно зашнуровывая ботинки.

Перед тем, как закрыть за собой дверь, он вернул табличку в прежнее положение.

- Теперь могут беспокоить. Мы уже ушли.

Глава 11

Дибс появился в игровой в отличном настроении. Он снял шапку и пальто и бросил их на стул.

- Номер офиса мисс А - двенадцать. Номер этой комнаты - семнадцать. У этого стула на спинке есть номер - тринадцать, видишь? - он быстро перевернул стул и постучал по номеру пальцем.

- Вижу.

Казалось, что в данный момент для него не было ничего интереснее, чем эти подробности. Он подошел к буфету и выбрал коробку, в которой лежал комплект материалов для постройки деревни. Он сел на пол и стал разбирать комплект, состоящий из миниатюрных домов, магазинов, фабрик, церквей и других сооружений. В наборе были маленькие деревья.

- Это игрушечная деревня, - начал он свои рассуждения. - Давайте посмотрим, что у нас есть: церкви, дома, деревья. Я буду строить деревню. Здесь есть две церкви, значит, я начну с церквей. Ту, которая повыше, я поставлю в центре деревни. А маленькую церквушку вот здесь. Сейчас я выберу дома и построю их рядами,

чтобы получились улицы. А вот из этого может получиться маленький город, в нем может быть больше свободного места вокруг домов. Маленькие города и деревни всегда имеют церкви. Посмотрите, видите на церкви шпиль? Получится целый мир домов.

Он лежал на полу, прижавшись щекой к линолеуму, потом пододвинулся немнога к строениям.

- Я создал этот маленький город. Я построил маленький мир домов. Я расставил деревья в этом мире. Я представил, что здесь есть небо, идет дождь, дует нежный ветер. Я мечтаю и о временах года. Сейчас у меня четвертое время года - весна. На деревьях распускаются листья. Как хорошо, красиво и уютно в этом спокойном маленьком городке. Люди гуляют по улицам. Вдоль дорог растут деревья. Деревья очень разные. У них разная кора на стволах.

Он перевернулся и посмотрел на меня.

- Спроси, есть ли у меня еще дома.

- У тебя есть дома, кроме этих? - выполнила я его просьбу.

- Я использовал все дома, - ответил он. - Ни одного не осталось. - Он расставил вдоль деревни еще несколько деревьев.

- Вот у этого дерева зеленая крона. Оно стоит здесь и тянется высоко-высоко в небо. Оно шепчет свои секреты ветру, когда он пролетает мимо. «Скажи мне, где ты был? - спрашивает дерево у ветра. - Скажи мне, что ты видел? Мои корни привязали меня к земле, и я всегда должно стоять здесь». А ветер шепчет в ответ: «Я никогда не остаюсь на одном месте. Я всегда лечу прочь. Я улечу сегодня прочь отсюда. Прочь. Прочь». А дерево печально кричит ему вслед: «Я хочу улететь с тобой. Ты кажешься таким радостным».

Дибс встал и подошел к столу. Он поднял игрушку-головоломку, сел на пол у моих ног и стал быстро собирать ее.

- Это Том, Том, Том, сын Пипера. У нас в школе есть об этом песня. Я спою ее вам. - И он пропел песню, не исказив ни слов, ни мелодии. - Конец, - объявил он, когда закончил.

- Вы учили эту песню в школе?

- Да, мисс Джейн, моя учительница, мисс Джейн - взрослая женщина. Мисс А тоже взрослая женщина. Одни взрослые да взрослые кругом.

- Но взрослые отличаются друг от друга, правда?

- Еще как, - громко заявил Дибс.

- Ты знаешь еще каких-нибудь взрослых?

- Конечно, знаю, это Хедда. И есть еще другие: Джейк, наш садовник, Милли, который работает в прачечной. Джейк подравнивал одно большое дерево в нашем дворе у дома. Ветки дерева касались моего окна, оно росло очень близко, я мог из окна дотронуться до него. Но папа захотел подрезать дерево. Он сказал, что его ветки касаются дома. Я наблюдал, как Джейк забрался на дерево и спиливал ветки. Я открыл окно и сказал ему, что дерево было моим лучшим другом, что ветка, которую он спиливал, была очень нужна мне. Я попросил не срубать ее. Джейк не срубил. Затем появился папа и сказал, что хочет избавиться от этой ветки, потому что она портит внешний вид дерева. Джейк объяснил ему, что эта ветка мне очень нравится, потому что она близко подходит к окну, и я могу дотронуться до нее. Папа же продолжал настаивать на том, что от этой ветки надо избавиться. Он не хотел, чтобы я высовывался из окна. Он не понимал, зачем я это делаю. Он сказал, что повесит на окно безопасный щит из металла, чтобы я не мог высовываться из него. Он приказал Джейку обрезать ветку как можно быстрее. Джейк же сказал, что обрежет ветку совсем ненамного, чтобы она не касалась дома. Ведь эта ветка мне нравится. Но папа стал возражать. Он говорил, что у меня есть много других вещей, с которыми я могу играть. Он заставил Джейка отпилить почти всю ветку, чтобы я не смог дотянуться до нее из своего окна. Но Джейк сохранил для меня кусок той ветки, до которой я обычно дотрагивался. Он предложил мне хранить эту ветку у себя в комнате, ведь не каждое дерево имеет такую возможность - храниться в комнате, в которой живут люди. Он сказал, что это старое, старое дерево называется вязом. Не исключено, что ему двести лет, и,

по всей видимости, никто не любил это дерево так, как я. Так я и сохранил кусок той ветки. Он до сих пор у меня.

- Когда это произошло?

- Год назад. Джейк не мог помочь дереву, он обрезал ветку. Потом они повесили на окно металлический щит. Они даже пригласили мужчину, который сделал это. Он одел на мое окно щит. И на окно Дороти тоже.

- А кто-нибудь знает, что Джейк отдал тебе кусок этой ветки?

- Не знаю, я никогда никому не говорил об этом. Я только храню ее. Она все еще у меня, я никому не разрешу дотронуться до нее. Я ударю или укушу любого, кто попытается сделать это.

- Эта ветка так много значит для тебя?

- Да.

- Ты много времени проводишь с Джейком? - поинтересовалась я.

- Да. Каждый раз, когда я выхожу во двор, я останавливаюсь около него. Он разговаривает со мной. Я слушаю все, что он рассказывает мне. А он рассказывает много разных историй. Одна из них о Святом Франциске. Он жил много лет назад. Он любил птиц, деревья, ветер и дождь тоже. Он говорил, что они были друзьями. И они отвечали ему тем же. *Лучше, чем люди*, - на последней фразе он сделал особый акцент.

Он прошелся по комнате.

- Я наблюдаю за деревом, все еще наблюдаю. Весной на нем нет листьев, и оно открыто. А потом оно становится зеленым, потому что дождь снова приносит жизнь. Каждое лето оно дает нам прохладную тень. К зиме листья облетают. Джейк говорит, что прилетающий ветер подбирает их и разносит, чтобы они попутешествовали по всему свету. Он рассказывал мне историю об одном листочеке, который остался на дереве совсем один и думал, что о нем забыли. Он думал, что никогда уже не станет свободным и не сможет куда-нибудь полететь. Но прилетел ветер, подул на маленький одинокий листочек и отправил его в самое прекрасное путешествие. Маленький листок летал по всему миру и видел множество чудесных вещей. А когда он облетел весь мир, то вновь вернулся в свой двор, потому что соскучился по мне. Джейк нашел его, когда он вернулся. Он висел на дереве зимой. Он очень устал, он истончился и поистрепался от такого долгого путешествия. Но Джейк объяснил, что листочек очень сильно хотел вернуться ко мне, потому что во всем мире он не встретил никого, кто любил бы его так же сильно, как я. Джейк отдал его мне. - Дибс опять начал бесцельно слоняться по комнате. Через некоторое время он молча остановился около меня. - У меня хранится этот листок. Он уже старенький, но я храню его. Я наклеил его на бумагу и вставил в рамку. Я иногда воображаю, как много он видел, летая по миру вместе с ветром. Я читал в книгах о тех странах, которые он видел.

Он подошел к кукольному дому.

- Я запру двери, я запру на замок все двери и закрою окна.

- Почему? - поинтересовалась я. - Почему ты хочешь запереть дверь и закрыть окна?

- Я не знаю, - пробормотал он. Подошел ко мне. - Мой ботинок, - прошептал он таким же безнадежным тоном, как раньше. - Завяжите шнурок. Завяжите шнурок, мисс А.

- Хорошо, Дибс. Я завяжу тебе шнурок, - я выполнила его просьбу. Он взял детскую бутылочку и начал сосать. Потом вздохнул.

- Тебе грустно?

- Грустно, - он кивнул головой.

- Джейк все еще занимается вашим садом?

- Нет. Больше нет. Папа сказал, что он слишком старый и недостаточно хорошо работает с тех пор, как у него случился сердечный приступ. Но иногда он заходит к нам ненадолго. Я вижу его, когда выхожу во двор. И он всегда рассказывает мне историю. Но последнее время он долго не приходил. Я скучаю по нему.

- Я понимаю тебя. Джейк, должно быть, очень хороший человек.

- О, да. Мне он очень нравится. Я думаю, он мой друг.

- Я тоже так считаю. Он твой друг. Очень хороший друг.
Дибс подошел к окну и долго молчал.
- Джейк каждое воскресенье ходит в церковь, - Дибс махнул рукой в сторону церкви. - Он сам сказал мне об этом.
- А ты когда-нибудь ходишь в церковь, Дибс?
- Нет, - ответил он резко. - Папа и мама не верят в Бога. Поэтому мы с Дороти тоже неверующие. Только Джейк и бабушка ходят в церковь, - он снова замолчал.
- Осталось десять минут? -Нет.
- Девять?
- Нет.
- Еще восемь?
- Да, еще восемь.
- Тогда я поиграю с семьей кукол и с домом, пока у меня есть время, - он взял пачку бумаги для письма. - Я положу это в дом, - он положил ее в одну из комнат кукольного дома.
- Кто-то укрепил дверь, - заметил он. -Да.
- Это чердак, - он указал на чердак кукольного домика.
- Ты прав.
- Все взрослые готовы лечь спать, - он стал выбирать нужные ему куклы и размещать их в спальне. - А сейчас дети. Это младенец. А это повариха. А это прачка. Прачка говорит им, что она очень устала и хочет отдохнуть здесь, на кровати. Это комната отца. Вы не должны туда входить. Не должны беспокоить его, он занят. Эта кровать для мужчины. Это комната матери. Это ее кровать. Каждый ребенок имеет свою собственную кровать. Повариха тоже имеет комнату и кровать. Она говорит, что тоже очень устала. А у прачки нет кровати. Ей приходится стоять и наблюдать за работой машин. Этот ребенок иногда приходит к ней и спрашивает, почему она не идет спать и отдыхать, если она очень устала. А она отвечает, что ей платят за работу, а не за отдых. Мама сказала, что у нее внизу стоит кресло-качалка. И не понятно, почему она не может покачаться, если хочет. Эта прачка стирает на эту семью уже сорок лет. «Может же она покачаться там хоть иногда», - сказала повариха. А прачка ей ответила: «Нет, не могу. Это кресло ужасно скрипит, и это будет раздражать мужчину. Только Бог спасет нас, если мы его рассердим». А повариха и говорит ей: «Намыль его старую глупую голову и хорошенько прополоскай ему мозги». А потом она посыпает мальчика наверх и говорит, что мальчикам в прачечной делать нечего. И он ушел наверх. В этот момент я случайно задела ногой головоломку, которую Дибс оставил на полу. Я наклонилась и поставила ее. Дибс бросил в мою сторону быстрый заинтересованный взгляд.
- Что ты делаешь?
- Я задела ногой собранный тобой пазл «Том, Том сын Пипера», и он распался.
- Что ты сделала? - он посмотрел на меня с любопытством. - Я не понял, что ты сказала.
- Я сказала, что случайно сбила ногой твою картинку «Том, Том сын Пипера», и она распалась.
- А-а, - протянул Дибс. Он, вне всякого сомнения, прекрасно замечал все, что происходит в этой комнате. И при этом не имеет значения, насколько он был погружен в собственную деятельность. Он уселся на колени, наклонился и стал внимательно следить за тем, насколько правильно я установлю картинку. Завершив свою инспекцию, он встал и начал играть с замком входной двери.
- Закрыть ее? - спросил он.
- Ты хочешь закрыть ее на замок? - спросила я.
- Да, - сказал Дибс, запирая дверь. - Я закрыл ее.
- А несколько секунд спустя я добавила:
- Да, сейчас она закрыта. А теперь дай мне посмотреть, как ты откроешь ее. Потому что пора идти домой.
- Верно, - сказал Дибс. - Даже если ты знаешь, что я не хочу идти домой.

- Да. Даже если я знаю, что ты не испытываешь никакого желания идти домой, ты должен сделать это. И сейчас как раз такой момент.

- Да, - вздохнул он, стоя передо мной и глядя мне в глаза. - Я знаю. Я мог бы сделать так много разных вещей, если бы остался, но, как всегда, должен уходить, - он направился к двери.

- Твои шапка и пальто, - напомнила я.

- Да, мои шапка и пальто, - он вернулся, надел пальто, натянул на голову шапку. - Мои шапка и пальто. До свидания, мисс А. В следующий четверг я снова приду сюда. В каждой неделе есть четверг. До свидания.

Он спустился в холл и пошел по направлению к приемной. Я наблюдала за ним, стоя на лестнице. Он повернулся, помахал на прощание рукой и повторил:

- До свидания.

Такой юный, такой маленький, а сколько в нем силы! Я подумала о Джейке. Интересно, знал ли он, как много значили для этого маленького существа его доброта и понимание. Я вспомнила о спрятанной ветке и о стареньком тоненьком листочке. И снова задумалась над словами Дибса, в которых робко говорила надежда: «Наверное, он мой друг?»

Глава 12

Четверги следовали один за другим, все шло как обычно. Но вот настал день, когда Дибс не смог прийти в игровую комнату Центра. Он заболел корью. Его мама позвонила и предупредила, что наша встреча отменяется. Но к следующему четвергу он уже чувствовал себя лучше и снова появился на пороге игровой. Его лицо было бледным, в пятнах, но как только он вошел в приемную, то тут же заявил:

- Корь прошла. Мне стало лучше.

- Ты уже вылечился от кори? - спросила я, сомневаясь, что это возможно за такое короткое время.

- Да, с ней покончено. Пойдем в игровую.

Мы проходили мимо моего кабинета, и Дибс не преминул заглянуть туда. Там двое мужчин ремонтировали магнитофоны.

- В вашей комнате двое мужчин, - сказал он, выжидательно глядя мне в глаза. - Я так понимаю, что в вашей комнате двое мужчин, - повторил он опять.

- Да, они будут работать в ней. Пока мы с тобой будем в игровой, - пояснила я.

- Вы разрешаете другим людям заходить в вашу комнату?

- Да, иногда разрешаю.

- И что они там делают?

- Они ремонтируют записывающие устройства.

Когда мы вошли в игровую, Дибс снял пальто и шапку и бросил их на стул.

- Я пропустил прошлый четверг, - напомнил он.

- Я помню. Жаль, что у тебя была корь и ты не смог прийти.

- Я получил карточку, которую вы мне послали. Она осчастливила меня. Мне очень нравится получать открытки.

- Я рада, что это так.

- В ней говорилось, чтобы я быстрее выздоравливал, потому что вы скучаете по мне.

- Да, это правда.

- Мне понравились веточки вербы, которые вы прислали, они напомнили мне весну. Красивые ветки вербы с котенком на каждой ветке. Они мне понравились. А папа сказал, что надо поставить ветки в воду, они пустят корни, и я смогу посадить их во дворе. Если все получится, то из них вырастут большие кусты.

- Так сказал твой пapa. А что ты думаешь по этому поводу?

- Я надеюсь, что он прав. Я буду наблюдать за ними.

- Это хороший способ побольше узнать о разных вещах.

Меня очень заинтересовал рассказ Дибса о поведении его отца. Было похоже, что он пытается наладить контакт со своим сыном. Но было непонятно, делал ли он это впервые, или же такие попытки предпринимались неоднократно, но безо всякой ответной реакции со стороны Дибса. Так же, как занималась с ним мисс Джейн. Так же, как Джейк беседовал с ним, в то время как Дибс «только» слушал. Как бы то ни было, сейчас Дибс сообщал мне об этом факте, как о чем-то привычном для него.

- А что ты ответил, когда папа рассказал тебе о вербе? - я надеялась услышать что-нибудь еще, чтобы прояснить эту ситуацию для себя.

- Ничего не сказал, только слушал.

Он побродил по игровой, остановился около красок, посмотрел на материалы, разложенные на столе. Затем подбежал к песочнице и ловко запрыгнул в нее. Лег в песок лицом вниз и вытянулся во весь рост.

- Дибс, ты не хочешь снять свои ботинки? - спросил он сам себя. - Нет. А что ты хочешь делать, Дибс? Подумай, - он перевернулся и склонил голову набок. - Я не тороплюсь. Сейчас я просто есть. И больше ничего.

Он раскинул руки в стороны и стал рыться в песке. Он вытащил несколько маленьких строений, которые закопали другие дети.

- Я нахожу в песке игрушки. Маленькие домики, обломки игрушек.

Вдруг он перескочил на другой конец песочницы и начал очень быстро разгребать песок. Наконец он наткнулся лопаткой на металлическое дно коробки. Он продолжил копать и вскоре нашел солдатика.

- О-ля-ля! Это человек! - закричал он. - Смотрите, он здесь. Это солдат, тот самый, которого я похоронил. Я счастлив, что нашел его. Он пролежал здесь все эти недели. Возвращайтесь обратно, сэр. Идите обратно. Опять в свою могилу, - и он снова захоронил солдатика. Закончив закапывать могилу, он запел:

Неужели вы не знаете человека из булки,
Человека из булки, человека из булки,
Неужели вы не знаете человека из булки,
Живущего в Мрачном переулке?

Он посмотрел на меня и усмехнулся.

- Я выучил эту песню в школе. Я сейчас спою ее для захороненного человека.

Неужели вы не знаете человека из ничего,
Человека из ничего, человека из ничего,
Неужели вы не знаете человека из ничего?
Он живет в своей могиле, очень мрачной и пустой.

Дибс засмеялся и с силой ударил лопаткой по могиле.

- Нет, - заявил он решительно. Он отвечал на мой вопрос с таким видом, как будто между моим вопросом и его ответом не прошло ни минуты. - Я ничего не ответил папе. Я мало с ним разговариваю.

- Мало разговариваешь?

-- Да.

- А почему?

- Ну, не знаю. Потому что просто не разговариваю.
Он напел другую мелодию.

- Эту песенку ты тоже пел в школе?

- Нет. Я выучил ее в школе, а пою здесь, для вас.

- Ясно.

Вопросы, задаваемые в процессе терапии, были бы очень полезны, если бы на них давались точные ответы. Но так не бывает. Я бы удивилась, если бы в школьном поведении Дибса произошли какие-то перемены. По-видимому, каких-либо заметных изменений не произошло, так как воспитатели больше не обращались ко мне. Но Дибс все же многому научился в школе, дома, везде, где бывал. Даже несмотря на то, что его достижения не проявляются в его поведении

и не поддаются измерению или оценке, он развивается, изменения происходят в глубинах его личности.

- Сними ботинки, Дибс, - обратился он к себе.

Он снял их и наполнил песком, воспользовавшись для этого пластмассовой лопаточкой. Потом снял с себя один носок и заполнил его песком. Второй носок он снимать не стал, а просто оттянул его край и с помощью лопаточки насыпал туда столько песка, сколько смог. Потом взял набитый песком носок и высыпал его содержимое себе на ноги. Ему это понравилось, и он закопал свои ноги в песок. Потом резко вынул ноги из песка, встал, выпрыгнул из песочницы и распахнул дверь игровой. Сняв табличку, он закрыл дверь и вернулся в комнату.

- Что означает слово «терапия»? - спросил он.

- Терапия? Дай мне минутку, - попросила я, а сама подумала, почему он задал мне этот вопрос и какой ответ будет для него наиболее верным.

- Я бы сказала так. Она дает тебе возможность приходить сюда, играть и говорить обо всем, что ты хочешь. Ты можешь быть таким, каким хочешь. Ты можешь использовать это время так, как тебе захочется. Это время, когда ты можешь быть самим собой.

Это было лучшее объяснение, которое я смогла придумать на тот момент. Он перевернул табличку.

- Я могу объяснить, что значит «Не беспокоить». Это обращение ко всем, чтобы они оставили нас одних. Не мешали, не входили, не стучали в дверь. Это просьба оставить нас вдвоем. Надпись на этой стороне как бы предупреждает: «Они находятся здесь». Надпись объясняет всем: «Дайте нам побывать вдвоем!» Правильно?

- Да, я думаю, ты прав.

Кто-то спускался в холл, и Дибс услышал шаги.

- Кто-то спускается в холл, - пояснил Дибс. - Но это наша комната. Они не войдут сюда, не так ли?

- Думаю, что нет.

- Эта комната только для меня, правда? Только для меня, и ни для кого больше. Да?

- Это время каждую неделю принадлежит только тебе, и будет так, как ты захочешь.

- Дибсу и мисс А тоже. Это время не только для меня, но и для вас.

- Да, для нас двоих.

- Я повешу табличку на место, тогда они точно не будут нас беспокоить, - он вернул табличку на дверь, постучал по ней, закрыл дверь и обернулся. На его лице сияла счастливая улыбка. Он подошел к мольберту.

- Дибс, сейчас, когда ты уже не в песочнице, тебе не кажется, что хорошо было бы надеть ботинки и носки?

- Кажется. Это все из-за моей кори. Но сначала я надену носки, а потом ботинки.

- Разумеется, я же так и сказала, носки и ботинки.

- Верно, - он улыбнулся. После того, как носки и ботинки были уже на нем, он как следует зашнуровался и вернулся в песочницу.

- Когда у меня была корь, я должен был оставаться в постели. И окно моей комнаты было зашторено, и было так темно, что я ничего не мог делать. Не мог читать, рисовать, писать.

- И что же ты делал?

- Они ставили мне пластинки. Мама рассказывала мне истории. У нас много разных записей, и я слушал их все это время. Больше всего мне понравилось слушать музыку.

- Рассказы и музыка помогали тебе скоротать время, да?

- Не совсем. Я скучал по книгам.

- Ты любишь читать, правда?

- О, да, я люблю читать рассказы обо всем, что я вижу и думаю. А еще я люблю рисовать картины. Но читать мне нравится больше.

- Ты любишь читать. А какие книги тебя привлекают?

- Все книги. Любые. У меня есть книги о птицах, животных, деревьях, растениях, скалах, рыbach, людях, звездах. О погоде и странах. А еще два комплекта энциклопедий и словарь. Мой словарь с картинками у меня очень давно. А словарь, которым пользуется папа, просто гигантский, огромного размера. У меня несколько длинных полок с книгами, там книги со стихами, несколько старых книг, но больше всего мне нравятся научные книги. А дороже всех книг для меня ваша открытка, которую вы мне прислали. Они разрешили мне брать ее с собой и читать, когда я ложусь спать. Когда ее принесли, мама дала мне первому ее прочитать. И теперь я храню ее и перечитываю вновь и вновь.

- Ты провел немало времени, перечитывая ее.

- Да. Так много времени у меня ни на что не уходило. Но мне это нравится. Я люблю читать о вещах, которые вижу. И видеть вещи, о которых я читаю. У меня много разных камней и листьев, высохших насекомых и бабочек, наклеенных на картон. А еще у меня есть батарейки и фотоаппарат. И иногда я снимаю что-нибудь в нашем дворе. Только мои фотографии не очень хорошие. Рисую я лучше. Но больше всего мне нравится эта игровая.

- Тебе очень нравится эта игровая. А ведь они бывают разными.

- Да, они очень разные.

- А чем же они отличаются? - мне очень хотелось услышать его ответ.

- Как вы и сказали. Они бывают разные. Я смогла получить только частичный ответ на свой вопрос. Мне были важны любые дополнительные детали, но его ответ ничего мне не объяснял. Я не могла узнать, как он научился читать, писать, рисовать и говорить. Согласно существующим теориям обучения он не мог научиться всему этому, не овладев предварительно речью. Тем не менее, Дибс добился результатов, которые значительно превышали показатели, характерные для его возраста, и я очень хотела узнать, как же это произошло. Какого звена не хватает в цепи моих рассуждений.

Во двор въехал грузовик и остановился напротив нашего окна.

- Посмотри в окно, - предложил Дибс.

Он стал внимательно наблюдать, как мужчины разгружали грузовик. Вскоре они уехали. Он открыл окно и свесился из него, провожая взглядом уезжающий грузовик. Потом закрыл окно. В церкви напротив зазвонили колокола. Дибс повернулся и посмотрел на меня.

- Слушайте, сейчас будет четыре. Вот-вот, сейчас, - он стал считать удары. - Один, два, три, четыре. Сколько осталось?

- Пятнадцать минут.

Он стал медленно и вдумчиво считать на пальцах.

- Пятнадцать? Это пять минут и десять минут. Десять минут и пять минут. Да?

- Правильно.

- Иногда минуты бывают счастливыми, а иногда печальными. И время бывает печальным и счастливым.

- Да, иногда печальным, а иногда счастливым, - повторила я.

- Сейчас я счастлив.

- Правда?

- Да. Счастлив, - он открыл окно и свесился вниз. - Какой прекрасный день! Счастливый день под голубым-голубым небом. И птицы летают. Слышишь? Это пролетел самолет. Счастливое небо, счастливый самолет летит на запад. Счастливая птица, счастливый Дибс. Дибс с ветками вербы, которые он посадит и будет наблюдать, как они растут. Расскажи мне Дибс, как ты счастлив. - Он повернулся ко мне лицом, потом опять отвернулся к окну.

- Какое счастье, я даже плюну в окно, прежде чем его закрыть, - сказал он радостно и тут же плюнул за окно.

- Когда колокола зазвонят, нужно будет идти, - напомнила я.

Он быстро приблизился ко мне, коснулся моей руки, потом подошел к мольберту и расставил краски по порядку. Взяв коробку с животными, он вынул оттуда разобранный забор, осмотрел его и заявил:

- Я построю хорошую ферму. Потом запел:

- Я построю ферму! Я построю ферму! Счастливую ферму! Ферму для вас и меня.
- Сколько еще осталось? - поинтересовался он. Я написала цифры на бумаге и протянула ему листок, чтобы он посмотрел. Он взглянул и засмеялся. Взял в руки карандаш, подождал немного и написал цифру четыре. Через несколько секунд он приписал рядом цифру три. Потом два. Потом один.
- Время идти домой! - закричал он. - Только колокола почему-то не звонят.
- Ты немного опередил звон колоколов.
- Точно, - Дибс кивнул и посмотрел на забор, выстроенный на полу. - Видишь? - он показал на забор.
- Это длинный забор.. - Да.

Дибс запел:

- Я построил забор,
- Забор такой длинный,
- Что я не вижу его конца.
- Почему забор?
- Где забор?
- Я не хочу забора.

Он рассмеялся.

- Я поставлю животных внутри забора, - он поставил корову и лошадь позади забора. - Это корова. Она дает молоко. Она очень дружелюбная. Все коровы стоят в ряд, и они готовы дать молоко. - Его тон изменился, стал более резким, - вставай в ряд, корова.

Иди прямо. Ты слышишь, что я говорю? Не веди себя как глупая идиотка. А это петух. Снова зазвонили колокола.

- Слышишь, Дибс, - напомнила я.
- Да, один час. Еще три часа до четырех.
- Пора идти, Дибс. Ты пытаешься одурачить меня? Ведь уже пора идти домой.
- Да, пора. Но давайте притворимся.
- Притворимся?
- Ну да. Притворимся, как будто сейчас только час дня.
- Неужели ты думаешь, что если мы притворимся, то время изменится?
- Нет, конечно, но существует два типа притворства.
- И какие же они?
- Есть такое притворство, когда притворяешься правильно. А другое - это дурацкое кривляние, - он встал и подошел ко мне. - Иногда их так смешивают, что трудно сказать, где какое. Я сегодня иду к доктору. Вообще-то мы должны были пойти к доктору до того, как прийти к вам. Но мы решили сначала прийти к вам, мама сказала, что так будет лучше. Вы сказали, что корь у вас уже была, но доктор мог запретить посещения, - он надел шапку и пальто. - Все правильно, - заверил он меня. - Сейчас я уже не могу никого заразить корью. До свидания. Надеюсь, что мы увидимся в следующий четверг.

Он ушел. Я осталась наедине со своими размышлениями. Я должна была проанализировать все то, что я услышала от него сегодня, не упустив ни малейшей детали. Кажется, что его отношения с матерью стали более непринужденными. К нему стали более внимательны, с ним считались. Даже отец стал встречаться в его разговорах как более или менее положительный персонаж. Но возник вопрос, что же происходит на самом деле? Родители изменили свое отношение к Дибсу и стали вести себя иначе, или же изменился Дибс, став более отзывчивым, и это позволило им более открыто выражать свои чувства?

Разумеется, его родители обладали огромными возможностями для развития его способностей. Они пытались установить с ним контакт через то, что было им ближе и понятнее, - через его интеллект. Но при этом было совершенно непонятно, как они могли не заметить выдающиеся способности своего сына. И даже более того - счастье его умственно отсталым. Странно. Они не понимали, что проблема Дибса заключается не в его интеллектуальных способностях, а в мире его эмоций и чувств. И все же почему Дибс до сих пор придерживался двух форм

поведения, одна из которых была столь многообещающей и открытой для окружающих, а другая не приносила ничего, кроме грусти и одиночества?

Глава 13

На следующей неделе, когда Дибс появился в игровой, он сиял от счастья.

- Мама зайдет сегодня за мной чуть позже.

- Да, я знаю об этом.

- Она поехала по одному поручению. И сказала, что я могу ждать ее здесь, пока она не вернется. Она договорилась об этом с вами.

- Все правильно.

Он обошел игровую, радостно улыбаясь.

- Я буду петь.

- Если хочешь - пой. Я не возражаю. Он засмеялся.

- Если я захочу быть спокойным, я буду спокойным, - воскликнул он. - И если я захочу играть, я играю. А захочу думать, то думаю. Все, как я захочу.

- Да, все, как ты захочешь.

Он подошел к мольберту и посмотрел на краски. Достал баночку с голубой краской. И начал петь, держа баночку в руке и ритмично покачивая ей в такт песне.

- О, краска! О, краска, такая голубая!

Что, что ты можешь сделать?

Ты можешь нарисовать небо.

Ты можешь нарисовать реку.

Ты можешь нарисовать цветок.

Ты можешь нарисовать птицу.

Все, что ты нарисуешь, станет голубым,

Если ты нарисуешь все этим цветом.

О, голубая краска, о, краска, такая голубая!

Он подошел ко мне с баночкой краски.

- Она прольется. Она разольется.

Она расплескается. Она начнет капать.

Моя любимая голубая краска, она всегда будет.

Он продолжал петь, придумывая слова на ходу и двигаясь по комнате.

- Она - движение цвета.

Она двигается и двигается.

О, голубая! О, голубая! О, голубая краска!

Он пел, раскачивая баночку с голубой краской. Потом он подошел к мольберту и взял зеленую краску.

- О, зеленая краска, такая зеленая!

Такая спокойная и хорошая.

Она окружает меня весной.

Она окружает меня летом.

Она в листьях, в траве и в изгороди.

О, зеленая! О, зеленая! О, зеленая краска!

Он поставил зеленую краску и взял черную.

- О, черная! Черная как ночь.

О, мрачный цвет.

Отделю ее от всего, что меня окружает.

О, тени и сны,

Бури и ночь!

О, черная! О, черная! О, черная краска!

Вернув на место черную краску, он взял красную. Подошел ко мне поближе и с восхищением стал петь.

- О, красная, сердитая краска.

Глядя на нее, хмурившись.

Кровь красного цвета.
Ненависть. Безумие. Страх.
Красная, в шуме сражений.
Ненависть. Кровь. Слезы.

Он опустил руки. Замер, молча рассматривая баночку с краской. Глубоко вздохнул, поставив ее на мольберт. Взял желтую краску и спросил:

- А что означает желтый цвет? Желтый означает гнев. Решетки на окнах не дают дереву прикасаться к окну. Двери с замками заперты на ключ. Ненавижу тебя, желтый. Старый желтый цвет. Цвет тюрьмы, цвет одиночества и страха. Вот что значит желтый цвет.

Он возвратил краску на место. Подошел к окну и выглянул.

- Какой сегодня чудесный день!

- Да, точно, - согласилась я.

Он долго стоял у окна. Я села. Меня удивили его ассоциации к каждому цвету. Почему у него такие негативные ассоциации связаны с желтым цветом?

- Бирюзовый цвет новый, - сказал он -Да.

Он поставил два больших листа бумаги на мольберт. Тщательно помешал кисточкой бирюзовую краску. Подошел к раковине, включил воду и подставил кисточку под струю.

- Смотри, вода стала голубой.

Он подставил пальцы под струю, и брызги разлетелись по всей комнате. Он громко засмеялся.

-- Брызги разлетаются, разлетаются, разлетаются, - кричал он. - Я, Дибс, сам устроил фонтан из воды. И могу поменять цвет воды на голубой.

- Да, ты можешь.

Он потряс кисточкой, чтобы капля упала в раковину. Кисточка выпала из его рук и упала в отверстие раковины. Он попытался поймать ее на лету, но не смог. Она упала в трубу.

- Я не могу достать ее. Она упала. Но она в трубе. В нижней части, - он открыл створки шкафчика под раковиной и стал изучать трубу. Он постучал по трубе. - Кисточка с краской, ты здесь? Безобразие. Да, она в трубе, - Дибс заразительно засмеялся.

Он продолжал играть с водой, включив кран с такой силой, что вода разлеталась по всей комнате, потом взял детскую бутылочку и наполнил ее. Попытался надеть на нее соску, но у него ничего не получилось, потому что бутылочка была влажной. Дибс стал жевать соску, а бутылку поставил в раковину. Вода продолжала литься. Он заткнул бутылкой отверстие раковины, и она начала наполняться. Он опустил лицо в воду, чтобы оно стало мокрым.

- Вода прибывает, - радовался он. - Мойся, мойся, мойся.

Он взял две пустые грязные баночки из-под краски и поставил их в раковину. Вдруг он обратил внимание на набор пластиковых тарелок на полке, убрал баночки из-под краски и положил на их место тарелочки. Он прыгал и кричал во весь голос.

- Я мою посуду. Она плавает и намокает. Вода плещется. Где тряпка? Где клеенка? Где мыло? Вода плещется, плещется, плещется! Как смешно!

- Тебе очень весело?

- Да. Посуда наполняется водой и намокает. А кое-что уже утонуло. А где мыло? Я достала мыло, тряпку для мытья посуды и полотенце. Он с удовольствием мыл посуду, полоскал ее и вытирали.

- Видел ли ты когда-нибудь такую прекрасную посуду? - спрашивал он себя. - Такую же, как ту, что по почте прислала твоя бабушка, когда ты забыл у нее своих животных.

- Бабушка прислала тебе по почте такую же посуду?

- Да. Я ездил к ней. А когда вернулся домой, то выяснилось, что я забыл у нее своих животных. Она выслала их по почте, добавив в посылку набор такой же посуды. Это был сюрприз.

- Тебе понравился бабушкин сюрприз?

- О, да! Бабуля приедет к нам домой двенадцатого мая! - объявил он торжественно. Глаза его сияли, он радостно улыбался. - Бабуля приедет к нам домой. Как здорово! Она приедет к нам домой. Двенадцатого мая.

- Вижу, что ты очень счастлив. Ты будешь очень рад приезду бабушки?

- Да. Я так рад, что могу бесконечно смеяться.

Он начал петь.

- К Дибсу приедет любимая бабушка, К Дибсу приедет любимая, любимая Бабуля приедет! Бабуля приедет! Бабуля приедет, готовься к маршу Для любимой! Он с силой сжал руки.

- Не мешало бы устроить вечеринку. Прямо сейчас. Я устрою вечеринку.

Он расставил в ряд все маленькие чашки и заполнил их водой.

- Это все для детей. Вечеринка для ребенка, для всех детей. Давайте пить чай. На моей вечеринке будут только дети.

- Ты собираешься повеселиться на вечеринке с другими ребятами?

- Семь чашек, - сосчитал он чашки. - На моей вечеринке будет семь детей.

- Ты собираешься пригласить на вечеринку семерых ребят?

- Шестерых. И Дибс.

- Значит, шесть детей и ты с ними.

- Да. Всего шесть детей. А с Дибсом - семь.

- Правильно, - поддержала я.

В этой игре Дибс выразил свое желание побывать с другими детьми. Дибс посмотрел на раковину, которая заполнялась водой, и рассмеялся.

- Такой смешной шум. Четыре часа. Темнеет, становится поздно. Я соберу эту

воду, чтобы разлить ее в чашки и приготовиться к вечеринке. Пора наполнять

чашки, - он наполнил водой кувшин и стал разливать воду в чашки, припевая при

этом: - Чашка под номером один - эта вода для тебя. Чашки под номером два и три

- эта вода для вас. Будь осторожен, не разлей ее. Чашки номер четыре и пять. И

шесть. Затем седьмая чашка. Чашка с брызгами. Брызги, брызги, брызги. Пролил,

пролил, пролил. Вода в раковине, вода на полу, повсюду. Только один большой

всплеск, и вода повсюду.

Он вновь наполнил кувшин и вылил воду на сушилку, на пол, на стол. При этом он повторял, что достаточно одного большого всплеска воды, и она будет повсюду.

Он говорил, что ему доставляет радость каждая капелька воды.

- О, еще две чашки, - он нашел еще две пластиковые чашки. - На моей вечеринке будет девять человек. Я приготовлю чай для вечеринки, - он расплескал еще больше воды. - Сейчас я приготовлю чай для вечеринки. Сколько минут у меня осталось?

- Около восьми.

- Для вечеринки с чаем у нас есть еще семь минут, - торжественно объявил он. - Для сегодняшнего чаепития мы используем наш сервис. - Его тон изменился, стал

сдержаннее. Он великолепно подражал интонациям своей матери. - Здесь очень много чая. Я же сказал, что в каждую чашку надо наливать совсем немного, чтобы

потом налить молока. А если вы хотите побольше воды, то я не буду доливать вам

чая. И никаких возражений, - он долил воды в каждую чашку. - В шестой чашке

слишком много чая, - в его голосе появились жесткие нотки. - Пожалуйста, отлейте

чай из шестой чашки и выполните мои указания более точно. Сахара достаточно,

больше не надо. Достаточно сахара, я сказал! И не надо повторять за мной все,

что я говорю. Если вы хотите, чтобы вечеринка прошла удачно, то вам надо сидеть

за столом и спокойно ждать, пока вас обслужат. Могу предложить вам тост с корицей. И не говорите с набитым ртом!

Дибс накрыл на стол и расставил стулья. Потом взял кувшин с водой и стал медленно обходить вокруг стола, осторожно разливая воду в чашки.

- В каждой чашке будет налито немного чая, - сказал он ясным и твердым голосом.

- В третьей чашке слишком много чая. Надо немного отлить, - Дибс отлил немного

воды. - Вы можете положить немного сахара в вашу чашку, - он сам обслуживал

стол. Он использовал кувшин во второй раз так, как будто там было налито

молоко. Он насыпал в чайные ложки немного песка. - Не рассыпьте песок, его

слишком много в этой ложке, - продолжал он, подражая голосу матери. - В шестой чашке слишком много чая, разберитесь с ней. Не балуйтесь с песком. Детям нельзя употреблять слишком много сахара. Уберите локти со стола. Если будете так сильно шуметь, я отправлю вас в вашу комнату. И закрою на замок в вашей комнате.

Дибс сел за стол, перед ним стояла чашка. Он осторожно положил руки на краешек стола.

- Вы должны есть тосты аккуратно, - продолжал он. Он сделал движение, как будто берет тост, и нечаянно опрокинул чашку. Он быстро выскочил из-за стола, на его лице отражался страх.

- Конец вечеринке! - закричал он. - Вечеринка закончилась. Я пролил чай, - он быстро вылил воду из чашек и поставил их на полку.

- Вечеринка закончилась только потому, что ты пролил чай? - вмешалась я.

- Глупый! Глупый! Глупый! - кричал он.

- Это же случайность, - успокаивала я его.

- Только с глупыми людьми происходят такие случайности! - кричал он, в его глазах появились слезы. - Вечеринка закончилась. Дети уходят. Ничего больше нет. Это была случайность, но вечеринка закончилась, - его голос дрожал.

- Это тебя так расстроило. Ты случайно пролил чай, и вечеринка закончилась. А мальчика, который опрокинул чашку, отправят в его комнату? - спросила я.

- Да, отправят, отправят, - повторял Дибс, заламывая руки. - Ему следовало быть осторожнее. Это было очень глупо с его стороны, он глупый и неуклюжий. Не хочу вечеринки, не хочу, чтобы здесь были другие дети! - кричал он, ударяя по столику.

- Ты очень расстраиваешься и злишься, когда с тобой происходят подобные вещи?

- Давайте спустимся в ваш офис, - Дибс подошел ко мне. - Давайте уйдем отсюда. Я не такой глупый.

- Ты совсем не глупый. Просто ты очень расстраиваешься, когда что-то подобное происходит с тобой.

Мы спустились в холл и пошли ко мне в офис. Дибс сел на стул и долго молчал. Затем посмотрел на меня, и на его лице появилась улыбка.

- Простите меня.

- Простить? Но почему ты просишь прощения?

- Потому что я был неосторожен и пролил чай. Мне не следовало так себя вести.

- Ты считаешь, что тебе следовало быть более внимательным?

- Да. Мне нужно быть более внимательным, тогда я не буду глупым.

- Ты был неосторожен, но не глуп.

- Да, наверное, - согласился он и улыбнулся.

Эта ситуация разрешилась вполне благополучно. Дибс нашел в себе силы справиться со своими чувствами.

- Я хочу написать письмо, - он взял карандаш и бумагу и начал писать, громко произнося каждое написанное слово.

Дорогой Дибс.

Я вымыл чайный сервис и закрыл отверстие в раковине. У меня была вечеринка. Были дети.

С любовью, Я.

Он посмотрел на мой календарь и стал его листать. Он перелистывал страницы до тех пор, пока не остановился на восьмом апреля. Он обвел цифру и написал свое имя на этой странице.

- Восьмого апреля у меня день рождения, - пояснил он. Перелистал календарь еще дальше и обвел еще одну цифру. Снизу он подписал «мама». Потом отметил еще одну дату и написал «папа». Последней он написал «Дороти».

- Здесь дни рождения мамы, папы и Дороти.

Потом вернулся к той странице, где отметил папу, и подписал рядом «бабушка».

- У папы и бабушки дни рождения совпадают.

- Вот как?

- Да, только один старше другого.

- И кто же?

- Бабушка, - в его голосе появились нотки удивления. - Двадцать восьмое февраля, тогда же... Тогда же родился Вашингтон.
- Двадцать восьмого?
- Нет. Вашингтон родился двадцать второго. В том же месяце, - он смотрел на страницу календаря. - Хочу это стереть, - он указал на надпись «папа».
- Вот как?
- Нет, - он глубоко вздохнул. - Придется оставить, потому что это его день рождения.
- Ты хочешь, чтобы его день рождения остался в календаре или нет, я не поняла?
- Он нуждается в нем.
- Что это значит?
- Он нуждается в нем, я нуждаюсь.
- Ну, если так...
- Это нужно вырвать, - сказал он, обнаружив в календаре пустую страницу.
- Если хочешь, можешь вырвать ее.
- В году не бывает пустых дней, - он вырвал страницу. - У каждого дня есть число и название. Он кому-то принадлежит.
- Ты прав.
- Да. Нет ни одного дня, который не принадлежал бы кому-нибудь, - листая календарь, он остановился на 23 сентября. - Я назову этот день первым днем осени.
- Он написал на странице: «Добро пожаловать, осень». Потом начал искать в картотеке свою карточку.
- У вас есть карточка с моим именем? Такая же, как у врача.
- Странно, что ты ее не видишь.
- Он просмотрел картотеку в поисках заглавной буквы своей фамилии.
- Нет, ее здесь нет. Попробую посмотреть на букву Д. Может, вы заполнили ее на букву Д? Вообще-то надо искать по фамилии, но я поищу по имени.
- Посмотри.
- Он просмотрел, но не нашел в картотеке своего имени.
- Его нет.
- Ты хочешь, чтобы она была там?
- Да.
- Что ж, почему бы и не поставить ее туда.
- Он взял пустую карточку и аккуратно вписал туда свое имя, адрес и номер телефона. Затем поставил ее, точно соблюдая алфавитный порядок, согласно своей фамилии. Вынул еще один пустой бланк, написал мое имя, рядом написал «игровая»: Спросил телефон Центра, написал его на карточке и поставил ее к букве А. В церкви опять зазвонили колокола.
- Почти пора обедать, - сказал он, потом подошел к окну и выглянул на улицу. Он увидел большую шумную толпу людей, направляющихся к метро. Он наблюдал за ними.
- Люди идут домой с работы. С работы. Придут домой с востока, с работы, поужинают. А утром пойдут на работу на запад.
- Да.
- Все люди идут домой. Все работающие люди идут домой. Чтобы поужинать и отдохнуть.
- Правильно. Они могут поехать на метро или на автобусе. Сейчас они возвращаются домой. А утром, наверное, снова пойдут на работу.
- Да, - согласился он. - Туда и обратно, день за днем, так монотонно.
- Он долго стоял спокойно у окна. Вдруг повернулся и с удивлением спросил:
- А где мама?
- Она еще не пришла. Нам позвонят сюда и скажут сразу, как только она придет.
- Позвонят?
- Да.
- Вам точно известно, что все так и будет?
- Да.

- Кто-то оставит свое рабочее место, чтобы сообщить, что она придет?
 - Почему ты так рассуждаешь?
 - Не поступают так, как говорят.
 - А тебя очень расстраивает, когда кто-либо не выполняет своих обещаний?
 - Да. Такое бывает. Но если вы говорите, что уверены в том, что они позвонят, значит, я тоже должен в это верить.
 - Что значит должен?
- Он повернулся к себе календарь и начал его листать. Он остановился на текущем дне.
- Это сегодняшний день. Я поставлю на нем большой восклицательный знак.
 - Но почему?
 - Потому что это мой самый важный день.
 - Почему это твой самый важный день?
 - Это мой самый важный день, - повторил Дибс, лениво перелистывая календарь. Он остановился на одном из листков. - Это Пасха.
 - Да, я знаю.
 - Это будет прекрасный день. Да. В церкви будет много цветов. Разве не так?
 - Так, - ответила я. В дверь позвонили.
 - Все, как вы сказали.
 - Да, там твоя мама.
 - Я знаю, до свидания.
- Он подошел ко мне и застенчиво дотронулся до моей руки.
- До свидания, мисс А.
- Мы вместе спустились в приемную. Его мать приветливо поздоровалась, она держалась более уверенно. Дибс спокойно встал рядом с ней. Когда они выходили на улицу, она обратилась к нему:
- Скажи до свидания.
 - До свидания, - сказал он, не дав ей договорить.
 - Он сказал мне до свидания, когда мы еще были в комнате, - пояснила я.
 - До свидания еще раз, мисс А, - ожила Дибс. - Счастливого до свидания.

Глава 14

- Когда Дибс и его мама пришли на следующей неделе, я была в приемной. На мне было шелковое набивное платье.
- Мама, посмотри! - закричал Дибс. - Какие красивые цвета! Правда, они красивые? Правда, платье красивое?
 - Да, - сказала его мама. - Это очень красивое платье.
 - Цвета, - сказал Дибс. - Какие красивые цвета.
- Это сильно отличалось от его обычного тихого появления. Его мать улыбалась.
- Дибс очень настаивал, чтобы мы принесли один из подарков, который он получил на день рождения, чтобы вы увидели его, - сказала она. - Вы не возражаете?
 - Конечно, нет, - ответила я. - Если он действительно хотел его принести, это очень хорошо.
 - Да, он очень хотел, - ответила его мать. Дибсу не терпелось поскорее оказаться в игровой комнате. В руках он держал большую коробку, в которой, по-видимому, и лежал подарок.
 - Он все объяснит вам сам, - сказала его мама. - Честно говоря, я начинаю думать, что он может объяснить все, что угодно.
- В ее голосе я безошибочно определила нотки гордости.
- Дибс уже исчез в игровой. Я вошла вслед за ним. Он уже сидел на бортике песочницы и разворачивал подарок.
- Я здесь, - объявил он. - Я здесь.
 - Я вижу, - ответила я. - Может быть, ты займешься своим подарком дома?
 - Только не дома! - ответил он. - В игровой!
 - Хорошо, делай это в игровой.

Дибс встал и с гордым видом обошел комнату. Он радостно улыбался.

- У меня был день рождения, - сказал он.

- Тебе понравился твой день рождения?

- Да, - радостно ответил Дибс. Он повернулся к свертку. - Видишь это? Это приемник с международным кодом, на батарейках. Видишь? Здесь точки и тире, и можно послать зашифрованное сообщение. Ты пишешь вместо букв точки и тире, и можно послать зашифрованное сообщение. Не письмо, а просто код.

Он перевернул приемник, и из него выпали батарейки. Он быстро вставил их на место.

- Батарейки были отдельно, - объяснил он. - Они не очень хорошо сюда подходят. Слышишь писк, когда я нажимаю на клавишу? Это сообщение. Правда, замечательно?

- Да, Дибс. Это замечательно.

- Это очень, очень интересно, - он нажал на клавишу, и приемник пропищал что-то.

- Видишь, как это работает? Это международный шифр, и сообщение могут прочитать все, кто знает код.

- Я поняла.

За окном медленно проехал грузовик.

- Ты смотришь на грузовик, Дибс, - сказал он, вернувшись к своей прежней манере разговора. - Ты открываешь окно, Дибс. - Он открыл окно и выглянул наружу. - Ой, грузовик уехал.

- Уехал?

- Да. Но здесь еще один грузовик.

Еще один грузовик подъехал к обочине и остановился. Дибс взглянул на меня и хмыкнул. Наверное, это возвращение к детской речи было для него неплохим способом избавиться от напряжения, порожденного ожиданиями, связанными с подарком.

- Здесь грузовик, - сказал Дибс. - Он остановился. Он поехал. Теперь он дал задний ход. Вышел мужчина. Он что-то несет. Четыре коробки, одна на другой. Он что-то внес в дом. Он вышел. Он взял еще четыре коробки. Он идет в дом.

Лежа на подоконнике, он изучал грузовик, иногда искоса посматривая на меня.

- Это большой грузовик. Он грязно-красного цвета. В нем полно коробок. Я не знаю, что там, в коробках, но в грузовике полно коробок. Водитель залез в грузовик и вылез из него. Он несет коробки в дом. Ходит туда и обратно. В дом и из дома. Он носит вещи.

Мимо окна проходили две девочки-школьницы с книгами в руках. Они обратили внимание на Дибса, высунувшегося из окна.

- Привет, - сказала одна из них. Дибс ей не ответил.

- Я сказала: «Привет», - крикнула девочка. Дибс снова промолчал.

- Ты что, не можешь поздороваться? - спросила она. - Разговаривать не умеешь? Эй, ты что, язык проглотил?

Дибс упорно молчал. Он только стоял и смотрел на них в окно. Когда они скрылись из виду, он заговорил:

- Я смотрел, как они идут мимо. Я не говорил с ними. Я не отвечал им. Там идет водитель грузовика. Я не говорю с ним. Там идет по улице женщина. Я не говорю с ней. Я никому из них не сказал ни слова. Там едет грузовик. Грузовик, до свидания! Грузовик уехал, добродушно рыча мотором.

- Ты что, не можешь поздороваться? Разговаривать не умеешь? - повторил он, передразнивая девочку. Потом с шумом захлопнул окно и повернулся ко мне лицом. Его глаза сверкали гневом.

- Не хочу здороваться! Не хочу разговаривать с ними! - выкрикнул Дибс. - Не буду говорить!

- Ты видел их, ты слышал, что они тебе говорили. Но они задели твои чувства, и ты не хочешь разговаривать с ними, - сказала я.

- Ага, - кивнул он. - Люди гадкие, и поэтому я не хочу с ними разговаривать. Но я разговариваю с грузовиком. Я попрощался с грузовиком.

- Грузовик не может сказать того, что заденет тебя, да? - спросила я.

- Грузовик симпатичный, - ответил Дибс.

Он прошел через песочницу, сел на бортик и стал разгребать песок руками. Он выкопал игрушечного солдатика, взял его в руки и долго рассматривал. Потом вырыл руками небольшую ямку и закопал солдатика. На верхушку песчаного кургана он поставил игрушечный грузовик. Это действие ярче слов выразило его чувства.

Потом он взял совочки для песка, пластмассовое ведро, ложку, игрушечные сковородки и сито. Все это он разложил на столе.

- Теперь я буду печь печенье, - заявил он. - Сегодня у кухарки выходной, и готовить буду я. Это отвлечет меня от моих проблем.

Он стал отмерять песок и размешивать его в ведре.

- Я возьму муку, сахар и жир. Я возьму сито и просею муку. Просею три раза. Я буду просеивать вот так, Дибс, чтобы сделать ее воздушнее. Тогда у печенья вкус будет лучше. Еще я добавлю жир. Масло иногда называют жиром. И другие вещи называют жиром. Например, сало, маргарин или растительное масло.

Он был полностью поглощен своей ролью.

- Теперь я добавлю молока, - продолжал он. - Ты заметила, что я включил духовку, чтобы она прогрелась? Прогреть духовку значит подогревать ее какое-то время. Теперь я возьму формочки для печенья. Они бывают разной формы. Вот кролик. Вот звезды. Вот тыква. Ты будешь выбирать? Если ты выберешь какую-нибудь, дай ее мне. Или положи ее на край стола. Я хочу знать, поняла ли ты, что я сказал. Ты поняла насчет формочек, да? Ты хочешь, чтобы я сделал печенье в виде кроликов? Теперь я их подровняю и вырежу по той формочке, которую ты выбрала.

Его «тесто» не держало форму. Он взглянул на меня.

- Настоящие печенья склеиваются лучше, - сказал он. - Но я притворюсь, что эти тоже склеиваются, и они будут у меня в форме кроликов. Мне придется сначала положить их на сковородку, а потом придать им форму, но настоящие печенья надо сначала вырезать, а потом печь.

- Я знаю, - подтвердила я.

- Вот. Теперь я положу их в разогретую духовку, - продолжал он, ставя противень, полный песка, в игрушечную плиту. - А теперь я буду сидеть и ждать, пока печенье приготовится.

Он сел на бортик песочницы и стал расшнуровывать ботинки. Он снял их, а затем сполз в песочницу и запел:

- Пекись, печенье,

Пока я сижу здесь.

Пекись, печенье,

Пока я снимаю носки,

Пока ясыплю песок себе на ноги,

Пока я считаю мои пальцы.

Раз, два, три, четыре, пять.

Пять пальцев на ноге.

Какой идет после первого?

Что я сказал тебе?

Думай. Думай. Думай.

Я повторю еще раз.

Смотри на меня и слушай.

Раз, два, три, четыре, пять.

Что я сказал?

Теперь скажи ты.

Раз. Раз. Раз.

Что я сказал?

Слушай еще раз. Раз. Раз. Раз. Слушай меня, Глупый ребенок. Раз. Два. Два. Два. Теперь скажи еще раз. Раз, два, три, четыре, пять. Правильно. Правильно. Правильно. Вот тебе горячее печенье! Он засмеялся.

- Пять пальцев на одной ноге и пять пальцев на другой ноге - будет десять пальцев на обеих ногах, - сказал он. - Ты что, ничего не можешь запомнить? Или ты знаешь, но не хочешь мне отвечать?
- Иногда ты знал ответы, но не хотел отвечать? Так бывало? - спросила я.
- Я не знаю, когда я знал, а когда нет, - ответил Дибс, впав в состояние замешательства, которое нередко на него нападало. Он лег на спину, поднял ноги вверх и стал тянуть их к себе, пока не прикоснулся пальцами ног к губам.
- Видишь, что я могу? Я могу согнуться вдвое, хотя никто не учил меня этому. - Он опрокинулся на песок. Потом встал и стал прыгать по песочнице. Побежал к столу, взял детскую бутылочку и вернулся в песочницу. Улегся в песочницу и стал сосать из бутылочки, как маленький ребенок. Он расслабился и закрыл глаза.
- Когда я был маленьким... - начал он. Я ожидала продолжения, но он молчал.
- Что же было, когда ты был маленьким? - наконец спросила я.
- Когда я был маленьким... - начал он опять. Затем внезапно встал.
- Нет. Нет. Нет, - повторял он, быстро вылезая из песочницы. - Я не маленький. Я никогда не был маленьким!
- Сейчас ты уже не маленький, но ты не хочешь думать, что когда-то был таким? Он подошел к мольберту.
- На этой картине одиннадцать разных цветов, - сказал он. - Разные краски делают из разных ингредиентов. Ты знала это?
- Неужели? - удивилась я. - Да.
- Он беспокойно прошелся по комнате.
- Если ты больше не собираешься играть в песочнице, может, лучше наденешь носки и ботинки, - сказала я.
- Да. У меня замерзли ноги. Сегодня пол холодный, - согласился он. Он надел носки и протянул мне ботинки и шнурки.
- Если мне понадобится помочь, ты мне поможешь, - сказал он. - Если помочь будет не нужна, но я захочу, чтобы мне помогли, ты тоже поможешь.
- Ты так думаешь? - спросила я.
- Да, - ответил Дибс, кивая головой. - Я знаю.
- Я вдела шнурки в ботинки и протянула их Дибсу.
- Спасибо, - сказал Дибс.
- Пожалуйста, - ответила я. - Обращайся, когда будет нужно.
- Дибс улыбнулся.
- Ты предложила мне помочь! - крикнул он. Он стал размахивать руками, как крыльями, вверх и вниз, и вдруг закукарекал. Он смеялся.
- Дибс счастлив, - кричал он. - Давай, Дибс! В воду! К раковине!
- Он надел ботинки. Уверенно завязал шнурки и побежал к раковине. Он взял детскую бутылочку, вылил в раковину воду, которая была в бутылке, и снова наполнил ее. Брызги летели по всей комнате. Он переключил кран на фонтанчик для питья, зажал пальцем часть отверстия и направил струю воды в комнату.
- Я сделал брызги! - кричал он. Он закатал повыше рукава рубашки. Налил воды в бутылку и попытался надеть на нее соску, но она оказалась слишком скользкой.
- Мисс А сделает это для тебя, Дибс, - сказал он. - Мисс А не откажет тебе.
- Ты думаешь, что я сделаю это для тебя?
- Точно, - сказал Дибс. - Я знаю, ты наденешь.
- Он протянул мне бутылочку и соску. Я надела соску на бутылку и вернула ему.
- Он стоял напротив меня, сосал из бутылочки и пристально смотрел мне в глаза.
- Ты не называешь меня глупым, - сказал он. - Я просил помочь, и ты помогла; я сказал, что не знаю, - ты знала; я сказал, что не могу, - ты смогла.
- И как ты себя теперь чувствуешь? - спросила я.
- Вот так, - сказал он. - Я чувствую.
- Он был очень серьезен. Вернувшись к раковине, он наполнил бутылочку, вылил из нее воду, включил кран на полную силу и разбрзгал воду вокруг себя. Смеясь, он вылил воду на сушильную доску и на пол.
- Пусть все будет мокрым! - кричал он. - Пусть будет беспорядок!

Он заметил банку с чистящим средством на полке над раковиной. Вскарабкался на раковину и достал ее.

- Что в этой банке? - спросил он.

- Чистящее средство, - ответила я.

Он понюхал его, высыпал немного на ладонь, внимательно рассмотрел, а затем внезапно сунул в рот, чтобы попробовать.

- Дибс, нет! - воскликнула я. - Это чистящее средство. Оно же несъедобное!

Он повернулся и холодно посмотрел на меня. Моя внезапная спонтанная реакция была, с его точки зрения, весьма странной.

- Как же я смогу узнать, какое оно, пока не попробую? - с достоинством спросил он.

- Я тоже не знаю другого способа, - сказала я ему. - Но я не думаю, что тебе нужно глотать это. Оно несъедобное.

Он сплюнул в раковину.

- Почему бы тебе не прополоскать рот водой? - предложила я. Он прополоскал. Но моя реакция задела его. Он поставил банку со средством назад на полку и окинул меня холодным взглядом.

- Извини, Дибс, - сказала я. - Я просто не подумала. Но мне не доставило удовольствия видеть, что твой рот набит чистящим средством.

Он ударил себя по губам и отошел к окну. Когда задевали его чувства, он тут же надевал защитную броню безразличия. Он все же вернулся к раковине. Наполнил кувшин водой и вылил его на сушильную доску. Потом опустил в воду детские бутылочки, наполнил раковину водой и начал плескаться под сильной струей. Вода лилась в полную силу. Он смеялся, глядя, как бутылки крутились в водовороте. Вылавливая их из воды, он уронил одну из бутылок, и она ударилась о кран.

- Они могут разбиться и порезать! - закричал он. - Ты боишься за меня?

- Я думаю, ты знаешь, как этого избежать, - сказала я, помня полученный урок.

Он вытащил стеклянные бутылки и опустил в воду пластиковые тарелки.

- Вниз, в водоворот, - вопил он. - Маленькие чашки. Маленькие блюдца. Маленькие тарелки. Брызгаться! Бросать! - Он с шумом и ликованием выплескивал воду из раковины в комнату. - Отойди назад. Отойди назад, - вопил он. - Смотри за своим платьем. Держись подальше и будь внимательна, а то будешь мокрой с ног до головы.

Я отступила в безопасный угол, а Дибс продолжал поливать все вокруг водой.

- Я никогда в жизни не наводил такого замечательного беспорядка! - крикнул он. Раковина наполнялась все больше и больше, готовая переливаться через край.

- Смотри на воду, - воскликнул он. - Она перельется через край. И будет как водопад. - Он наблюдал за водой, прыгая от радости. Он опустил руки по локоть в воду, зажерпнул сколько мог и плеснул себе в лицо. - Ой, мокрая-мокрая вода. Такая прохладная, такая быстрая, - сказал он. Он наклонялся, пока его лицо не коснулось воды. Как только вода начала переливаться через край, он быстро выключил кран.

- Я позволил воде немного вылиться, - объявил он. Он энергично размешал чашки и тарелки в воде. Высыпал в раковину маленькие пластиковые ножи, вилки, ложки.

- Эти маленькие вещички могут уплыть в трубу, - сказал он и вычерпал их из раковины. Он разложил их на сушильной доске. - Хватит, - сказал он себе и вытащил затычку.

Вода забулькала в трубе. Он потянулся к крану с горячей водой.

- Эта вода слишком горячая, Дибс, - сказала я. - Налей сначала холодной воды.

Дибс разложил все вилки в ряд. Сосчитал их. Вдруг быстро протянул руку, включил горячую воду, сунул палец под струю и поспешил отдернуть его.

- Горячая! - воскликнул он.

- Ты хотел убедиться в этом на собственном опыте. Теперь ты знаешь, - сказала я.

- Да. Слишком горячая.

Он поставил на стол детскую бутылочку, засунул в рот соску и стал ее сосать. Сел на маленький стул рядом со столом и стал пить из бутылки. Он выглядел очень подавленным.

- Я не очень старый, - сказал он.

- Не очень?

- Нет. Мне только шесть.

- Сейчас ты чувствуешь себя не очень старым, правда?

- Правда.

Он смотрел на меня, продолжая сосать из бутылки. Наконец поставил бутылку.

- Мисс А живет в этом большом кирпичном доме, - сказал он. - Она живет в комнате семнадцать. Это ее комната. Это место - только для нее. И комната семнадцать - ее комната. Но это и моя комната тоже.

- Она принадлежит нам обоим, правда? Дибс кивнул головой.

- Это очень симпатичное место, - сказал он. - И твой офис тоже. Пошли в твой офис. Я возьму с собой мой приемник.

Мы спустились в офис. Дибс сразу уселся за стол. Он осмотрел новую настольную лампу, включил ее, а потом открыл коробку, в которой лежал его приемник.

- Он посыпает сообщение, - сказал он.

- Какое сообщение? - спросила я.

- Просто сообщение, - сказал Дибс. - Вот шифр для «а». Вот для «б». Я покажу тебе шифры всех букв в алфавите.

Он выступил каждую букву.

- Мои руки потрескались, - сказал он. - Поэтому кожа такая грубая. Мне нужно смазать их мазью. Ой, посмотри, какая маленькая книжка.

Он взял книгу в руки.

- Я вижу, у тебя есть «Малый Оксфордский словарь». Я поищу здесь слово. Ну-ка, посмотрим. Д-р-о-ж-ж-и. Пишется «дрожжи». Я найду это слово и прочитаю, что оно означает, - он нашел слово и прочитал его значение: «То, что используется для приготовления хлеба».

- Мне нравится отыскивать слова в словаре. Ты понимаешь шифр? - спросил он меня.

- Только когда подсматриваю на крышку коробки, - ответила я.

Удовствовавшись в том, что я смогу понять его сообщения, он склонился над своими бумажками и занялся шифрованием. Затем, пододвинув поближе приемник, быстро отстучал свое сообщение.

- Слушай! Слушай! - закричал он. - Ты получила сообщение?!

- Мне нужно взглянуть на бумагу и на крышку коробки, - сказала я.

- Ладно, смотри, - сказал он. - Это очень важное сообщение.

- Думаю, я поняла его, - сказала я, расшифровав надпись.

- О чем там говорится? - настаивал Дибс.

- Я Дибс. Я Дибс. Я Дибс.

- Правильно! - закричал он. - А теперь послушай это.

Он выступил еще одно.

- Мне нравится Дибс. Тебе нравится Дибс.

Нам обоим нравится Дибс, - прочитала я. Он захлопал в ладоши.

- Правильно! - крикнул он. - У нас получается.

Он радостно улыбнулся.

- Теперь ты напиши что-нибудь, а я это выстучу, - сказал он. - Спроси меня о чем-нибудь.

Я написала печатными буквами: «Сколько

тебе лет?»

- Мне - шесть, - написал он в ответ. - У меня недавно был день рождения. Я люблю себя. Ты любишь меня. Я буду хранить эти послания.

Он сложил вместе чистые листы бумаги и те, на которых мы писали наши шифровки, и положил их в ящик-картонку, позади карточки со своим именем.

- Все, что под карточкой А, принадлежит тебе. Все, что под моей карточкой, принадлежит мне. Я собираюсь все это отсюда забрать. Одна карточка для тебя. Одна карточка для меня. Только наши две карточки в этом ящике. И больше никаких.

- Ты хочешь, чтобы в ящике лежали только твоя и моя карточки? - спросила я.

- Да. Только наши две. Больше ничьи.

Он накрыл крышкой свой приемник.

- Хороший приемник, - сказал он. -- Это был подарок на день рождения, Его подарила мама. Папа подарил мне «Набор химика». Дороти подарила мне книгу. А бабушка подарила мне большой, замечательный музикальный волчок. Она прислала мне его по почте. И еще сладости, и еще несколько мячей в коробке, - он засмеялся. - Она прислала мне плюшевого мишку в прошлом году. Он мой настоящий любимец.

- Ты любишь своего плюшевого мишку, правда? Кажется, тебе нравятся все подарки, которые ты получил на день рождения? - спросила я.

- Да, - ответил он. - И поздравительные открытки тоже. Мне понравилась открытка, которую ты мне прислала. Мне понравился мой день рождения в этом году.

- Я рада, что он тебе понравился, - сказала я.

- Уже пора уходить, да? - спросил он, повернув к себе настольные часы.

- Да.

- У меня есть еще три минуты, - сказал он, положив руки перед собой и наблюдая за стрелками часов. - Я счастлив.

Когда время вышло, он взял свой приемник и открыл дверь.

- До свидания, мисс А, - сказал он.

- До свидания, Дибс.

- Будьте здесь, - сказал он. - Я приду сюда на следующей неделе. Обязательно приду.

Глава 15

- Добрый день, - закричал Дибс, как только вошел в игровую. - Я опять в волшебной комнате, где я делаю все, что захочу. Я уже придумал, что я должен буду делать сегодня.

- У тебя есть планы на сегодня? - заметила я. - Ладно, делай все, что ты сочтешь нужным.

Он прошелся по игровой, постоял у песочницы, тщательно изучил кукольный дом, по очереди рассмотрел каждого члена кукольной семьи.

- Я смотрю, здесь папа, - сказал он. - И мама. Еще сестра и мальчик. Они все в этом доме. - Он посадил их на место, подошел к окну и долго смотрел в него, не говоря ни слова.

- В этом доме вся семья, - подтвердила я, затем я тихо подошла к нему, пока он пристально глядел в окно.

Наконец он глубоко вздохнул. Вполоборота взглянул на меня.

- В мире так много всего, - сказал он. - Просто глядя из этого окна, я могу увидеть столько замечательных вещей. Деревья, которые вырастают такими большими и сильными. И церковь, достающую до неба. Я вижу проходящих людей. Разных людей. Я вижу машины и грузовики. И этих людей. Таких разных людей. Иногда я боюсь людей.

- Иногда ты боишься людей? - спросила я, надеясь, что он закончит свою мысль.

- Но иногда я не боюсь людей, - добавил он. - Я не боюсь тебя.

- Ты не чувствуешь страха, когда ты находишься со мной? - прокомментировала я.

- Да, - ответил он и вздохнул. - Сейчас я не боюсь. Я с тобой.

Он сел в песочницу и начал просеивать песок сквозь пальцы.

- Песок можно использовать для многих вещей, - сказал он. Он взял совок и начал рыть глубокую яму. - Здесь можно кого-нибудь похоронить, - сказал он. - Например, их.

- Здесь могли бы кого-то похоронить?

- А может, и нет, - добавил он, отступаясь от этой идеи.

- Ты еще не придумал? - спросила я. Он отошел от песочницы, подошел к столу и лениво потрогал карандаши.

- Я мальчик, - сказал он медленно. - У меня есть пapa, mama, сестра. А еще у меня есть бабушка, и она любит меня. Бабушка всегда любила меня. Но не пapa. Пapa не всегда любил меня.

- Ты уверен в любви бабушки, но в том, что пapa всегда любил тебя, ты не очень уверен? - заметила я.

Дибс сложил руки на груди.

- Папе я теперь нравлюсь больше, - сказал он. - Теперь пapa говорит со мной.

- Ты чувствуешь, что теперь больше нравишься папе? - переспросила я. Я чувствовала, что это очень деликатная ситуация: малейший мой промах заставит Дибса снова надеть маску бесчувствия.

- Немного больше, - сказал Дибс. Он стиснул руки так сильно, как будто он был очень ззволнован.

- У меня есть микроскоп, - сказал он. - Я вижу много интересных вещей под микроскопом. Я могу видеть их большими, чем они есть, и узнать их получше. Под микроскопом можно увидеть то, что просто так не увидишь. Дибс опять погрузился в безопасный мир интеллектуальных рассуждений. Микроскоп был вещью. Не было причин его бояться. Он безлик, с ним не связаны чувства и переживания.

- Иногда тебе интересно с микроскопом, - сказала я и подождала его ответа.

Дибс взял карандаш. Он лениво рисовал на бумаге что-то неопределенное - зигзаги и причудливые линии.

- Здесь я в безопасности, - сказал он. - Ты не допустишь, чтобы что-нибудь причинило мне боль.

- Здесь, со мной, ты чувствуешь себя в безопасности, - заметила я. Он наводил разговор на что-то важное для него. Мне приходилось продолжать наш разговор с предельной осторожностью, чтобы не сбить его с пути или не спровоцировать его на откровенность раньше, чем он будет к этому готов.

Он подошел к кукольному домику и вытащил из него кукол. Переставил мебель.

- Мама собирается в парк погулять, - сказал он. - Она хочет побывать одна, и поэтому идет в парк, где может посмотреть на деревья, цветы и птиц. Она как раз идет мимо озера и смотрит на воду. - Он вел кукольную маму через воображаемый парк. - Она нашла скамейку и села погреться на солнышке, потому что она любит солнце. - Он посадил куклу на бревно и вернулся к игрушечному дому. Взял другую куклу. - Сестра собирается идти в школу. Они собрали портфель и отправили ее из дома, и она идет далеко-далеко совсем одна. - Он отнес куклу в дальний угол игровой. Потом вернулся и взял большую куклу.

- Отец дома один. Он работает и читает, и его нельзя беспокоить. Он совсем один. Он не хочет, чтобы ему надоедали. Он зажег свою трубку и курит, потому что не может решить, что ему делать. Потом он идет и отпирает комнату маленького мальчика.

Он быстро положил куклу-отца и схватил маленькую куклу.

- Мальчик открывает дверь и убегает из дома, потому что он не любит закрытые двери, - он посадил маленькую куклу недалеко от дома.

Дибс закрыл лицо ладонями и сидел очень тихо несколько минут. Он глубоко вздохнул и взял в руки куклу-отца.

- Вот пapa идет на прогулку, потому что он не знает, что ему делать. Он идет вдоль по улице, где много машин и автобусов и очень шумное движение, а пapa не любит шум. Но он вдет вдоль по улице к магазину и собирается купить каких-нибудь новых замечательных игрушек для своего мальчика. Он думает, что мальчик будет рад микроскопу. Вот он покупает его и идет назад, домой.

Дибс встал и начал мерить шагами комнату (шагать по комнате), время от времени бросая быстрые взгляды в мою сторону. Затем он опять опустился на колени возле игрушечного дома и взял куклу-отца в руки.

- Он долго зовет мальчика, и мальчик прибегает. - Дибс принес маленькую куклу и поставил перед куклой-отцом. - Но мальчик вбежал так быстро, что налетел на стол и опрокинул лампу. Отец закричал, что мальчик глупый. Тупой, глупый, невнимательный мальчик! «Почему ты это сделал?» - настаивал он, но мальчик не

отвечал ему. Отец очень разозлился и велел мальчику идти в его комнату. Он сказал, что ребенок тупой, глупый и что ему стыдно за него.

Дибс был очень напряжен, проигрывая эту сцену. Он посмотрел на меня и, должно быть, почувствовал, что я также глубоко погрузилась в это переживание, как и он сам.

- Мальчик выскользнул из дома и спрятался, - прошептал Дибс. - Отец не заметил, что произошло. Потом... - Он поднялся и быстро пересек комнату, взял куклу-маму и вернулся с ней к дому. - Мамина прогулка подошла к концу, и поэтому она вернулась домой. Отец все еще был очень зол и рассказал маме, что сделал глупый мальчик. А мама сказала: «Ах, мой дорогой! Ах, мой дорогой! Что это с ним стряслось?» Потом вдруг мимо проходил мальчик-великан. Он был такой большой, что никто не мог его обидеть, - Дибс поднялся во весь рост. - Этот большой-большой мальчик увидел маму и папу в доме и услышал, какие злые слова они говорили. Поэтому он решил проучить их. Он обошел дом и закрыл все окна и все двери, чтобы они не могли выйти наружу. Они оба оказались запертыми.

Он посмотрел на меня. Его лицо было бледным и суровым.

- Видишь, что произошло? - сказал он.

- Да. Я вижу, что произошло. Большой мальчик запер в доме отца и мать.

- Потом отец говорит, что собирается покурить трубку и достает ее, еще достает спички, чиркает спичкой, роняет ее на пол, и комнату охватывает огонь. Дом загорелся! А они не могут выйти. Они заперты в доме, а огонь разгорается все больше и больше. Маленький мальчик видит, что они горят в доме, где их закрыли и говорит: «Пусть они сгорят! Пусть они сгорят», - Дибс, было, стремительно рванулся к куклам, как будто он хотел их спасти, но отступил, закрывая лицо руками, как будто огонь, который он выдумал, был настоящим и обжег его, когда он попытался спасти отца и мать.

- Они кричат, и плачут, и колотят в дверь. Они хотят выбраться. Но дом горит, а они заперты внутри и не могут выбраться наружу. Они плачут и зовут на помощь. Дибс сжал руки, и по его щекам потекли слезы.

- Я плачу! Я плачу! - крикнул он мне. - Я плачу из-за этого!

- Ты плачешь, потому что отец и мать заперты в доме и не могут выбраться, и дом горит? - спросила я.

- Нет! - крикнул Дибс. Рыдания сжали ему горло. Он бросился через всю комнату ко мне и обвил руками мою шею, горько рыдая.

- Я плачу, потому что опять почувствовал боль от того, что передо мной закрытая дверь,

- всхлипнул он. Я обняла его.

- Ты чувствуешь себя так же, как чувствовал когда-то, когда был одинок? - спросила я.

Дибс оглянулся на дом. Он вытер слезы и стоял, тяжело дыша.

- Мальчик спасет их, - сказал он. Взял куклу-мальчика и поставил его в дом. - Я спасу вас! Я спасу вас! - закричал он. - Я отопру двери и выпущу вас. И вот маленький мальчик открыл двери, погасил огонь, и отец с матерью были спасены. Он вернулся ко мне и взял мою руку. Он слабо улыбался.

- Я спас их, - сказал он. - Я не дал им сгореть и почувствовать боль.

- Ты помог им. Ты спас их, - сказала я. Дибс сел за стол и уставился прямо перед собой.

- Они закрывали меня в моей комнате, - сказал он. - Они не делают этого сейчас. Но они закрывали меня.

- Закрывали? Но теперь не закрывают?

- Теперь нет, - сказал Дибс и порывисто вздохнул. - Папа действительно подарил мне микроскоп, и это принесло мне много радости.

Он поднялся из-за стола и прошел в другой конец игровой, к тому месту, где он оставил куклу-сестру. Он принес ее назад в кукольный дом и посадил всех четырех кукол на кресла в гостиной.

Потом он подошел к столу, взял черный карандаш и густо зарисовал черным цветом лист бумаги, оставив незакрашенным крошечный кружок посередине

листа. Этот кружок он закрасил желтым. Он ни слова не сказал о том, что он делает. Закончив, он сложил карандаши в коробку. Потом он пошел к песочнице, поднял совок и стал медленно засыпать яму, которую вырыл часом раньше.

Этот час был бурным для Дибса. Его чувства беспощадно разрывали его на части. Закрытые двери раннего детства Дибса принесли ему сильные страдания. Не дверь его комнаты, закрытая на ключ, а все те двери принятия и одобрения, которые были заперты для него, лишая его любви, уважения и понимания, в которых он так отчаянно нуждался.

Дибс поднял детскую бутылочку и быстро глотнул из нее. Потом он поставил ее и посмотрел на меня в упор.

- Я уже не ребенок, - сказал он. - Я теперь большой мальчик. Мне не нужна детская бутылочка.

- Тебе не нужна больше детская бутылочка? - переспросила я.

Дибс усмехнулся.

- Разве что я иногда хочу снова стать ребенком, - сказал он. - Но я чувствую. Но я чувствую. Я буду ребенком.

Он широко развел руки в стороны.

- Ку-ка-ре-ку, - прокричал он. - Ку-ка-ре-ку!

Он был спокоен и счастлив. Когда он ушел из игровой, мне показалось, что он оставил здесь все тягостные чувства, которые жили в нем последнее время.

Глава 16

Дибс вошел в игротеку, радостно улыбаясь и осматриваясь. Он изучил остатки стены, которую другой ребенок построил посреди песочницы. Потом он взял пистолет и положил его в ящик стола. Он заметил сломанный кукольный домик на полке, взял его в руки и осмотрел.

- Я починю его, - сказал он. - Где у тебя скотч?

Я достала скотч.

- Как ты думаешь, сколько тебе понадобится? - спросила я.

- Двадцать пять сантиметров, - сказал он быстро, и это было примерно столько, сколько ему действительно было нужно.

Я оторвала примерно двадцать пять сантиметров ленты и протянула ему.

- Отлично, - сказал он. - Спасибо.

- Пожалуйста, - ответила я.

- Вот здорово! И тебе тоже, пожалуйста, - воскликнул Дибс. - А теперь я открою окно, чтобы свежий ветерок мог попасть сюда.

Он открыл окно.

- Ветерок, входи, - крикнул он. - Давай, побудь с нами. - Он усмехнулся, - папе не нравится, когда я говорю с ветром, но здесь я могу разговаривать с ним, если мне это нравится.

- Если тебе нравится, разговаривай, - подтвердила я.

- Папа говорит, что люди разговаривают только с людьми, - сказал Дибс. И моргнул. - Папа говорит, что я должен говорить с ним, но я не говорю с ним. Я слушаю его, но не говорю с ним. Я часто не отвечаю ему. Это его очень сильно раздражает.

Разговоры были основным предметом разногласий между ними, и, чтобы избежать критики отца, Дибс стал специалистом по уходу от таких разговоров.

- «Доброе утро», - говорит он мне, - продолжал Дибс. - Я не смотрю на него. Я не отвечаю ему. «Что с тобой происходит? - спрашивает он. - Я знаю, что ты можешь говорить». Но я не говорю ничего. Я не смотрю на него. Я не отвечаю. - Дибс засмеялся.

- Его это так расстраивает!

Он вернулся к столу, выдвинул ящик и достал пистолет. Потом он пересек комнату, подошел к окну и выглянул наружу. Он смотрел на большой грузовик, проезжавший мимо.

Повернулся и посмотрел на меня.

- Выбросить этот пистолет? - спросил он.

- Если ты это сделаешь, мы не сможем забрать его назад, - сказала я.

- Он упадет прямо под окном, - сказал он.

- Я знаю. Но мы не сможем выйти на улицу и забрать его сейчас.

- Потом он может пропасть, - сказал Дибс.

- Кто-нибудь может найти его и забрать себе.

- Да. Такое возможно.

- Ладно, тогда я не буду его выбрасывать, - решил Дибс.

Он обошел вокруг кукольного домика и осмотрел кукольную семью. Он поставил куклу-отца и прицелился в него.

- Молчи, или я застрелю тебя, - сказал он кукле. - Не смей больше открывать рот. - Он взвел курок. - Я готов. Если ты не побережешься, я застрелю тебя.

Он открыл нижнюю часть дома.

- Я спрячу пистолет здесь, в подвале, - сказал он. - И никому не смогут причинить боль. - Он положил пистолет в нижнюю часть дома и закрыл ее.

Затем он подошел и встал прямо передо мной, слабая улыбка зажглась на его лице,

- В моем классе много ребят, - сказал он после долгой паузы. - Джек, Джон, Дэвид, Карл, Бобби, Джейффи, Джейн и Кэрол. В моем классе много ребят.

- С тобой в школе учится много ребят? И некоторых из них ты знаешь по именам?

- Я знаю по именам всех, - сказал Дибс. - И девочек и мальчиков. Они очень интересные.

Это было первое упоминание о каких-либо определенных мальчиках и девочках в его классе. Впервые он выразил к ним интерес.

Я и раньше думала, что в какой-нибудь момент мы могли бы создать терапевтическую группу для Дибса, чтобы дать ему возможность стать частью небольшой, тесно взаимодействующей группы. Но у меня не было никакой связи со школой, и у меня не было возможности, чтобы узнать, как там идут дела или даже просто что он там делает. Тогда я решила спросить Дибса, что он думает о том, чтобы пригласить еще кого-нибудь вместе с ним в игровую.

- Дибс, ты бы хотел, чтобы вместе с тобой по четвергам сюда приходил поиграть какой-нибудь мальчик или какая-нибудь девочка? - спросила я.

Дибс чуть не подпрыгнул. Он посмотрел на меня зло и в упор.

- Нет! Нет! - закричал он. - Никого больше не хочу видеть здесь!

- Ты не хочешь, чтобы здесь с тобой находился кто-нибудь из детей? - спросила я. Дибс казался удрученным.

- Никто не придет, - сказал он мрачно.

- Ты думаешь, что никто не придет? Поэтому ты ответил «нет»?

- Да, - пробормотал Дибс. - Никто не любит меня. Никто не придет.

- Но если кто-нибудь придет, и захочет приходить еще, и будет играть с тобой, это что-нибудь изменит? - спросила я, пытаясь внушить ему эту идею.

- Нет! - закричал Дибс. - Это только мое! Я хочу, чтобы это было только моим! Я не хочу, чтобы кто-нибудь еще когда-нибудь сюда приходил! Я хочу, чтобы здесь были только я и ты! - Казалось, он сейчас разрыдается. Он повернулся ко мне спиной.

- Я понимаю, Дибс, - сказала я. - Если ты хочешь, чтобы здесь были только ты и я, так и будет.

- Так и будет, - сказал Дибс. - Я хочу, чтобы здесь был только я, и чтобы никто никогда сюда не приходил.

- Что бы ты ни решил, так и будет, - сказала я.

Дибс подошел к окну и стал смотреть на улицу. Мы оба молчали.

После долгого молчания он сказал:

- В моем классе много ребят. Мне... - он запнулся, потом повернулся и посмотрел на меня. - Мне... они... нравятся, - сказал он, слегка заикаясь. - Мне хочется, чтобы и я им нравился. Но я не хочу, чтобы кто-нибудь из них пришел сюда к нам. Ты только моя. Что-то специально для меня. Только мы двое.

- Тебе нравятся другие ребята, но ты хочешь, чтобы это время мы проводили только вдвоем?

- Да. Правильно. Пробили часы.

- Четыре часа, - сказал Дибс. - Четыре часа на часах и четыре часа на цветах. Солнце в небе. А здесь подсолнухи. Так много всего разного.

- Да, - сказала я.

Он пошел к раковине и включил воду на полную мощность. Затем он прикрыл кран и оставил тонкую струйку. Посмотрел на меня и сказал очень серьезно:

- Я могу сделать так, что вода будет течь или маленькой струйкой, или стремительным потоком. Будет так, как Я хочу.

- Да. Здесь ты можешь управлять водой так, как ты захочешь.

- Я могу остановить ее. Я могу пустить ее, - сказал он.

- Ты можешь контролировать ее, - заметила я.

- Да, - сказал он медленно и многозначительно. - Я могу. Я. Я. Я...

Он обошел игротеку, поглаживая себя по груди и выкрикивая: «Я! Я! Я! Я!» Остановился напротив меня.

- Я - Дибс, - сказал он. - Я много чего могу. Мне нравится Дибс. Я люблю себя. - Он счастливо улыбнулся и пошел играть с водой.

Он положил детские бутылочки в воду и включил воду на полную мощность. Брызги полетели по всей игротеке. Он отпрыгнул назад, смеясь от души.

- Меня не обрызгало! - крикнул он. - Я отпрыгнул, и меня не обрызгало. Я еще много чего могу. - Он поднял одну бутылку высоко в вытянутой руке и лил из нее воду в маленькую бутылку, которая стояла на полу. - Вот что я могу! - воскликнул он. - Я могу делать вот так, и вот так, и вот так! Я могу экспериментировать. - Он проводил свои эксперименты с водой и разными емкостями.

- Как весело, - кричал он. - Можно устраивать всякие веселые штуки. Здесь я могу быть большим, как весь мир. Я могу делать все, что я хочу. Я большой и сильный. Я могу заставить воду течь. Все, что я захочу сделать, я смогу. Привет, маленькая бутылочка. Как дела? Тебе весело? Не разговаривай с бутылкой. Эта бутылка - просто вещь. Разговаривай с людьми, я сказал. Привет, Джон. Привет, Бобби. Привет, Карл. Разговаривай с людьми. Но я хочу поздороваться с маленькой бутылочкой, и если я хочу, то здесь я могу это делать.

Он быстро взял бутылочку и соску.

- Надень это для меня, - попросил он.

Я надевала соску, а он придерживал бутылочку.

Он стал пить из бутылки и смотрел на меня.

- Когда я хочу быть ребенком, я могу им быть. Когда я хочу быть взрослым, я могу им быть. Когда я хочу говорить, я говорю. Когда я хочу молчать, я молчу. Это так?

- Да. Так и есть, - сказала я.

Он снял соску и глотнул из горлышка.

- Я покажу тебе кое-что интересное, - сказал он. Он достал несколько стаканов, поставил их в ряд, потом налил в них разное количество воды. Взял ложку и слегка ударил по каждому стакану. - Слышишь, разные звуки? - закричал он. - Я могу сделать так, что у каждого стакана будет свой звук. Так получается из-за разного количества воды в стаканах. Слушай, когда я ударю по трубе. А это коробка. Все звуки разные. А есть звуки, которые я не делаю, а они делаются сами по себе. Например, гром. И когда вещи падают, получается шум. Бутылки гремят. Да. Я могу сделать любой звук. И я могу быть таким тихим. Я могу вообще не шуметь. Я могу сделать тишину.

- Ты можешь делать звуки и тишину, - сказала я.

Его руки уже долго находились в воде. Он показал их мне:

- Смотри. У меня сморщились руки.

- Я вижу.

- Так, теперь я сделаю что-то очень важное, - сказал он. Он поставил баночки с разными красками на край мольберта.

- Смотри сюда. Красный, синий, желтый, серый, оранжевый, фиолетовый, зеленый, белый. Все вперемешку. И я положил в банки кисти другого цвета. - Он только что это сделал. Потом отступил на шаг, посмотрел на мольберт и засмеялся. - Вот так. Все перемешалось. Не та кисть не в той банке. Вот так я сделал. Я все сделал неправильно. - Он засмеялся.

- Ты все перемешал - и банки и кисти, - сказала я.

- Да, - сказал он. - Очень большой беспорядок. Беспорядок вперемешку. Возможно, это первый настоящий беспорядок, который я сделал. Но теперь я должен расставить их в правильном порядке, вытащить кисти и разложить их правильно. - Он начал переставлять баночки с краской и приводить их в порядок.

- Ты считаешь, что ты должен поставить их в определенном порядке? - спросила я.

- О, да, - сказал он. - Здесь двенадцать кистей и двенадцать цветов. - Он засмеялся.

- Давай, Дибс, сделай все, как нужно, - сказал он весело. - Есть правильный способ все делать, и ты наведешь здесь порядок.

- Ты считаешь, что они всегда должны находиться в определенном порядке? - спросила я.

- Да, - сказал Дибс с усмешкой. - Если только они не перемешаны.

- И то и другое хорошо?

- Только здесь. Запомни, только здесь все будет хорошо.

Он подошел ко мне и погладил меня по руке.

- Ты понимаешь, - сказал он с улыбкой. - Пойдем вниз, в офис. Давай навестим тебя в твоем офисе.

Мы стремительно спустились в мой офис. Здесь на письменном столе лежала упаковка наклеек-маркёров для книг. Он взял их в руки.

- Могу я открыть их и куда-нибудь наклеить? - спросил он.

- Если хочешь.

Он пошел к книжным полкам и стал внимательно рассматривать книги. Он выбрал одну и прочитал название: «Ваш ребенок встречается с окружающим миром». Подошел к окну и посмотрел на улицу.

- Привет, окружающий мир, - сказал он. - Что ж, это прекрасный день для окружающего мира. И пахнет там так хорошо. Ага, а там едет грузовик, с которым мы подружились.

Он долго смотрел и молчал.

- Привет, грузовик, - сказал он тихо. - Привет, водитель. Привет, мир. - Он улыбнулся.

Потом он вернулся к столу и взял «Малый Оксфордский словарь».

- В этой старой книжке полно слов. Я наклею сюда парочку. Мой маленький словарик. Книжка слов в синей обложке. - Он наклеил на словарь пару маркёров. Потом он сел на стул и откинулся на спинку. Он широко улыбался.

- Скоро будет пора идти домой, - сказал он. - И когда я пойду, я буду также счастлив. Потом я опять приду в следующий четверг. И помни: только я. Никого кроме меня. И тебя.

- Я буду помнить, - сказала я. - Если ты хочешь, чтобы это было только твое время, я не буду возражать.

- Я хочу, чтобы это было наше время, - прошептал Дибс. - Но не еще кого-нибудь.

- Тогда так и будет, - сказала я. - Для нас и ни для кого больше.

Я бы удивилась, если бы посаженная мной идея о друзьях так быстро дала всходы, и он мог хотя бы только предположить, что ему было бы приятно завести друга. Если не здесь, то, возможно, в школе у него появился бы друг.

Прозвенел звонок, сигнализируя о приходе его матери.

- До свидания, - сказал он. - Я приду опять в следующий четверг и опять буду полон счастья.

Он вышел к матери и весело взглянул на меня.

- До свидания, еще раз, - сказал он, затем повернулся и сбежал вниз по лестнице холла так быстро, как только мог, взбежал обратно и с разбегу обнял мать.

- Мама, я люблю тебя, - крикнул он, крепко ее обняв.

Мы обе были удивлены неожиданным выражением чувств Дибса. Глаза его матери неожиданно наполнились слезами. Она кивнула мне на прощанье и ушла, крепко сжимая его руку в своей руке.

Глава 17

На следующий день мать Дибса позвонила и попросила о встрече. Я была готова принять ее в тот же день. Она вошла в мой офис, едва сдерживаясь. Неожиданное выражение Дибсом чувства привязанности вывело ее из глубокой обороны.

- Я хочу, чтобы вы знали, как мы вам благодарны, - сказала она. - Дибс так сильно изменился. Это уже другой ребенок. Я раньше никогда не видела, чтобы он так свободно выражал свои чувства, как он сделал это вчера, когда мы уходили от вас. Я... Я была глубоко тронута.

- Я знаю, что это так, - подтвердила я.

- Он стал намного лучше, - продолжала она. Ее глаза светились радостью, а на губах играла легкая улыбка. - Он стал спокойнее и счастливее. Теперь у него не бывает приступов дурного настроения. И вряд ли он теперь сосет свой большой палец. Теперь он смотрит в глаза. Он отвечает нам почти всегда, когда мы с ним разговариваем. Он интересуется тем, что происходит в семье. Иногда он играет с сестрой, когда она бывает дома. Не всегда, но иногда он выражает какое-нибудь желание. Он стал выказывать некоторую привязанность ко мне. Он хочет приходить ко мне иногда и говорить о чем-нибудь своем. На днях он пришел в кухню, где я что-то пекла, и сказал: «Я вижу, ты делаешь печенье. Твое печенье очень хорошее на вкус. Ты делаешь печенье для нас. Для нас». Я думаю, теперь он начинает чувствовать себя членом семьи. Я думаю... Ну, я думаю, я тоже начинаю считать его одним из нас.

- Я не знаю, что между нами было не так. Он с самого начала вызывал большие затруднения. Я чувствовала, что потерпела поражение. Я чувствовала угрозу. Дибс разрушил все в моей жизни. Он угрожал моему браку. Он привел к концу мою карьеру. Сейчас я спрашиваю себя, что я такого сделала, что привело к этим проблемам между нами? Почему все это случилось? Что я могу сделать сейчас, чтобы исправить положение? Я спрашиваю себя снова и снова: «Почему? Почему? Почему?» Почему мы так сражались друг с другом? Сражались так сильно, что это чуть не убило Дибса. Я помню, что, когда разговаривала с вами впервые, я настаивала на том, что Дибс - умственно отсталый. Но я знала, что на самом деле он не был таковым. Я занималась с ним и тестировала его, пытаясь заставить его вести себя нормально, когда ему было два года, - все это без какого-либо подлинного контакта между нами. Я всегда очень сильно переживала. Я не знаю, что он делает здесь, в игровой. Я не знаю, видите ли вы что-то из того, что он знает и умеет. Он умеет читать. Он понимает почти все. Он умеет писать. Он делает записи обо всем, что его интересует. У него есть альбомы, в которых он собрал образцы коры и разных листьев. Он засушивает гербарии. Его комната полна книг, рисунков, вещей, которые могут его чему-то научить, развивающих игр, игрушек, научных материалов. Магнитофон. Огромная коллекция записей. Он любит музыку, особенно классическую. Он может узнать практически любую часть каждой из них. Я знаю это, потому что теперь он называет то, что я играю, если я играю какой-нибудь отрывок и спрашиваю его, что это. Я включаю запись, останавливаю через некоторое время и спрашиваю, что это было. И он называет ее. Я провела много часов, проигрывая ему эти записи, рассказывая ему о них, никогда не зная, понимает ли он меня. Я прочитала ему сотни книг - а он прятался под столом. Я постоянно разговаривала с ним, объясняя ему все, что происходило

вокруг. Снова и снова. Ободряемая только тем, что он находился достаточно близко, чтобы слушать и смотреть на то, что я показывала ему.

Она вздохнула и в отчаянии покачала головой.

- Мне нужно было что-нибудь доказать себе, - сказала она. - Мне нужно было доказать себе, что он может учиться. Мне нужно было доказать самой себе, что я могу его учить. И, тем не менее, его поведение всегда было таким, что я никогда не могла догадаться, что он усвоил и что все это для него значило. Я замечала его одного в комнате, склонившегося и разглядывающего то, что я дала ему незадолго до этого, и я говорила себе: «Он бы не стал этим заниматься, если бы это ничего не значило для него». Но я так до сих пор и не уверена в этом.

- Вы, должно быть, крайне встревожены. Ваши чувства к нему очень противоречивы, - заметила я. - Проверки, наблюдения, сомнения, ваши и Дибса. Надежды и отчаяние, ощущение несостоятельности и ожидание, что все когда-нибудь изменится.

- Да, - подтвердила она. - Я всегда проверяю его. Всегда сомневаюсь в его способностях. Я старалась стать ближе к нему, и в то же время возводила между нами стену. И он всегда делал так, что я продолжала ее возводить. Я думаю, что не найдется ребенка, которому причинили бы столько страданий постоянно предъявляемые ему требования. Требование, чтобы он успешно прошел очередной тест. Ему всегда, всегда приходилось доказывать, что у него есть способности. Ему не было покоя. Исключая время, когда приезжала бабушка. У них были хорошие отношения. Он отдыхал с ней. Он не особо разговаривал с ней. Но она принимала его таким, какой он есть, и она всегда верила в него. Она говорила мне, если я расслаблюсь и оставлю его в покое, то с ним все будет нормально. Но я не могла поверить в это. Мне казалось, что я должна компенсировать ему все неудобства, причиненные мной. Я чувствовала, что я ответственна за то, каким он стал. Я чувствовала себя виноватой.

Внезапно она расплакалась.

- Я не знаю, как я могла так поступать с ним. Должно быть, я лишилась разума. Мое поведение было неразумным. Я видела только те доказательства, которые хотела видеть. И не замечала, что под этим своеобразным, необычным поведением скрывается талант. Я бы не вынесла того, что именно я была причиной его неприятностей. Я не могла допустить, что именно я отвергла его, а не наоборот, как я думала раньше. Дибс мой ребенок и я горжусь им. - Она испытующе посмотрела на меня.

- Вам было очень трудно осознать ваши чувства по отношению к Дибсу. Но ведь сейчас ваши чувства изменились, и вы приняли его, вы верите в него и гордитесь им.

Она энергично кивнула.

- Можно я покажу еще кое-что, что он умеет делать? Он умеет читать, писать, заучивать наизусть. И его рисунки бесподобны. Я хотела бы показать вам некоторые из его работ.

Она достала рулон бумаги, который принесла с собой. Она сняла с него резинку, раскатала его и протянула рисунки мне.

- Взгляните на них, - сказала она. - Обратите внимание на детали и на перспективу.

Я взглянула на рисунки. Действительно, не было похоже, чтобы их нарисовал ребенок шести лет. Объекты, которые он изображал, были прорисованы до мельчайших деталей. На одном рисунке он изобразил парк с холмом, вокруг которого вилась каменная лестница-серпантин. Перспектива действительно была великолепной.

- Да, - сказала я. - Рисунки очень необычные.

Она держала их на вытянутой руке перед собой и внимательно рассматривала. Потом она взглянула на меня с тревогой.

- Слишком необычные, - сказала она тихо. - Это и все эти странные способности беспокоят меня. Раньше я изводила себя мыслью, что он может оказаться шизофреником. И если это не так, то какова цена всех этих сверхъестественных

способностей? Сейчас я чувствую себя свободной от этого страха. Он стал вести себя нормально.

Его мать изучала медицину и знала, что ее диагноз мог оказаться верным. Ненормальное поведение, навязываемое Дибсу, держало его в стороне от остальных членов семьи, от детей и от взрослых, которых он встречал в школе. Когда ребенка заставляют доказывать его одаренность, результат часто оказывается катастрофическим. Ребенку нужна любовь, принятие и понимание. Он оказывается опустошенным, когда встречается с отказом, сомнениями и бесконечными проверками.

- Меня все еще смущают многие вещи, - сказала она. - Если у Дибса большие способности, то они не должны быть загублены. Его достижениями можно гордиться.

- Все эти достижения значат для вас очень много, не смотря на то, что вы все еще находитесь в замешательстве относительно его общего развития, не так ли? - спросила я.

- Да, - ответила она. - Его достижения очень важны для него. Так же как и для меня. Я помню его, когда ему было два года, он научился читать. Его отец подумал, что я сошла с ума, когда я сказала ему, что Дибс умеет читать. Он сказал, что двухлетки не могут читать, но я знала, что Дибс мог. Я научила его читать.

- Как он научился читать? - спросила я.

- Я дала ему два набора алфавита - такие большие вырезанные буквы. Я показывала ему каждую букву и говорила, какая это буква и как она звучит. Потом я разложила их в алфавитном порядке, а он сидел и разглядывал их. Потом я перемешала их и попросила его разложить буквы в том же порядке, в каком я разложила их до этого. Но он убежал из комнаты. Я опять разложила их в алфавитном порядке и поставила рядом вторую коробку с буквами. Я брала буквы из второго набора, сравнивала их с теми, которые были разложены по порядку, показывала ему, где они должны находиться, и опять называла каждую букву. Потом я снова перемешала буквы из второго набора и попросила Дибса разложить их. Он опять убежал из комнаты, и я ушла, зная, что он вернется посмотреть на них, если оставить его одного. Через какое-то время я опять проделала все то же самое. В третий раз, когда я оставила его одного, он разложил буквы в нужном порядке по образцу. И очень скоро он мог самостоятельно раскладывать буквы в алфавитном порядке.

Потом я принесла картинки, на которых были нарисованы самые разные вещи, и стала рассказывать, что изображено на каждой из них, составляла слова из вырезанных букв алфавита и объясняла их ему. Потом я читала эти слова по буквам. Скоро и Дибс научился делать это; он читал слова по буквам и к каждому слову подбирал нужную картинку. Но это и есть чтение. Потом я дала ему много книг со словами и картинками. Я давала ему небольшие книги с рассказами и читала их ему снова и снова. Я давала ему записи песенок, рассказов, стихов. Я всегда пробовала что-то новое. Он научился включать магнитофон. Он научился читать названия кассет. Я скажу: «Дай мне рассказ о маленьком поезде». Он пойдет искать среди своих кассет, возвращается с нужной пленкой и кладет ее на журнальный столик передо мной. И он всегда выбирал правильно. Что бы я ни попросила. Через некоторое время и его отец согласился с тем, что, похоже, Дибс умеет читать. Он сказал, что подумает о книгах для Дибса. Иногда отец сам читал ему. Он принесет домой что-нибудь и объяснит ему в деталях, что это такое. Потом оставит Дибсу, чтобы он мог изучить это позже, забрав в свою комнату. Потом мы занялись цифрами, и Дибс быстро их выучил. Он часто бормотал что-то про себя, и я чувствовала, что он разговаривает сам с собой. Но между нами не было никакого настоящего контакта. Поэтому я очень сильно беспокоилась за него. Ее голос было еле слышно. Она долго смотрела в окно. Я молчала. Картина ее жизни с Дибсом, которую она нарисовала, приводила в уныние. Действительно, было удивительно то, что ребенок сумел-таки сохранить свою целостность и восприимчивость. Давление, которому он подвергался, было достаточным, чтобы

вызвать у какого-нибудь другого ребенка защитную реакцию ухода. Она доказала себе, что Дибс способен решить задачу, поставленную ей. Но она чувствовала недостаток близких отношений со своим сыном. Подобный вид эксплуатации детских способностей наряду с отсутствием гармоничной эмоциональной жизни мог убить его.

- Мы послали его сестру в школу, которую содержит моя тетя, чтобы я могла направить все свои усилия на воспитание Дибса, - сказала она тихим голосом. - Я спрашиваю себя: «Почему? Почему даже сейчас все эти достижения так много для меня значат?» Он был еще младенцем, когда я начала принуждать его к самоутверждению ради моего спокойствия. И почему я не могла позволить ему быть просто ребенком? Моим ребенком! И радоваться за него. Я, помню, сказала вам, что Дибс отстранил меня. Почему? Почему я отказалась от моих собственных чувств? Почему я боялась быть эмоциональной? Почему я перенесла на Дибса те натянутые отношения, которые сложились между моим мужем и мной? Это случилось потому, что я считала, что женщина в роли матери не сможет заинтересовать и удержать такого блестящего мужчину, как он. А он никогда не хотел иметь детей. Мы старались уничтожить малейший признак того, что у нас существуют проблемы, делать вид, что все в порядке. Но нас снедало чувство вины, ощущение поражения и собственной несостоятельности, крушения надежд. Таковы были наши чувства, и мы не могли их вынести. Мы обвиняли во всем Дибса. Бедный маленький Дибс. Во всем, что между нами шло не так, мы винили его. Я сомневаюсь, сможем ли мы когда-нибудь ему это компенсировать.

- Вы испытали много беспокоящих и неприятных чувств, связанных с этими отношениями, - сказала я. - Вы назвали некоторые из них. Но вы говорили о тех чувствах, которые испытывали в прошлом. А что вы чувствуете сейчас?

- Мои чувства изменились, - сказала она медленно. - Мои чувства меняются. Я горжусь Дибсом. Я люблю его. Теперь ему не нужно самоутверждаться каждую минуту. Потому что он изменился. Ему пришлось измениться первому. Ему пришлось быть старше меня. И отец переменился в своем отношении к нему. Каждому из нас пришлось выстроить такую высокую стену вокруг себя - вокруг всех нас. Но только не Дибсу. Мне пришлось. Пришлось моему мужу. И если эти стены разрушаются, - а они разрушаются, - то все мы станем гораздо счастливее и ближе друг к другу.

- Отношения и чувства действительно меняются, - сказала я. - Я полагаю, вы узнали это на собственном опыте.

- Да. Слава Богу, я узнала, - ответила она.

Возможно, потому, что ее приняли такой, какой она была, и потому, что она не видела угрозы своим материнским чувствам, она могла копаться в своих самых глубинных ощущениях и возвращаться оттуда, интуитивно поняв что-то и осознав. Как часто ребенку отказывают в психологической помощи, если родители сами отказываются принять участие в терапии и получить помощь. Никто не знает, у скольких детей страдает из-за этого психика. В большинстве случаев было бы гораздо полезнее, если бы пришли родители и поработали бы над своей частью проблем в семейных отношениях. Но правда и то, что родители могут согласиться на терапию, но будут оказывать такое сопротивление, что достигнутые результаты будут невелики. Если они не готовы к такого рода опыту, это редко идет на пользу. Оборона человека, который чувствует угрозу, может быть непреодолимой. К счастью для Дибса, его родители были достаточно чувствительны к переменам в их ребенке. Они тоже изменились, понимая и признавая ценность его развития. Не только Дибс искал себя, то же происходило и с его родителями.

Глава 18

Когда мисс Джейн позвонила мне в понедельник, я почувствовала, что очень хочу услышать, что она расскажет о поведении Дибса в школе. Конечно, кое-что из того,

что я видела в игровой, могло проявляться и в школе. Она не стала держать меня в напряжении.

- Я рада, что могу сообщить вам, что мы видим в Дибсе большие перемены, - сказала она. - Это были постепенные изменения, но мы восхищаемся Дибсом. Он разговаривает с нами, отвечает на вопросы. Он даже иногда начинает разговор первым. Он счастлив, спокоен и проявляет интерес к другим детям. В большинстве случаев он говорит правильно, и только когда что-нибудь беспокоит его, он возвращается к сокращенной речи, которая была у него прежде. Он говорит о себе

«Я» в большинстве случаев. Хедда вне себя от радости. Мы действительно очень довольны им. Мы решили, что вам будет приятно это узнать.

- Конечно, я очень рада слышать это, - ответила я. - Не могли бы мы с вами встретиться в неформальной обстановке? Мне бы хотелось побольше узнать о переменах, произошедших в его поведении. Может, вы, Хедда и я где-нибудь позавтракаем на днях?

- Мне нравится эта идея, - ответила мисс Джейн. - И я знаю, что Хедде она тоже понравится. Мы перевели ее в группу, в которой учится Дибс, потому что нам кажется, что будет лучше, если она будет работать с Дибсом. Конечно, ей тоже хотелось быть с ним. И она во многом ему помогает.

На следующий день мы уже завтракали вместе и активно обсуждали Дибса.

Он очень медленно, с опаской выходил из своей вынужденной самоизоляции. Никто из нас не сомневался, что Дибс прекрасно осознавал все происходящее вокруг него. Наши догадки оказались верными - он слушал и запоминал, сидя под столом или спиной к группе, демонстрируя этим свою обособленность. Постепенно он стал сближаться с группой. Поначалу это были короткие ответы на вопросы, обращенные к нему. Затем он начал делать то же, что делали другие дети. Когда он входил утром в класс, он отвечал на приветствия. Здоровался, когда здоровались с ним. Он бережно снимал плащ и шапку и вешал их на свой крючок в раздевалке. Он приближался к другим детям постепенно, придвигая свой стул все ближе и ближе к остальным, чтобы послушать рассказы, музыку, разговоры с учителем. Время от времени он отвечал на вопросы. Воспитатель очень умело направлял группу таким образом, чтобы не акцентировать внимание на Дибсе, когда он принимал участие в разговорах. Но возможность поучаствовать в беседе у Дибса была всегда.

- У него уже так давно не было приступов дурного настроения, что мы забыли, что они были у него когда-то, - сказала Хедда. - Он улыбается другим детям и нам. Когда он впервые поучаствовал в каком-то групповом деле, он подошел ко мне, взял меня за руку и немного со мной поговорил. Я старалась быть очень осторожной и принимать ровно столько, сколько он хотел дать. Я никогда не торопила его. Я по-дружески признавала все то, что он делал или говорил, поощряя его делать все больше и больше. Конечно, сыграло роль еще и то, что другие дети были так заняты своими делами, что принимали все, что делал Дибс, без вопросов. Мало-помалу Дибс начал следовать указаниям, и вскоре научился выполнять любые требования и инструкции. Потом он стал подходить к мольберту и рисовать. Это было первое, что он начал делать в группе. Он сосредотачивался на своей работе так, как будто создавал шедевр.

Хедда засмеялась и достала свернутые в трубку рисунки. Показала нам:

- Он не художник. Но все же что-то у него получается.

Я взглянула на рисунки. Это были простые, типичные для шестилетнего ребенка рисунки. Примитивный дом. Деревья. Цветы. Цвета были чистыми и яркими. Но почему Дибс рисовал такие картинки, когда был способен на более сложные? Эти рисунки мог нарисовать любой ребенок его возраста. Это было необычно для ребенка, чьи домашние работы и рисунки настолько превосходили возможности детей его возраста.

- Я принесла и некоторые другие его работы, - сказала Хедда. - Вот несколько написанных им историй. Он знает алфавит и может написать несколько слов

печатными буквами. - Она передала мне несколько листков. Там было кое-как написано:
Я вижу кошку.
Я вижу собаку.
Я вижу тебя.

- У нас по всей комнате висят карточки с картинками и словами под ними, и дети пользуются ими, чтобы научиться писать слова. Когда кто-то хочет написать рассказ, мы помогаем ему. Некоторые дети уже начинают читать. Очень немногие из них читают хорошо. А теперь и Дибс стал принимать участие в чтении.

Я взглянула на слова, написанные Дибсом так неуклюже. Во мне боролись смешанные чувства. Эти простые рисунки. Эти простые фразы. Почему Дибс не использует свои способности? Или это только первые сигналы приспособления Дибса к группе сверстников?

- И он тоже читает со всеми, - продолжала Хедда с энтузиазмом. - Он подсаживается к нам и сидит рядом с другими детьми, сражаясь с непослушными словами. А когда очередь доходит до него, он начинает читать медленно, неуверенно, но обычно правильно. Я думаю, что он в состоянии читать лучше. Но он читает так же хорошо, как и другие дети в классе. И он очень старается.

Эти слова поставили меня в тупик. Все это могло означать несколько вещей. Безусловно, энтузиазм учителей был очень важен для реабилитации Дибса. Если бы я сказала им, что он умеет гораздо больше, чем все то, что они мне показали и рассказали, они почувствовали бы себя обескураженными. Их перестали бы удовлетворять его успехи. Дибс слишком долго жил в двух мирах, чтобы мы могли ожидать от него немедленной и полной интеграции.

Успехи Дибса во взаимодействии с другими людьми были сейчас самым важным фактором его развития. Речь не шла о его способностях. Не было ли приспособление Дибса к группе более важным для него самого, чем демонстрация умения читать, писать или рисовать? Всего того, что могло бы удивить других детей его класса? В чем преимущество высоких интеллектуальных достижений, если их нельзя конструктивно использовать во благо себе и другим?

- Так вы считаете, что Дибс добивается успехов в группе, - сказала я, и это прозвучало неубедительно, что обычно не свойственно мне.

- Он любит музыку, - сказала мисс Джейн.

- Он всегда самый первый в группе. Он знает все песни. Он играет в оркестре барабанщиком.

- Вам надо посмотреть, как он танцует,

- сказала Хедда. - Он пытается изображать слоненка, или обезьянку, или ветер. Всегда сам. Когда он начинает, то кажется неуклюжим, нескладным, но когда он входит в роль, он начинает двигаться красиво и ритмично. Мы не заставляем его делать что-нибудь. Мы рады любому маленькому шагу, который он делает. Мы видим, что ему очень нравится чувствовать себя членом группы. Я уверена в том, что отношение его матери к нему потрясающе изменилось. Когда она приводит его в школу или забирает после уроков, я вижу в ней больше понимания и принятия, чем когда-либо. Он берет ее за руку и идет с ней гораздо охотнее. Это очень интересный ребенок.

- Да, это очень интересный ребенок, - заметила я. - Он всеми силами пытается стать и самим собой, и членом своей группы.

- Наиболее заметные изменения произошли после дня его рождения. Мы всегда отмечаем в школе дни рождения наших воспитанников. Мы готовим праздничный пирог. Все садятся в круг и рассказывают разные истории. Потом вносят пирог с зажженными свечками. Дети поют «С днем рождения», и именинник задувает свечи. Пирог разрезают и раздают всем детям.

В тот день, когда мы объявили, что у Дибса день рождения, мы не знали, что он будет делать. Раньше он никогда не участвовал в праздниках, хотя мы отмечали его день рождения так же, как и дни рождения других детей. Когда наступило время садиться в круг, Дибс сел рядом со мной. И когда мы запели «С днем рождения», Дибс пел громче всех. Он пел: «С днем рождения, дорогой Дибс, с

днем рождения меня!» Потом, когда разрезали пирог, он раздал каждому по куску, и делал это с широкой улыбкой. Он повторял: «Это мой день рождения. Это мой день рождения. Сегодня мне исполнилось шесть лет».

Учителя радовались за Дибса. Радовалась и я. Но нужно было идти дальше. Дибсу нужно было научиться принимать себя таким, какой он есть, пользоваться своими способностями, а не отказываться от них. В общении и эмоциях он достиг новых для него горизонтов. Они стали базовыми для его общего развития. Я чувствовала уверенность в том, что способности, которые Дибс использовал в игровой и дома, рано или поздно проявятся и в других областях. Его интеллектуальные способности все время подвергались проверке. Они стали барьера и убежищем, где он прятался от мира, которого боялся. Он находился в изоляции. И если бы Дибс начал разговаривать, читать, писать, рисовать не так, как другие дети вокруг него, они стали бы избегать его из-за его непохожести.

Есть множество одаренных детей, которые развиваются очень однобоко и терпят неудачу в попытке построить отношения с окружающим миром. Сверхъестественные умственные способности создают серьезные проблемы индивидуального и социального приспособления. Необходимо учитывать все основные потребности ребенка и обеспечивать подходящие способы выражения высоких умственных способностей. Существуют специальные классы для одаренных детей, но поведение Дибса было еще недостаточно зрелым, подобный опыт пошел ему на пользу.

Дибс был глубоко погружен в поиски самого себя. Формирование доверия к своим внутренним ресурсам было для этого ребенка определяющим фактором. А пока атмосфера вокруг него должна была быть спокойной, оптимистичной и чуткой.

- На днях у нас в школе проводилась небольшая программа, - сказала Хедда с улыбкой. - Она проходила в комнате собраний для младших школьников. Мы не были уверены, готов ли Дибс к такого рода эксперименту, и оставили все исключительно на его усмотрение. На самом деле мы хотели, чтобы каждый ребенок из класса сам решил, участвовать ему или нет. Нужно было придумать и разыграть небольшую пьеску, самим придумать слова и музыку для сопровождения. И это всегда было по-разному. Каждый раз мы все планировали по-новому. Кто хочет быть деревом? Кто хочет быть ветром? Кто хочет быть солнышком? Вы знаете, как разыгрываются такие пьесы. А потом мы оставляли за группой решение, кто и когда представит свою пьесу зрителям.

Мы не знали, как Дибс примет это и что он будет делать. Мы часто проводим такого рода программы, и раньше он никогда в них не участвовал. На этот раз он подошел и высказал желание станцевать что-нибудь. Он станцевал один танец, к большому удовольствию других детей. Ему хотелось изображать ветер. Он прошелся, покачиваясь и дуя, по кругу, и все дети решили, что ему и нужно быть ветром в школьном выступлении. Дибс согласился. Он играл свою роль очень хорошо. Неожиданно посредине своего танца он решил запеть. Он придумал слова и мелодию. Он пел примерно так: «Я - ветер. Я дую. Я дую. Я поднимаюсь выше. Я поднимаюсь выше. Я взираюсь на холмы и передвигаю облака. Я сгибаю деревья и шевелю траву. Никто не может остановить ветер. Я - ветер, ветер - друг. Вы не можете меня видеть. Но я - ветер». Он не испытывал страха перед зрителями. Дети были удивлены и восхищены. Не нужно говорить, что мы были удивлены не меньше. Мы подумали, что теперь Дибс нашел себя и свое место в группе.

Конечно, Дибс стремился к этому, но я бы не сказала, что он уже нашел себя. Ему предстоял еще очень долгий путь. Его поиски самого себя были утомительным, трудным опытом, который постепенно приводил его к осознанию его чувств и отношений. Безусловно, было немало чувств, которые Дибс пока не мог извлечь из своего прошлого и выразить их в игре, чтобы научиться понимать и контролировать. Я надеялась, что в игровой ему представится случай, который поможет ему осознать и почувствовать свои эмоции таким образом, чтобы свою ненависть или страх он мог выразить открыто и с меньшей разрушающей силой.

Глава 19

Придя на следующее занятие, Дибс спросил, можем ли мы провести его в моем офисе.

- Я видел, что у тебя есть магнитофон, - сказал он. - Я могу на него что-нибудь записать.

Я не имела ничего против, и мы пошли в мой офис. Я вставила в магнитофон кассету и показала Дибсу, как им пользоваться. Он схватил микрофон и включил запись.

- Говорит Дибс, - сказал он. - Магнитофон, слушай меня. Ты слышишь и записываешь мой голос. Это говорю я, Дибс. Это я. - Он выключил его, перемотал кассету и вслушался в запись. Он усмехнулся. - Это мой голос. Я говорил, а он записал меня. Я сделаю запись, и она будет храниться у нас долго-долго. Она будет только для нас.

Он снова включил запись и начал говорить в микрофон. Он назвал свое полное имя, адрес и номер телефона. Потом он сказал, как зовут каждого из членов его семьи, включая бабушку.

- Я Дибс, и я хочу говорить, - добавил он. - Я в офисе вместе с мисс А, и еще здесь есть магнитофон, и я говорю сейчас в микрофон. Я хожу в школу. - Он назвал свою школу и адрес. - У меня в школе много учителей. - Он записал полное имя каждого учителя. - В моем классе много ребят и я назову их всех. - Он назвал имена всех своих одноклассников. - И - Маршмеллоу - это наш кролик, очень милый кролик, но его держат в клетке. Это очень плохо для бедного Маршмеллоу. Когда я в школе, я читаю, пишу и считаю. Ну, как я считаю? Один, два, три, четыре. - Цифры он называл медленно, с остановками. - Что идет после четырех? Я помогу тебе, Дибс. После четырех идет пять. Будет: один, два, три, четыре, пять! Ура! Какой ты молодец, что так хорошо считаешь! - Дибс захлопал в ладоши.

- Я слышу, кто-то вошел в дверь, - продолжал он. - Там очень шумно. Веди себя тихо. А, это папа. Почему ты хлопаешь дверью? Ты глупый, неаккуратный. Я не хочу тебя видеть, когда ты ведешь себя так. Меня не волнует, что ты хочешь. Ты пойдешь в свою комнату, и я закрою тебя там. И чтобы мы не слышали твоих криков, глупец!

Дибс остановил запись и отошел к окну.

- Хороший денек там, снаружи, - сказал он. - Мисс А, почему там всегда хороший день, когда я здесь?

- Он всегда кажется хорошим, когда ты приходишь сюда? - спросила я.

- Да. Даже когда за окном холодно и идет дождь, здесь всегда хороший день.

Он перемотал плёнку и опять прослушал ее с самого начала с серьезным выражением на лице. Он прослушал несколько раз «отцовские крики», а потом дослушал ее до конца. Выключил магнитофон.

- Папе не нравится, когда его отсылают в его комнату, - сказал он мне. - Ему не нравится, когда его называют глупым. - Он опять отошел к окну.

- Я вижу из этого окна несколько деревьев. Я могу сосчитать восемь деревьев или каких-нибудь частей от них. Хорошо, когда вокруг есть деревья. Они такие высокие и дружелюбные.

Он вернулся к магнитофону и снова включил его.

- Жил-был в одном большом доме мальчик со своими мамой, папой и сестрой. Однажды папа пришел домой и пошел в свой кабинет, а мальчик вошел к нему без стука и сказал: «Ты гадкий! Я ненавижу тебя! Я ненавижу тебя! Слышишь? Я ненавижу тебя!» И папа заплакал. «Пожалуйста, - сказал он. - Прости меня. Прости меня за все, что я сделал. Пожалуйста, не надо меня ненавидеть!» Но маленький мальчик сказал ему: «Я накажу тебя, глупца. Я не хочу больше, чтобы ты был здесь. Я хочу избавиться от тебя».

Он остановил запись и подошел ко мне.

- Это только фантазии, - сказал он. - Я просто придумываю рассказ про папу. Я сделал для него альбом. И перевязал его красной лентой. Еще я слепил из глины пепельницу, обжег ее в печи, расписал ее и тоже подарил папе.

- Ты подарил папе подарки? А эта история просто выдуманная? - спросила я.

- Да. Но я хочу послушать ее опять.

Он опять прокрутил плёнку. В конце он добавил:

- Говорят Дибс. Я ненавижу своего отца. Он плохо ко мне относится. Он не любит меня. Он не хочет, чтобы я находился рядом. Я скажу вам, кто он на самом деле, и вы будете осторегаться его. Он гадкий, очень, очень гадкий человек. - Он опять назвал полное имя отца и адрес. - Он ученый, - продолжал Дибс. - Он очень занятой человек. Он хочет, чтобы вокруг всегда была тишина и его никто не беспокоил. Он не любит этого мальчика. А мальчик не любит его. - Он выключил магнитофон и подошел ко мне.

- Теперь он уже не относится ко мне плохо, - сказал он. - Но такое было. Может, я даже нравлюсь ему теперь. - Он вернулся к магнитофону. - Я ненавижу тебя, папа! - крикнул он. - Я ненавижу тебя! Если ты запрещь меня еще раз, я убью тебя! Я все равно убью тебя! За все те гадкие вещи, которые ты делал мне!

Он перемотал плёнку, вытащил кассету и протянул мне.

- Спрячь ее куда-нибудь, - попросил он. - Положи ее в коробку, спрячь и сохрани ее только для нас.

- Хорошо. Я спрячу ее и буду хранить только для нас, - сказала я ему.

- Я хочу пойти в игровую, - сказал он. - Мы разделились с этим, раз и навсегда.

Мы пришли в игротеку, и Дибс прыгнул в песочницу и начал рыть большую яму. Потом он подошел к кукольному домику и взял куклу-отца.

- Тебе есть что сказать? - требовательно спросил он. - Ты сожалеешь обо всех гадких и злых словах, которые ты говорил? - Он сильно потряс куклу, швырнул ее в песочницу и ударил совком. - Я сделаю тюрьму и закрою дверь большим замком, - сказал он. - Ты пожалеешь обо всех гадостях, сделанных тобой.

Он взял доску и стал с ее помощью выравнивать яму, - он строил тюрьму для куклы. Он делал это быстро и умело.

- Пожалуйста, не делай этого, - кричал он за куклу-отца. - Прости, что я обижал тебя. Пожалуйста, дай мне шанс.

- Я накажу тебя за все, что ты когда-либо сделал! - крикнул Дибс. Он положил куклу в яму и подошел ко мне.

- Раньше я боялся папу, - сказал он. - Он поступал со мной очень плохо.

- Раньше ты боялся его? - спросила я.

- Теперь он не поступает со мной плохо,

- сказал Дибс. - Но я все равно собираюсь наказать его!

- Даже несмотря на то, что он не поступает с тобой плохо, ты хочешь его наказать? - спросила я.

- Да, - ответил Дибс. - Я накажу его. Он вернулся к песочнице и возобновил постройку тюрьмы. Он положил туда куклу, накрыл ее сверху доской и засыпал песком.

- Кто о тебе позаботится? - крикнул он. Потом посмотрел на меня. - Это отец, он извиняется, - сказал он. Кто будет покупать тебе вещи и заботиться о тебе? Я твой отец! Пожалуйста, не обижай меня. Я сожалею обо всем, что когда-либо сделал тебе! О, я так сожалею. Пожалуйста, Дибс, прости меня! Мне так жаль! - Он продолжал засыпать яму песком, и вскоре кукла-отец была погребена в своей тюрьме.

Дибс подошел ко мне, взял мою руку и положил себе на пояс.

- Он мой отец, - сказал он. - Он заботится обо мне. Но я наказываю его за все то, что он сделал. За то, что делало меня несчастным.

- Ты наказываешь его за все, что он причинил тебе, за то, что делало тебя таким несчастным? - спросила я.

Дибс подошел к кукольному дому и взял в руки куклу-мальчика.

- Мальчик слышит, как папа зовет его на помощь, и бежит к нему, чтобы помочь ему выбраться, - сказал он. Потом прыгнул обратно в песочницу с куклой. -

Видишь, это Дибс, - сказал он, показывая мне куклу. - И он идет в эту огромную пустыню и ищет гору, в которой закопан его отец, и маленький мальчик начинает копать. Он копает и копает.

Дибс поднял совок и стал раскапывать «тюрьму». Он поднял доску и заглянул в яму.

- Вот! Он здесь! - объявил Дибс. - И он очень сожалеет обо всем, что он когда-либо сделал. Он сказал: «Я люблю тебя, Дибс. Пожалуйста, помоги мне. Ты мне нужен». Тогда маленький мальчик открыл тюрьму и выпустил своего отца, -- Дибс осторожно достал куклу-отца. Он подержал куклу-отца и куклу-мальчика в руках, внимательно их разглядывая. Потом отнес их обратно в кукольный дом и усадил их на скамеечке.

309

Дибс отряхнулся от песка, подошел к окну и стал молча смотреть в него.

- Мальчик спас своего отца, и отец сожалел обо всем, что сделал, - сказала я. - Он сказал, что любит Дибса и нуждается в нем.

Дибс повернулся ко мне, он улыбался уголками рта.

- Я говорил сегодня с папой, - сказал он тихо.

- Правда? О чём же вы говорили? - спросила я.

- Он сидел в столовой, пил кофе и читал утреннюю газету. Я подошел прямо к нему и сказал: «Доброе утро, папа. Желаю тебе хорошего дня». Он опустил газету и сказал мне: «Доброе утро, Дибс. И я желаю тебе хорошего дня». И правда, у меня был хороший день.

Он, улыбаясь, прошелся по игротеке.

- Папа возил нас в воскресенье на машине на пляж. Мы вышли на Лонг Айленд, и я увидел океан. Мы с папой дошли до кромки воды, и он рассказал мне все об океане: о приливах и отливах, о течениях, о разнице между океанами, озерами, реками, ручьями и прудами. Потом я стал строить замок из песка, а он спросил, может ли он мне помочь, а я дал ему свой совок, и мы строили замок по очереди. Я зашел в воду, она была очень холодной, и я не смог долго ходить по воде. Потом мы устроили пикник. Это было счастливое время, и мама улыбалась и улыбалась.

- Ты хорошо провел время со своим отцом и матерью, - заметила я.

- Да, - подтвердил Дибс. - Это было здорово. Такая поездка на пляж и обратно! И не было никаких злых слов. Ни одного.

- И не было никаких злых слов, - заметила я.

Он подошел к песочнице и присел на бортик.

- Вот где я сделал тюрьму для него, запер его и закопал его в песок. Я спрашиваю себя, почему я должен был выпустить его из тюрьмы и освободить. И тогда я отвечаю себе - просто, чтобы он был. Просто, чтобы он был свободным.

- Значит, ты решил, что он должен быть свободным?

- Да. Я не хочу, чтобы он оставался запертым и закопанным. Я просто хотел преподать ему урок.

- Я поняла. Ты просто хотел преподать ему урок, - прокомментировала я.

Дибс улыбнулся.

- Сегодня я разговаривал с папой, - сказал он, улыбаясь спокойно и счастливо.

Интересно, что мщение и ненависть Дибса были выражены более открыто, прямо и полно только после того, как его отношения с отцом стали более безопасными. Радостно слышать, что у него появился удовлетворительный опыт общения с отцом, который не только сообщил ему массу информации об океанах и течениях, но взял совок и строил вместе со своим сыном песчаный замок.

Глава 20

- Я опять здесь! - воскликнул Дибс, входя в приемную в следующий четверг. - Осталось совсем немного встреч до того, как мы уедем на лето.

- Да. Около трех встреч, включая сегодняшнюю, - сказала я. - Потом у нас обоих будут каникулы.
- Мы едем на остров, - сказал Дибс. - Я думаю, что мне понравятся мои каникулы в этом году. И бабушка планирует провести это лето с нами. Мне нравится эта идея. Он обошел игровую. Потом взял куклу.
- О, это сестра, - воскликнул он так, как будто никогда не видел этой куклы. - Разве она не отродье? Я хочу избавиться от нее. Я дам ей вкусный рисовый пудинг, только положу в него яд и отравлю ее, и она уйдет навсегда и никогда не вернется.
- Ты хочешь избавиться от сестры? - заметила я.
- Иногда она кричит, царапается и обижает меня, и я боюсь ее. Иногда я бью и царапаю ее. Но она не часто бывает дома. Хотя очень скоро она приедет домой и останется с нами на лето. Ей сейчас пять лет.
- Иногда вы оба бьете и царапаете друг друга, а?
- Да, - сказал Дибс. - Но она не часто бывает дома. Она была дома в прошлые выходные.
- Ну и как все прошло? - спросила я.
- Ну, - Дибс пожал плечами. - Я не придал этому значения. Иногда мы с ней играли. Но я не разрешал ей заходить в мою комнату. У меня там слишком много сокровищ. А она пытается их схватить, вырвать из рук и порвать. Потом мы деремся. Но теперь не очень много. Она собирается приехать к нам жить в следующем году. Она пойдет в ту же школу, в какую я буду ходить в следующем году.
- И что ты думаешь по этому поводу? - спросила я.
- Ну, мне все равно, - сказал Дибс. - Я думаю, что буду рад тому, что она приедет домой. Она, должно быть, очень одинока в школе. Она была в школе, которую держит моя тетя. Но все думают, что ей лучше приехать домой.
- И ты рад, что она приедет жить домой?
- Да. Я правда рад, - ответил Дибс. - Она больше не доставляет мне такие неприятности, как раньше. Когда я играю с моими кубиками, поездами, машинами и строительным набором, она иногда приходит и играет вместе со мной. Она подает мне кубик или какую-нибудь деталь из набора. Теперь она уже не пытается сломать все, что я построил. Теперь я иногда играю с ней. В воскресенье я читал ей рассказ. Это была новая книга, которую папа принес домой. Это был рассказ об электричестве. Она сказала, что книга не очень интересная, но я думаю, что интересная. Мне кажется, это был замечательный рассказ. Папа сказал, что он был в книжном магазине, увидел эту новую детскую книгу и подумал, что мне она понравится. Мне она действительно понравилась.
- Он подошел к столу, взял немного глины и стал мять в руках.
- Очень скоро наступит лето, - сказал он.
- Я буду ходить на пляж и загорать. Но сначала я должен сделать кое-что.
- Он пошел к мольберту, взял баночку с краской и стакан. Налил немного краски в стакан и добавил немножко воды, размешал это медленно и осторожно. Потом он добавил в стакан другую краску и опять тщательно размешал.
- Это яд для сестры, - сказал он. - Она подумает, что это сок, выпьет его, и тут ей придет конец.
- Значит, это яд для сестры, и после того, как она его съест, она умрет?
- Дибс кивнул головой. Потом посмотрел на меня.
- Я не буду давать ей яд сейчас, - сказал он. - Я подожду и обдумаю это еще раз.
- Он пошел к кукольному домику и взял куклу-маму.
- Что ты сделала для мальчика? - требовательно спросил он у куклы. - Что ты сделала для него? Ты глупая, и я говорю тебе это снова, и снова, и снова. Разве тебе не стыдно? - Он отнес куклу к песочнице. - Ты построишь мне гору! - приказал он. - Оставайся здесь, строй гору и делай это хорошо. Мальчик останется наблюдать за тем, чтобы ты все сделала правильно. Будь осторожной, потому что я все время наблюдаю за тобой. «О, Боже! О, Боже! Почему он такой? Чем я это заслужила?» Ты построишь эту гору, и не говори мне, что ты не можешь этого

сделать. Я покажу тебе, как это делается. Я буду показывать тебе снова, и снова, и снова. И ты должна будешь сделать это!

Он бросил куклу в песок и отошел к окну.

- Это слишком трудно, - сказал он. - Никто не может построить гору. Но я заставил ее делать это. Ей придется построить гору и сделать это хорошо. Есть и правильный, и неправильный способ действия. И ты сделаешь это правильно! - прикрикнул он на куклу.

Он побрел к столу и взял детскую бутылочку. Он долго сосал из нее и торжественно смотрел на меня.

- Я просто маленький ребенок, - сказал он. - Я ничего не умею делать. Кто-нибудь позаботится обо мне, и я буду ребенком. Ребенку не нужно бояться. Бабушка позаботится о маленьким.

Он поставил бутылку на стол перед собой.

- Мама не может построить гору, - сказал он тихо. - И дети не могут построить гору. Никто не может построить гору.

- Мама не может? И дети не могут? Тебе кажется, что это чересчур сложно? - спросила я.

- Большая буря может прийти и всех сдусть, - сказал он.

- Правда?

- Только я не хочу, чтобы это произошло, - сказал Дибс тихо. - Я не хочу, чтобы кого-нибудь сдуло.

- Я понимаю.

- Почему ты не строишь гору? - опять закричал Дибс. - Почему ты не делаешь того, что тебе было сказано? Раз ты кричишь и плачешь, я запру тебя в твоей комнате. - Он посмотрел на меня. - Она пытается и пытается, и пытается. Она боится, потому что не любит, когда ее запирают в ее комнате. Она зовет меня на помощь. - Он стоял в песочнице и смотрел на куклу сверху вниз.

- Она пытается построить гору, и она боится, потому что не любит, когда ее запирают в ее комнате. Она просит у тебя помощи, - прокомментировала я.

- Да, - тихо сказал Дибс. - Он пошел за куклой, которая играла у него роль сестры, и сжал ее в руках. - Тебе было страшно, бедная маленькая сестренка? - спросил он мягко. - Я позабочусь о тебе. Я дам тебе свою бутылочку, и это успокоит тебя. - Он поднес бутылку к губам куклы и стал нежно укачивать ее. - Бедная маленькая сестренка. Я позабочусь о тебе. Я разрешу тебе быть со мной. Никто теперь не будет обижать тебя.

Он отнес куклу в игрушечную кровать, осторожно положил ее и укрыл, но бутылочку забрал с собой. Подошел к столу, продолжая сосать соску.

- Ты будешь помогать сестре, - заметила я.

- Да, - ответил он. - Я буду заботиться о ней. - Потом он долго молчал.

- Две наших рыбки в школе сегодня умерли, - сказал он. - Мы не знаем, что с ними случилось. Хедда сказала, что они уже были мертвые сегодня утром.

- Это правда? - спросила я.

- Я сделал сегодня в школе альбом для мамы, - сказал он. - Она любит цветы, и поэтому я вырезал цветы из каталога семян. Я наклеил их на цветную бумагу и написал печатными буквами названия цветов под каждой картинкой. Потом я сшил страницы вместе зеленой ниткой.

- Это интересно. И что ты с ним сделал потом?

- Он еще в школе, - сказал Дибс. - Я еще собираюсь сделать что-нибудь для папы. И еще я стараюсь придумать что-нибудь для Дороти. Тогда у меня для каждого что-нибудь будет. И я все заберу домой.

- Значит, ты планируешь сделать подарок каждому из них?

- Это мой план, - сказал Дибс. - Только я не могу решить, что сделать для моей сестры. Для папы я делаю пресс-папье.

- Ты хочешь сделать что-нибудь для каждого из членов твоей семьи?

- Да. Я не хочу оставлять кого-то без подарка, - сказал он. - Я дам моей бабушке маленькую веточку от моего любимого старого дерева.

- Бабушке это должно понравиться.

- Ей понравится. Это одно из моих сокровищ, - сказал Дибс.

Он пошел обратно к песочнице.

- Мама! - закричал он. - Что ты делаешь здесь одна? Тебе не нужно строить гору. Иди сюда. Я помогу тебе. - Он нежно убаюкивал куклу на руках. Подошел ко мне. - Раньше она плакала, - сказал он очень тихо. - В ее глазах стояли слезы, и они текли по ее щекам, и она плакала. Я думаю, она была опечалена.

- Возможно, она была опечалена, - сказала я.

- Я посажу ее обратно в дом, к ее семье, - объявил он. - Я посажу их всех вокруг обеденного стола, где они смогут быть вместе.

Я смотрела, как бережно он усаживает кукольную семью вокруг стола в кукольном домике. Он стоял на коленях перед домиком и пел им что-то нежное.

- «Мы собрались, чтобы испросить божественного благословения». - Слова внезапно оборвались. - Нет. Я не могу петь эту песню,

- сказал он. - Это только для бабушки. Это

- не набожные люди.

Он пошел к мольберту и сделал на бумаге несколько ярких, красочных клякс.

- Это означает радость, - сказал он. Он водил кистью с яркой краской по рисунку.

- Все цвета радостные, и они все вместе, симпатичные и дружные. После сегодняшнего дня останется только два четверга, - сказал он.

- Да. Еще два, а потом летние каникулы. Возможно, ты сможешь прийти как-нибудь и осенью, если тебе захочется, - сказала я.

- Я буду скучать по тебе, - сказал он. - Я буду скучать по нашим встречам. А ты будешь скучать по мне?

- Да, я буду скучать по тебе, Дибс.

Он осторожно взял мою руку и улыбнулся.

- Мы оба уедем отсюда на лето, - сказал он.

- Да, мы уедем.

- Это замечательная комната, - сказал он. - Это счастливая комната.

Иногда эта комната была счастливой для Дибса, но здесь у него также были и печальные моменты, когда он раскрывал свои чувства, проживая прошлый опыт, который очень глубоко его обидел.

Дибс стоял напротив меня, голова его была высоко поднята. Чувство безопасности поселилось теперь в самой глубине его сердца. Он воспитывал в себе чувство ответственности. Его чувства ненависти и мести сменились прощением. Дибс строил общее представление о себе, когда он ощупывал спутанные заросли своих противоречивых чувств. Он мог ненавидеть, но он мог и любить. Он мог осуждать и мог прощать. Он узнал на собственном опыте, что чувства могут меняться, теряя свои четкие границы, а иногда выворачиваться наизнанку. Он научился ответственности и контролю над своими чувствами. Благодаря увеличивающимся знаниям о самом себе он сможет стать свободнее, чтобы использовать свои способности и эмоции более конструктивно.

Глава 21

У меня был набор для тестирования, содержащий множество вопросов об окружающем мире, и когда Дибс пришел на следующей неделе, тест уже лежал в игровой. Материалы теста содержали множество маленьких фигурок людей, животных, зданий, деревьев, живых изгородей, машин, самолетов и прочего, прорисованных до мельчайших деталей. Тест был сконструирован как персональный, но я не собиралась использовать его с Дибсом по этому назначению. Я думала, что ему будут интересны маленькие фигурки, и если он выберет их, его игра сама по себе будет достаточно интересной. Я не собиралась предлагать ему этот тест или делать что-либо, чтобы направить его деятельность. Этот тест был здесь, чтобы быть использованным, если Дибс захочет этого.

Он немедленно заметил чемодан, в котором находился стимульный материал теста, и быстро открыл его.

- У нас здесь что-то новенькое, - закричал он. - О, посмотри на эти маленькие штучки. - Он быстро разобрался в материалах. - Здесь маленькие люди, и здания, и животные. Что это такое?

- С помощью этого ты можешь построить весь мир, если тебе захочется, - сказала я. - Вот эту карту можно расстелить на полу, а эти голубые полоски - для рек.

- Ух, ты! Вот это да! Это так интересно! - воскликнул он. - Это может быть игрушечный город. Я могу построить так, как захочу.

- Да. Можешь.

Дибс расстелил карту и сел рядом с коробкой. Он внимательно рассортировал фигурки. Он отобрал церковь, дом, грузовик.

- Я буду строить свой мир, - сказал он счастливо. - Мне нравятся эти маленькие дома, люди и вообще все. Я буду рассказывать тебе историю, пока я буду строить, а ты будешь смотреть.

Он взял маленькую белую церковь.

- Это церковь, большая белая церковь. Церковь для Бога и для маленьких людей. А это город.

Он взял дома, грузовики, машины.

- Эти вещи - дома и грузовики, они полны шума. Это шум города. - Он стал выкладывать улицы. - Дома идут один за другим. Это целый город. А это небольшая, тихая уличка на окраине. Вот дорога, ведущая в аэропорт. Она проходит близко от воды. Я поставлю самолеты сюда, в аэропорт. Вот здесь, на воде, я поставлю эти маленькие лодочки. О! Смотри! Здесь есть уличные знаки! Вот Вторая авеню, и в Нью-Йорке есть Вторая авеню! А вот знак, запрещающий движение! - Дибс был поглощен построением своего собственного мира. - Вот «стоп», а вот знак «путь открыт». Вот заграждение, а вот живая изгородь. А этот самолет летает вокруг. - Самолет стремительно взлетел в воздух.

- Лодка здесь, на реке. Она плывет вверх и вниз по реке. Здесь три самолета в аэропорту. А здесь гостиница. Так, куда я поставлю гостиницу? Я поставлю ее сюда, и прямо перед ней я поставлю газетный киоск. Теперь я поставлю сюда еще несколько домов. Сюда - магазины. Потому что у людей должны быть магазины. Где они? Вот они. А сюда - больницу и гараж. Здесь есть все, что мне нужно, чтобы построить мой мир, - сказал Дибс.

- Похоже на то, - заметила я.

- Эта больница - большое здание. Я поставлю ее сюда, на Первую авеню. Об этом говорит этот дорожный знак. Да. Здесь будет больница. Для больных людей. Она пахнет болезнью и лекарствами, и это грустное место. Вот очень симпатичный дом на южной стороне улицы. Это большой, шумный город, и ему нужен парк. Прямо здесь я сделаю парк. Я поставлю сюда деревья и кусты. Вот школа. Нет, - он положил школу обратно в коробку. - Здесь еще один дом. Все эти дома стоят близко друг к другу, и в них живут люди. Они соседи, и они дружат между собой. Теперь я сделаю ограждение вокруг аэропорта. Я сделаю это в целях безопасности. А теперь живые изгороди. - Он достал резиновые зеленые изгороди.

- Это все растения. Изгороди и деревья. Много деревьев. Все в ряд вдоль улицы. Все деревья с листьями. В городе лето.

Он сел на пятки и посмотрел на меня. Вытянул руки и улыбнулся.

- Любимое лиственное летнее время! А теперь вот здесь, за городом, будет ферма. Я поставлю сюда несколько коров, - он поставил коров одну за другой. - Они все идут в амбар. Они все выстроились в очередь, потому что хотят, чтобы их подоили. - Он склонился над коробкой и выбрал еще несколько фигурок.

- Теперь - люди, - крикнул он. - Городу нужны люди. Вот почтальон. - Он вытянул руку с фигуркой, чтобы я посмотрела. - У него сумка, полная писем, и, видишь, он ходит по городу и останавливается у каждого дома. Для каждого есть письмо. И для Дибса - даже для Дибса есть письмо. Потом он идет сюда, в больницу - больным и обиженным людям он тоже несет почту. И когда они получают письма, в душе они улыбаются. Грузовик едет в аэропорт. Эта ограда - чтобы самолеты

оставались в аэропорту, тогда они не смогут выкатиться и покалечить людей. А этот самолет поднимается в воздух. Смотри! Он летит над городом! Большой самолет делает дырки в облаках, через которые просвечивает синее небо. Вот фермер вышел посмотреть... - Дибс бросил свою игру и некоторое время сидел молча, смотря на мир, который он построил. Он вздохнул. Потом достал из коробки еще несколько фигур.

- Вот дети со своей мамой, - сказал он - Они живут вместе на ферме в дружно] доме. Здесь несколько ягнят и цыплят. Во мама идет вдоль дороги, вдоль улицы в город Интересно, куда она идет? Может быть, он идет к мяснику за мясом. Нет. Она шла всё дальше и дальше по улице до тех пор, пока не оказалась у больницы. Интересно, почем она остановилась здесь, рядом с больницей

- Мне тоже интересно, - сказала я. Дибс сидел неподвижно и смотрел и фигурку матери очень долго.

- Ну, - наконец сказал он, - она здесь, и она прямо напротив больницы. Здесь много машин на улице и пожарная машина. Все должны освобождать дорогу для пожарной машины. - Он поиграл с машинками, изображая звук моторов.

- А где же дети? О, вот один ребенок. Он идет к реке один. Бедный маленький ребенок, он совсем один. А в этой реке плавает крокодил. А еще здесь большая змея. Змея иногда живут в воде. Мальчик подходит во ближе и ближе к реке. Все ближе к опасности.

Опять Дибс остановился и посмотрел на свой мир. Он вдруг улыбнулся.

- Я - строитель городов, - сказал он. - Вот кухарка выбрасывает мусор. Эта женщина идет в магазин. А эта женщина идет в церковь петь, потому что она хорошая женщина. - Он поставил еще одного ребенка рядом с тем, который стоял на берегу реки. - Ребенок идет вслед за мальчиком, - объяснил он. - Мальчик ходит по воде у берега и не знает о крокодиле и о змее. Но второй мальчик был его другом, и он крикнул и предупредил об опасности. Он сказал, что надо залезть в лодку. Мальчик залез в лодку. Видишь? В лодке безопасно. Оба мальчика залезли в лодку - они друзья. - Он поставил обе фигурки в лодку.

- Вот полицейский, регулирующий движение. Это для общего блага. - Он расставил по городу еще несколько дорожных знаков. - По некоторым улицам можно ехать и в одну, и в другую сторону, а по этим - только в одну. И эти улицы называются «улицы с односторонним движением». - Дибс достал из коробки школу. - На ней написано «Школа номер один». У нас должна быть школа. У детей должна быть школа, чтобы они ходили туда. - Он засмеялся. - Если есть школа, значит, они могут стать образованными. Этот ребенок - эта маленькая девочка - останется дома. Она останется дома со своей мамой, со своим папой и со своим братом. Они хотят, чтобы она была дома, поэтому ей не будет одиноко. - Из оставшихся фигурок он отобрал все маленькие фигурки людей и расставил их по всему построенному им миру. Он создал мир, наполненный людьми.

- Это дом, - сказал он, указывая на один из домов. - Здесь большое дерево на заднем дворе. Это особенное дерево. А этот мужчина идет по улице. Он идет домой. Это отец.

Дибс встал и пошел к стене, на которой висела мишень для дротиков, и с силой бросил несколько дротиков.

- У меня есть новая игрушка, - сказал он. - У меня есть город с домами, людьми и животными. Я строю город - большой, многолюдный город, сжатый как Нью-Йорк. Вот в этой конторе кто-то постоянно печатает на машинке.

Он вернулся к городу и сел на пол рядом с ним.

- По этой улице едет мусоровоз, а на светофоре горит красный. Но полицейский увидел мусоровоз и переключил светофор на зеленый. И теперь счастливый мусоровоз продолжает свой путь. Собака переходит улицу, и полицейский переключает светофор, чтобы собаке не пришлось ждать. И счастливая собака идет дальше. Красный. Зеленый. Красный. Зеленый. Я расскажу тебе, какая в этом городе жизнь. Все движется. Люди приходят и уходят. Дома, церкви, машины, люди, животные и магазины. А для животных - прохладная зеленая ферма.

Вдруг он взял пожарную машину и поставил ее посреди улицы.

- Пожарная машина включила сирену, потому что горит дом, а люди не могут выйти. Вот пожарная машина приезжает и заливает все водой. Они испуганы, но они спасены.

Дибс тихонько вздохнул про себя.

- Почему, Дибс? Это был твой отец? И это была твоя мама.

Он пошел к столу, сел на стул и посмотрел на меня.

- Папа все еще очень, очень занятой, - сказал он. - Доктор Билл приходил осмотреть маму на днях. Они были хорошими друзьями. Он оставался долго, и они с мамочкой разговаривали. Доктору Биллу нравится моя мамочка. Доктор Билл сказал, что со мной все в порядке.

- Правда?

- Угу. Он сказал, что я вне опасности. Что он имел в виду? Когда я сегодня направлялся сюда, мне нужно было зайти в парикмахерскую и постричь волосы. Раньше я всегда кричал, пока меня стригли, а теперь нет. Я помню, однажды я укусил парикмахера.

- Ты укусил парикмахера?

- Угу. Я боялся, но теперь я больше не боюсь.

- Так ты больше не боишься?

- Наверное, я становлюсь взрослым, - сказал Дибс. - Но я должен достроить мой город. Я собираюсь поставить вокруг все деревья и кусты, чтобы сделать город красивым. Это очень оживленные улицы. Я поставлю всех людей по городу. Вот такси стоит на площади перед вокзалом. Люди ходят друг к другу в гости, и все рады видеть друг друга. Вот почтальон. Видишь, он обошел все улицы, и всем принес почту: письма для всех людей. Вот папа едет домой, но ему пришлось остановиться на светофоре, потому что горит красный. Папа остановился и не может ехать до тех пор, пока не загорится зеленый, но красный горит все время, и папа не может ехать. Вокруг много деревьев. Посмотри на мой город. Городам нужны деревья, потому что они дают такую добрую тень. Посмотри на мой город. Мой мир! Я построил свой мир, и в этом мире много добрых людей.

Подошло время уходить. Дибс оглянулся на мир, который он построил, - мир, в котором много добрых людей. Но папа так и стоял со своим грузовиком на светофоре, который не давал ему ехать домой. Когда он уходил из игротеки, на его губах играла легкая улыбка от того, что он оставил папу неподвижным в этом мире добрых людей.

Дибс построил хорошо организованный мир, в котором было много людей и действий. Его проект, сложный, как в целом, так и в деталях, демонстрировал высокие умственные способности. Здесь была цель, целостность и творческий замысел. Привлекательные маленькие фигурки заинтриговали его. Он построил хорошо развитый, полный смысла мир. Он выразил враждебные чувства, направленные прямо на образы отца и матери. Но здесь выразилось и осознание ответственности. Дибс становился взрослым.

Глава 22

Когда Дибс пришел на последнюю встречу перед летними каникулами, он спросил, может ли он провести часть времени в офисе. Он сел за мой стол и очень серьезно и внимательно на меня посмотрел.

- Это мой последний четверг, - сказал он.

- Да. Это так.

- Я уеду на лето. Мы будем на взморье. Там, за городом, будет много деревьев, но ни одного деревца на пляже. Вода такая синяя. Мне там нравится. Но я буду скучать по приходам сюда. Я буду скучать по тебе, - сказал он.

- И я буду скучать по тебе, Дибс. Я очень рада, что мы с тобой познакомились.

- Я хочу посмотреть, есть ли в твоей картотеке карточка с моим именем.

- Посмотри.

Он посмотрел. Карточка с его именем была там.

- Ты будешь хранить ее всегда? - спросил он. - Ты всегда будешь помнить меня?
- Да, Дибс. Я всегда буду помнить тебя.
- У тебя есть кассета, которую я записал?
- Да. Я храню ее.
- Дай мне взглянуть на нее еще раз.

Я достала кассету из металлического шкафа и протянула ему. На ней было написано его имя.

- Ты был записан, Дибс, - сказал он. - Ты заставишь эту пленку заговорить. Эта пленка схватила и держит мой голос. На этой пленке мой голос.

- Да. Это та запись, которую ты сделал.

- Могу я записать на нее еще несколько слов? - спросил он.

- Если хочешь.

- Я хочу. Мой голос останется на этой пленке. Мне нравится магнитофон.

Он поставил кассету и прослушал ту часть, которую записал раньше. Потом он включил запись.

- Это мой последний приход в игровую, - сказал он в микрофон. - Говорит Дибс. Это мой голос. Я пришел в игротеку. Здесь, в игротеке, я много чего сделал. Я - Дибс. -

Последовала долгая пауза. - Я - Дибс, - повторил он медленно. - Может, осенью я вернусь сюда навестить вас. Может, всего только раз, после лета. Я собираюсь уезжать на лето, и я буду рядом с океаном. Я буду слушать волны. Я буду играть в песке.

Последовала еще одна долгая пауза. Потом он выключил магнитофон.

- Давай пойдем в игротеку, - сказал он. - Я хочу опять поиграть с тем набором.

Мы пошли в игротеку. Дибс достал материалы и начал опять строить город. Он быстро расставил дома и деревья. Остальные фигурки он расставил по всему городу. Потом он отобрал четыре здания и поставил их с большой осторожностью.

- Видишь эти два дома? - спросил он. - Это дом. И это дом. Это - тюрьма, а это здание - больница. - Он поставил еще два здания рядом. - Это твой дом, а это мой дом, - сказал он, указывая на них. - Мой - белый с зеленым. Здесь вокруг деревьев, цветы и поющие птицы. А все двери и окна широко открыты. Ты живешь в следующем доме. У тебя тоже замечательный дом. И вокруг твоего дома деревьев, цветы и поющие птицы. Здесь нет ни забора, ни изгороди между нашими домами.
- Он поиском среди фигурок и достал малюсенькую церковь. Он поставил ее сзади домов.

- Здесь церковь, - сказал он. - Она позади моего дома. - Он подвинул ее немного, чтобы она оказалась на одинаковом расстоянии от наших домов. - Она между нашими домами. У нас общая церковь. У нас общий колокольный звон. И мы оба слушаем церковную музыку. А вот здесь тюрьма. Она напротив моего дома. А здесь - школа. Видишь, мы делим церковь, и мы делим школу, но тюрьма - только моя, Тебе нечего делать с тюрьмой. А мне есть что. А здесь, на моем заднем дворе, растет большой конский каштан. Сейчас лето и здесь так много деревьев - прохладных, зеленых, покрытых листьями, чтобы ветру было что качать. - Он вытянул руки в стороны, как ветки, и легко покачался под ветерком, который он себе представил.

Внезапно он встал и прошелся по комнате. Он выглянул в окно.

- Здесь на стоянке стоят машины, - сказал он. - Я не вижу людей из этого окна.

Он казался немного расстроенным, но вернулся к своему городу, сел на пол рядом со своим городом и начал передвигать некоторые фигуры.

- Это Тюремная улица, - сказал он. - Вокруг тюрьмы нет ни одного дерева. Тюрьма - здесь, далеко от остальных добрых домов и далеко от церкви. Здесь одиноко и холодно. Но эта церковь ближе к нашим домам, - объявил он, дотронувшись до церковного шпиля. - Этот крест на верхушке указывает направление. А вот это здание здесь - тюрьма. Мой пapa. Его офис - на первом этаже тюрьмы. - Дибс засмеялся. Он разбросал несколько маленьких машинок по улицам. Он пел себе под нос какую-то песенку. Вытащил фигурки матери, отца, девочки и мальчика и

держал их в руках. - Эти люди - это папа, мама, сестра и мальчик. Папа оказался в твоем доме. Он не знает что делать. А это мама. А это мальчик Дибс. Это маленькая девочка со своим отцом. Она идет в тюрьму. Сестра и мама вдут в тюрьму, потому что мне не нужна сестра. - Он швырнул фигурку девочки назад в коробку.

Он опять встал и начал ходить по комнате, тяжело вздыхая.

- В воскресенье я обычно остаюсь дома на целый день, - сказал он. - Воскресенье

- потерянный день. Джек сказал, воскресенье святой день. Но ты видишь эту тюрьму?

- он поднял здание и протянул его мне.

- Да. Я вижу тюрьму.

- Это тюрьма с односторонним движением. Это тюрьма с односторонним движением на улице с односторонним движением. И обратного пути нет, если ты попал в тюрьму. Сейчас туда попала моя сестра.

- Да. Я заметила. Туда попала твоя сестра.

- Город слишком многолюдный, - объявил Дибс. - Они все едут за город. И все эти дома и люди начинают переезжать. Мимо дома Дибса, мимо твоего дома, за город. Он поставил еще один дом.

- Это бабушкин дом, - объяснил он. - Вокруг ее дома нет деревьев. Она любит деревья, и поэтому ей придется приходить к моему дому наслаждаться деревьями. Он поискал среди фигурок и достал фигурку мужчины. Он внимательно его рассмотрел.

- Это большой мальчик, - сказал он. - Я думаю, это Дибс. Я заберу этого маленького ребенка и поставлю выросшего Дибса. - Он поменял фигурки. Поставил фигурку женщины посреди улицы. - Это бабушка, - сказал он. - Хорошая бабушка. Добрая бабушка. А почтальон несет Дибсу письмо. Дибс теперь взрослый. Я думаю, Дибс такой же большой, как и папа. - Он осторожно сравнил фигурки. - Дибс такой же большой, как отец, и больше, чем мама. Вокруг живые изгороди и всякие растения. Они растут, чтобы украсить город. Каждое маленькое зеленое растение помогает городу. Я поставлю заграждения вокруг аэропорта для безопасности. Пожарная машина едет по улице и сталкивается с машинами, потому что здесь очень оживленное движение. Но пожаров больше нет. Все счастливы и находятся в безопасности. Он подошел ко мне.

- Я уезжаю на следующей неделе, - сказал он. - Я уезжаю на все лето. Бабушка проведет это лето вместе с нами. Но, когда я вернусь в сентябре, я хочу опять прийти навестить тебя.

- Я думаю, мы сможем это устроить, - сказала я ему. - И я надеюсь, у тебя будет очень счастливое лето.

Дибс улыбнулся.

- Вчера я получил школьный альбом. В нем моя фотография. Я там в первом ряду, между Сэмми и Фредди. И еще там рассказ, который я написал. Я написал историю о моем доме и большом добром дереве за моим окном. Они напечатали его в школьном альбоме. Ты помнишь, что я говорил тебе о большом добром дереве?

- Да. Я помню.

- На это дерево прилетают птицы, и я открываю окно и говорю с ними. Я посыпаю их по всему миру, в разные места. Я говорю им лететь в Калифорнию, или Лондон, или Рим, петь песни и делать людей счастливыми. Я люблю птиц. Мы с ними друзья. Но есть кое-что еще, что я должен сделать прямо сейчас. Я должен достать мою сестру из коробки и решить, что мне с ней сделать. Она должна остаться дома. И когда папа придет домой с работы, он отругает ее. И потом сестрица отправится жить со свиньями. То же будет и с матерью. - Он засмеялся. - Не похоже, - сказал он. - Они все вместе живут в доме. Мать, отец, сестра и мальчик. - Он взял маленького мальчика, которого он назвал Дибсом, и фигурку «взрослого» Дибса. Подержал их обоих в руках. - Вот маленький Дибс и большой Дибс, - сказал он. - Это я, и это я.

- Я вижу. Ты маленький Дибс и большой Дибс, - прокомментировала я.

- А еще здесь женщина идет по улице. Она идет в мой дом. Кто она? Да это мисс А! Она живет здесь с Дибсом. А сестра живет здесь со своим отцом. У нее нет матери. Только отец, который покупает ей всякие вещи, но оставляет ее одну, когда уходит на работу. Мама упала в реку. Но она выбралась оттуда живая и невредимая, только очень мокрая и очень напуганная. Эта женщина идет по улице. Она вдет в церковь. Она правильно поступает, - он поставил фигурку рядом с церковью. - А эти мужчины идут на войну. Они будут сражаться. Я думаю, что войны и сражения будут всегда. А эти люди - одна семья, и они решили вместе поехать на загородную прогулку и поехали. Они едут на пляж, и они счастливы. Потом к ним присоединяется бабушка, и они все пятеро счастливы вместе.

Дибс склонился над своим городом и передвинул тюрьму.

- Тюрьма прямо напротив дома мисс А, и она говорит, что не любит тюрьмы, и убирает ее далеко, и закапывает ее в песок, и здесь больше нет тюрьмы ни для кого. - Дибс закопал тюрьму в песочнице. - Теперь эти два дома. Твой дом и мой дом, и они начинают медленно отъезжать друг от друга, - он медленно отодвинул дома. - Мой дом и дом мисс А становятся все дальше и дальше друг от друга - примерно на милю. И сестра теперь - маленькая девочка мисс А. Теперь она приходит к мисс А. - Он поставил сестру и мисс А вместе, рядом с домом.

- Сейчас раннее утро и большой Дибс идет в школу. У него в школе есть друг. Этот маленький мальчик - маленький Дибс. - Он взял фигурки в руки и внимательно их рассмотрел. - Этот маленький мальчик очень болен. Он идет в больницу и исчезает. Он становился все меньше и меньше, пока совсем не исчез. - Он пошел и закопал фигурку в песок. - Нет теперь маленького мальчика, - сказал он. - Но большой Дибс - большой, сильный и храбрый. Он больше не боится. - Он посмотрел на меня.

- Большой, сильный, храбрый и больше не боится, - сказала я.

Он вздохнул.

- Мы сегодня попрощаемся, - сказал он. - Я долго не вернусь. Ты уедешь, и я уеду. У нас будут каникулы. И я больше не боюсь.

Дибс пришел к соглашению с самим собой. В своей символической игре он выразил свои обиды, чувства и обрел ощущение силы и безопасности. Он отправился на поиски самого себя, чего требовала его гордая личность. Сейчас он начал строить образ самого себя, который был в большей гармонии с его способностями. Он достиг личной интеграции.

Чувства вражды и мести, которые он выразил по отношению к своему отцу, матери и сестре, недолго вспыхнули, но они не поддерживались ненавистью и страхом. Он изменил маленького, незрелого, испуганного Дибса. Он научился понимать свои чувства. Он научилсяправляться с ними и управлять ими. Дибс больше не был погруженным в чувства страха, злости, ненависти и вины. Он стал личностью, уверенной в своих собственных правах. Он обрел чувство достоинства и самоуважения. И теперь он мог без опаски принять уважение других людей. Он больше не боялся быть самим собой.

Глава 23

Я вернулась из отпуска только первого октября. Меня ожидало несколько сообщений. Одно было от матери Дибса. Я позвонила ей, желая поскорее узнать, что нового принесло это лето этой семье.

- Дибс хочет прийти к вам еще раз, - сказала она. - Первого сентября он сказал мне, что хочет сходить к вам, но я объяснила, что вы не вернетесь до октября. Он не упоминал об этом до первого октября. Первого числа он сказал: «Мама, сегодня первое октября. Ты сказала, что мисс А вернется в это время. Позвони ей и скажи, что я хочу прийти к ней еще раз и потом больше никогда не приходить». Вот, я позвонила. - Она тихо засмеялась.

- Он был замечательным, - сказала она. - У нас было замечательное лето. Я не сумею рассказать, как мы были счастливы и как нам было приятно. Он не похож на

прежнего ребенка. Он счастливый и спокойный. Он прекрасно общается со всеми нами. Он все время разговаривает. На самом деле ему нет особой нужды приходить к вам. И если вы очень заняты, просто скажите, и я объясню это Дибсу. Не нужно говорить, что я не была настолько занята, чтобы не встретиться с Дибсом еще раз. Я назначила встречу на следующий четверг.

Дибс вошел в комнату уверенной походкой с сияющей улыбкой на лице. Он остановился и поговорил с секретаршами в соседнем офисе, которые печатали и переписывали рукописи. Он спросил их о том, что они делают, и нравится ли им их работа.

- Вы счастливы? - спросил он их. - Вам следует быть счастливыми!

В нем произошли заметные перемены со времени его последнего визита. Он был спокойным и счастливым. В его движениях была грация и непосредственность. Когда я вышла в приемную, чтобы встретить его, он ринулся ко мне и протянул руку, чтобы поздороваться.

- Я хотел увидеть тебя еще раз, - сказал он. - И вот я пришел. Пойдем сначала в твой офис.

Мы вошли. Он остановился посередине комнаты и осмотрелся. На его лице сияла улыбка. Он быстро прошелся по комнате, дотрагиваясь до стола, металлического шкафа, кресел, книжных полок. Он вздохнул.

- Какое замечательное, счастливое место, - сказал он.

- Тебе было приятно находиться здесь, правда? - заметила я.

- О, да, - сказал Дибс. - Очень, очень приятно. Здесь так много замечательных вещей.

- Каких замечательных вещей? - спросила я.

- Книги! - сказал Дибс. - Книги, книги и книги. - Он легонько пробежался пальцами по книгам. - Я люблю книги, - сказал он. - И разве это не смешно, что маленькие черные метки на бумаге могут быть такими полезными. Несколько листов бумаги, малюсенькие черные метки - и у вас готов рассказ.

- Да, - ответила я. - Это замечательно.

- Это правда, - сказал Дибс.

Он посмотрел в окно.

- Хороший денек. И такое замечательное окно, чтобы смотреть в него.

Он сел за стол, потянулся за картотекой, изучил карточки и широко улыбнулся.

- Ты оставила его только для тебя и Дибса! - воскликнул он. - Здесь больше никого нет в этой коробке, только ты и я. Только мы двое.

- Разве ты не говорил, что тебе этого хочется? - спросила я.

- Да. Именно так. Ты что, выбросила все остальные карточки? - спросил он.

- Нет. Я положила их в другую коробку. Вот в эту.

- Но эта останется только для нас?

- Раз ты сказал, что тебе этого хочется, - ответила я.

Дибс откинулся в кресле и долго смотрел на меня. На его лице было задумчивое выражение.

- Вот так это было всегда, - сказал он медленно. - Раз ты сказал, что тебе этого хочется, - повторил он. Потом улыбнулся. - Раз я сказал, что мне этого хочется! - воскликнул он.

Он протянул руку и взял чистую карточку. Взял карандаш и что-то написал на карточке. Потом протянул мне.

- Прочти это, - попросил он. - Прочти это мне.

- Прощай, дорогая комната и милые книги. Прощай, дорогой стол. Прощай, окно и небо за этим окном. Прощай, картотека. Прощай, дорогая хозяйка этой замечательной комнаты, - прочитала я ему.

Он потянулся за карточкой.

- Я хочу добавить еще немного, - сказал он. Написал что-то на обороте и вернул мне. Там было написано: «Раз ты сказал, что тебе этого хочется. Раз я сказал, что мне этого хочется. Раз мы сказали, что нам этого хочется».

После того, как я прочитала это, он положил карточку между нашими двумя и все это засунул в ящик.

- Пойдем в игровую, - сказал он. - Пойдем! Пойдем скорей! Пойдем!
Он влетел в игровую стремительно, размахивая руками и смеясь.

- О, как здорово! Как здорово! Как здорово! - кричал он. - Какая замечательная комната.
Он подбежал, открыл кран с водой на полную мощность и отскочил, весело смеясь.

- Вода. Вода. Вода. Лейся и выплескивайся. Разбрызгивайся вокруг. Веселись! - Потом он выключил воду, улыбнулся мне и пошел к мольберту.

- Привет, краски! - сказал он. - Вы все перемешались? Ага. Я это вижу. - Он взял баночку с желтой краской и повернулся ко мне. Знаешь, что? - сказал он.

-Что?

- Я хочу вылить ее на пол, специально.

- Ты хочешь вылить ее на пол, специально?

- Да, - сказал Дибс. - Более того, я это сделаю.

- Ты не только хочешь это сделать, но и сделаешь это?

Дибс отвинтил крышку. Он наклонил баночку, и краска медленно полилась на пол.

- Получится большая лужа краски, - сказал Дибс.

- Тебе она нравится, правда?

- Мне нравится ее выливать, - сказал он. - Мне нравится ее портить.
Когда баночка опустела, Дибс поставил ее на раковину.

- Есть ли хоть одна причина, по которой краска должна быть использована только для рисования? Здесь, в игровой? - спросил он меня. - Я никогда не поступал так с желтой краской, и я почувствовал себя очень хорошо, когда вылил ее всю и избавился от нее. Теперь я возьму тряпку и вытру ее. - Он достал тряпки для уборки и вытер лужу желтой краски так хорошо, как только смог.

Потом Дибс подошел ко мне.

- Я не смогу выразить все, - сказал он.

- Что ты не сможешь выразить? - спросила я.

- Все это. И тебя. Ты - не мама. Ты - не учительница. Ты - не член маминого бридж-клуба. Что ты такое?

- Ты не можешь выразить, что я за человек, да? - сказала я.

- Да, не могу, - сказал Дибс. Он пожал плечами. - Но на самом деле это ничего не значит, - сказал он медленно, смотря мне прямо в глаза. Внезапно он опустился на колени, дотронулся до моих ног и вблизи рассмотрел узор на моих колготках. - Вы - женщина с тысячью малюсеньких дырочек на чулках, - сказал он, рассмеявшись.

Он вскочил, подбежал к столу и взял детскую бутылочку.

- Детская бутылочка, - сказал он. - Дорогая успокаивающая детскная бутылочка. Когда-то ты была нужна мне, ты помогала мне успокоиться. - Он немного пососал из бутылочки. - Я опять был ребенком, и мне нравилась бутылочка. Но шестилетнему Дибсу ты теперь не нужна. Прощай, детскная бутылочка, прощай.

Он огляделся и нашел то, что ему было нужно - железную батарею.

- Прощай, детскная бутылочка, прощай. Ты мне больше не нужна. - Он с силой швырнул бутылку в батарею, и бутылка разбилась на множество кусочков. Вода из бутылки разлилась по полу. Дибс подошел и посмотрел сверху. - Я покончил с этим, - сказал он.

- Тебе больше не нужна детскская бутылочка, и ты избавился от нее? - заметила я.

- Да. Правильно! - сказал Дибс.

Он пошел к песочнице и стал энергично копать песок.

- Закапывать вещи. Закапывать вещи. Закапывать вещи. Потом опять их откопать, если тебе этого захочется, - он засмеялся. - Песок, скажу я тебе, прекрасный материал. Из него можно сделать много всего. Из него даже можно сделать стакан. Я читал об этом в книге.

Он пошел к кукольному домику. Взял кукольную семью и посадил их всех в гостиной.

- Маленькие знакомые человечки. Я прощаюсь с вами. Я посадил вас здесь, в гостиной, и вы будете сидеть и ждать, пока другой маленький ребенок не придет

играть с вами. - Он повернулся и посмотрел на меня. - После того, как я уйду, придет другой ребенок и займет мое место, правда? - спросил Дибс.

- Другой ребенок придет в игровую, - сказала я.

- Ты занимаешься с другими детьми так же, как и со мной, да? - спросил он.

- Да. Я занимаюсь с другими детьми.

- Это делает их счастливыми, - сказал он.

Он подошел к окну и открыл его. Он высунулся наружу и понюхал воздух.

- Из этого окна я увидел мир, - сказал он. - Я увидел грузовики, деревья, самолеты, людей и церковь, на которой колокола звонили «один, два, три, четыре», когда приходило время идти домой.

Он подошел ко мне и сказал почти шепотом:

- Даже если я не хотел идти домой, это все равно был мой дом.

Он взял меня за руки и долго смотрел на меня.

- Я хочу посмотреть эту церковь. Мы можем пойти и прогуляться вокруг нее, а потом зайти в нее и посмотреть?

- Я думаю, мы можем, - ответила я. Это была необычная процедура, но и просьба была необычна. Было достаточно важно в нашу последнюю встречу удовлетворить такую просьбу.

Мы вышли из Центра и прошлись вокруг церкви. Дибс смотрел вверх, потрясенный ее размерами.

- Давай теперь зайдем внутрь. Давай осмотрим ее изнутри, - попросил он.

Мы поднялись по ступеням. Я открыла огромные двери, и мы вошли внутрь. Дибс казался очень маленьким под величественными сводами. Он медленно прошел в центр по проходу между рядами, сделал еще несколько шагов, остановился и посмотрел вокруг с выражением благоговения и изумления на сияющем лице. Он был поражен великолепием собора.

- Я чувствую себя очень, очень маленьким, - сказал он. - Я думаю, наверно, я уменьшился. - Он медленно повернулся и посмотрел на великолепие, его окружавшее.

- Бабушка говорит, церковь - это дом Бога,

- сказал он. - Я никогда не видел Бога, но он, должно быть, очень, очень большой, если ему нужен такой большой-большой дом. А Джейк сказал, что церковь - это святое место.

Внезапно он побежал по проходу к алтарю. Он откинул голову и протянул обе руки вверх, к большому витражу. Он повернулся и посмотрел на меня, онемев на секунду.

Именно в этот момент органист заиграл на органе. Дибс побежал ко мне и схватил мою руку.

- Пойдем! Пойдем! Я боюсь! - закричал он.

- Тебя напугала музыка? - спросила я, когда мы пошли к двери.

Дибс остановился и оглянулся.

- Слушай. Подожди, давай не уходить пока, - сказал он.

Мы остановились.

- Я испугался величины и я испугался шума, - сказал Дибс. - Но здесь так красиво, что я сам наполняюсь сиянием и красотой.

- Ты боишься, но одновременно тебе нравится? - спросила я. - Это очень красивый собор.

Дибс отпустил мою руку и опять прошел по центральному проходу.

- Что издает этот странный шум? - спросил он.

- Это человек играет на органе, и этот шум - органная музыка.

- Ох, - сказал Дибс. - Я раньше никогда не слышал такой музыки. У меня от нее муряшки бегают. - Он опять крепко взял меня за руку. - Я никогда не видел ничего красивее, - прошептал он. Солнце сияло сквозь стекла витража, и вокруг нас лежали цветные блики.

- Пойдем на улицу, - тихо сказал Дибс. Мы пошли к двери. Дибс оглянулся через плечо. Около двери он опять остановился. - Подожди минутку, - прошептал он. - До свидания, Бог. До свидания!

Мы вышли из церкви и вернулись в игровую. На обратном пути Дибс не сказал ни слова. Когда мы вошли в игровую, он сел на стул рядом со столом и улыбнулся мне.

- Это было очень здорово, - сказал он.

- Сегодня я был в доме Бога. Первый и единственный раз я был в доме Бога. Он долго молчал, глядя на свои стиснутые руки.

- Скажи мне, - спросил он вдруг, - почему некоторые люди верят в Бога, а некоторые не верят?

- Я не думаю, что знаю ответ на этот вопрос, Дибс, - ответила я.

- Но это правда, что некоторые люди верят, а некоторые - нет?

- Да. Я думаю, что это так.

- Бабушка верит. А папа и мама - неверующие. И Джейк верит. Он говорил мне об этом.

- Я думаю, каждый поступает по-своему,

- сказала я. - Каждый человек решает сам для себя.

- Интересно, на что похож Бог? - спросил Дибс. - Бабушка однажды сказала мне, Бог - наш небесный Отец. «Отец» это не то, что папа. Я бы не хотел, чтобы Бог был таким, как папа. Потому что иногда мне кажется, что папа не любит меня. А если бы я верил в Бога, как бабушка, мне хотелось бы, чтобы он любил меня. Но бабушка говорит, что папа любит меня. А если любит, то почему я не чувствую этого? Бабушка любит меня, и я люблю ее, я это знаю, потому что чувствую это глубоко в себе. - Он приложил руки к сердцу, посмотрел мне прямо в глаза, тревожно нахмурившись.

- Такие вещи трудно выразить, - решил он после долгого молчания. Подошел к окну и посмотрел на церковь.

- Это дом Бога, - тихо сказал он. - Бабушка говорит, Бог есть любовь. И Джейк говорит, он верит в Бога. Он говорит, что, если он молится, это значит, он говорит с Богом. А я никогда не молился. И мне кажется, мне понравилось бы разговаривать с Богом. Мне бы хотелось услышать, что Он говорит. В школе в моем классе есть мальчик, который верит в Бога. Он католик и верит в Бога. Есть еще один мальчик, он иудей, и он ходит в синагогу -- это дом, который евреи построили для Бога. - Он повернулся и посмотрел на меня. Протянул ко мне руки, раскрыв ладони. - А папа и мама - неверующие люди, поэтому и я тоже. Поэтому я чувствую себя одиноко, оттого, что у меня нет Бога. - Он начал ходить по комнате взад и вперед.

- Бабушка - хорошая женщина. Она ходит в церковь и поет песни о Боге. Она верит.

- Он подошел ко мне, взял мою руку, вглядываясь страстно в мое лицо. - Скажи мне,

- сказал он, - почему некоторые люди верят в Бога, а некоторые не верят?

Это был трудный вопрос.

- Каждый решает сам для себя, когда становится старше, - сказала я. - Каждый человек решает сам для себя, во что ему верить. Но тебя сейчас это смущает, да?

- Да, - сказал он. - Очень смущает. Мы долгое время молчали.

- Знаешь, чем я занимаюсь сейчас? - спросил он меня.

- Нет. Чем?

- Я стараюсь научиться играть в бейсбол. Папа пытается научить меня. Мы вместе ходим в парк. Но папа тоже не умеет играть. По мячу очень трудно попасть битой. И мяч трудно бросить туда, куда ты хочешь. Но я научусь это делать, потому что все мальчишки в школе играют в бейсбол, и я хочу играть с ними. Поэтому я должен уметь. Я очень стараюсь. И я научусь. Но мне бейсбол не очень нравится. Я умею играть в казаки-разбойники и люблю бегать через двор старой миссис Генри. Тогда она кричит на меня.

Прозвенел звонок. Мама Дибса пришла забрать его.

- Прощай, Дибс, - сказала я. - Была очень рада познакомиться с тобой.

- Да, я тоже, - ответил Дибс. - Прощай.

Мы прошли в приемную. Он подскочил к матери и схватил ее за руку.

- Привет, мам, - сказал он. - Я больше не приду сюда. Сегодня мы попрощались насовсем.

Они ушли вместе: маленький мальчик, который получил возможность выразить себя в игре и оказался счастливым, одаренным ребенком, и мама, которая поняла и признала своего очень одаренного ребенка.

Глава 24

Года два с половиной спустя я как-то сидела дома в гостиной и читала. Моя квартира была на первом этаже. Окна были открыты, и голос, очень звонкий, веселый голос, очень знакомый детский голос донесся из открытого окна.

- Я сказал, Питер Мей, спускайся сюда и посмотри на мой двор. В моем дворе двадцать семь разных кустарников и растений. Иди и посмотри!

- Двадцать семь чего, а?

- У меня во дворе разные кустарники и растения.

- Ух, ты.

- Иди и посмотри.

- Видишь, что у меня есть?

- Что это? О, мраморные шарики!

- Да. Давай меняться?

- Давай. На что ты хочешь меняться?

- А что у тебя есть? Что у тебя есть, Дибс? Да. Это был Дибс с другом.

- Я скажу! Я скажу тебе! - кричал Дибс возбужденно. - Ты мне дашь этот голубой шарик со змеиным глазом, а я дам тебе одного из первых весенних червяков.

- Правда? Где они?

- Они прямо здесь! - Дибс порылся в кармане и достал стеклянную баночку, отвинтил крышку с дырками и осторожно извлек одного червяка. Он положил его на грязную ладонь Питеру. Он улыбался. Питер был поражен.

- Помни, - сказал Дибс заботливо, - это первый настоящий весенний червяк.

Очевидно, Дибс недавно переехал в большой дом с садом, дальше по улице. Через несколько дней я встретила его на улице. Мы улыбнулись друг другу. Дибс улыбнулся широкой улыбкой, подошел и взял меня за руку.

- Привет, - сказал он.

- Привет, Дибс.

- Я знаю, кто ты, - сказал он.

- Правда?

- Да! Ты хозяйка замечательной комнаты, - сказал он. - Ты - мисс А.

Мы присели на парапет здания поговорить.

- Да, - сказала я. - А ты - Дибс.

- Я теперь взрослый, - сказал он. - Но я помню, когда я был очень, очень маленьким и первый раз пришел к тебе. Я помню игрушки, кукольный домик и песочницу, а еще мужчин, женщин и детей в мире, который я построил. Я помню колокола, и время, когда надо было уходить, и грузовик. Я помню воду и краски, тарелки. Я помню кабинет, и книги, и магнитофон. Я помню всех людей. И еще я помню, как ты играла со мной.

- Во что мы играли, Дибс?

Дибс пододвинулся ко мне ближе. Его глаза засияли.

- Все, что я делал, делала и ты, - прошептал он. - Все, что я говорил, говорила и ты.

- Да, так и было, - сказала я.

- Да. «Это твоя комната, Дибс», - сказала ты мне. «Это все для тебя. Играй, Дибс. Играй. Никто тебя не обидит. Играй». - Дибс вздохнул. - И я играл. Это было самое замечательное время в моей жизни. Я построил вместе с тобой в игротеке свой собственный город. Помнишь?

- Да, Дибс. Я помню.

- А в последний раз я был у тебя два года, шесть месяцев и четыре дня назад, считая с четверга. Я помню это очень хорошо. Я вырвал из календаря лист и обвел эту дату красным карандашом. Я вставил его в рамку, и он висит на стене в моей комнате. Совсем недавно мне стало интересно, и я подсчитал, как давно это было. Два года, шесть месяцев и четыре дня, считая с четверга.

- Значит, эта дата кажется очень важной для тебя, - сказала я. - И ты обвел ее и повесил на стену. Почему ты это сделал, Дибс?

- Я не знаю, - сказал Дибс. - Я никогда не забуду ее. Даже если пройдет очень много времени. - Последовала длинная пауза. Дибс пристально посмотрел на меня. Глубоко вздохнул. - Поначалу игровая казалось очень, очень большой. И игрушки не были добрыми. И я боялся.

- Ты чего-то боялся там, Дибс? - Да.

- Почему ты боялся?

- Я не знаю. Сначала я боялся, потому что не знал, что ты будешь делать, и я не знал, что буду делать я. Но ты просто сказала:

«Это все твое, Дибс. Играй. Никто тебя здесь не обидит».

- Я так сказала?

- Да, - уверенно сказал Дибс. - Ты так сказала мне. И постепенно я поверил тебе. Так и было. Ты сказал мне идти и сражаться с моими врагами до тех пор, пока они не начнут просить прощения за то, что обижали меня.

- И ты так и сделал?

- Да. Я понял, кто мои враги, и сразился с ними. Но, когда я понял, кто мои враги, я больше уже не боялся. Я понял, что я не чувствую себя несчастным, когда чувствую любовь. Теперь я большой, сильный и не боюсь. Еще я помню церковь, в которую мы ходили, когда я приходил последний раз. Помню, я узнал, что Бог очень большой. Там была очень большая дверь. И потолок был очень высоким, почти касался неба. И когда внезапно заграла музыка, у меня забегали мурashki. Мне хотелось уйти, и одновременно мне хотелось остаться. Я потом еще раз приходил туда. Я поднялся по лестнице к двери. Дверь была закрыта. Я постучал в дверь и крикнул в замочную скважину: «Кто-нибудь есть дома сегодня?» Но, наверное, никого не было, потому что никто не открыл, и я ушел домой.

Я могла только представить Дибса, поднимающегося по ступеням и робко стучащего в эту массивную, резную дверь.

Внезапно, он вскочил.

- Пойдем посмотреть мой двор, - закричал он. - Мой двор очень, очень большой и в нем такое множество растений и кустарников. Угадай, сколько?

- Ну, двадцать семь разных видов?

- Да, - закричал Дибс. - Как ты угадала? Я пересчитывал их две недели, пока их все не пересчитал. Ты когда-нибудь была у меня во дворе?

- Нет. Я никогда не была у тебя во дворе, - ответила я.

- Тогда как ты узнала? Как ты узнала! Ты скажешь, как ты это узнала?

- Ты думаешь, я не могла узнать об этом как-нибудь по-другому?

- Но, - сказал Дибс раздраженно, - это гораздо труднее, чем просто подсчитать. Ты должна внимательно рассмотреть каждое растение и увидеть, чем они отличаются. Потом ты выясняешь, что это за растение. Только после этого ты считаешь их. Записываешь название и местоположение каждого растения. Это не так быстро и не так просто сделать. Это не то, чтобы просто предположить. И если ты никогда не была у меня во дворе и никогда этого не проделывала, тогда как же ты узнала, что там именно двадцать семь различных видов растений?

- Хорошо, Дибс, я скажу тебе, - согласилась я. - На днях я сидела дома и читала у открытого окна, и я слышала, что ты сказал Питеру: «У меня в саду двадцать семь разных растений и кустарников». Это было в тот день, когда ты дал ему первого весеннего червяка.

- Ох! - воскликнул Дибс. - Ты живешь поблизости. Неужели, мисс А, мы теперь соседи!

- Да. Мы теперь соседи.

- Это хорошо, - сказал Дибс. - Тогда пойдем и посмотрим на мой сад.
Мы пошли к Дибсу, и он показал мне все двадцать семь различных разновидностей.

Несколько днями позже я встретила на улице его мать и отца. Мы обменялись приветствиями, и они оба опять поблагодарили меня за ту помощь, которую я им оказала. Они сказали, что Дибс продолжает поразительно изменяться, что сейчас это хорошо приспособляющийся, счастливый ребенок, что он делает успехи. Теперь его перевели в школу для одаренных детей, и ему там очень хорошо.

Как раз в этот момент Дибс выехал из-за угла на велосипеде, вопя, как индеец.

- Дибс, - позвала его мать. - Дибс, иди, посмотри кто здесь. Ты помнишь эту женщину?

Дибс подошел, ухмыляясь.

- Привет, - крикнул он.

- Привет, Дибс, - сказала я.

- Твоя мама задала тебе вопрос, Дибс, - сказал его отец.

- Да, папа. Я слышал, - сказал Дибс. - Она спросила, знаю ли я эту женщину. Конечно, я знаю ее. Она мой самый первый друг.

Папа казался немного смущенным.

- Ну, раз ты слышал маму, почему ты не ответил ей?

- Извини, папа, - сказал Дибс. Он моргнул.

- Очень рад был встретить вас, - сказал папа мне. - Извините, но мне нужно идти. - Он направился к машине.

Дибс крикнул ему вдогонку:

- Я не ответил вам с мамой, потому что я встретил мисс А пять дней назад.

Папа покраснел, быстро сел в машину и уехал.

Мама выглядела немного расстроенной.

- Не нужно так, Дибс, - сказала она. - И почему ты не называешь ее полным именем? Почему всегда мисс А?

Дибс вскочил на велосипед.

- Мисс А. Мисс А. Особенное имя для особенного друга, - крикнул он. Пронесся по улице, воя, как пожарная машина.

Да. Дибс изменился. Он научился быть самим собой, верить в себя, быть свободным. Теперь он был спокоен и счастлив. Он мог себе позволить быть ребенком.

Эпилог

У Дибса были сложные периоды, и какое-то время его жизнь была омрачена. Но у него была возможность выйти из темноты и найти себя, чтобы справиться с темнотой и светом в своей жизни.

Наверное, в жизни больше смысла и красоты, когда ослепительный солнечный свет смягчен узорами теней. Возможно, взаимоотношения становятся глубже, если случаются бури. Опыт, который никогда не расстраивает, не опечаливает и не взволновывает чувства - стерильный опыт, в котором мало откликов и оттенков. Возможно, когда мы испытываем смелость, уверенность и надежду, мы видим, как воплощаются в нас чувства внутренней силы, отваги, мужества и безопасности.

Все мы - индивидуальности, которые растут и развиваются в результате нашего опыта, взаимоотношений, мыслей и эмоций. Мы - общий итог всех составляющих частей жизни.

Почему я считаю, что историей о Дибсе стоило поделиться? Я представила часть этих материалов студентам на лекциях, которые читала в университете и на курсах.

И однажды я получила письмо от бывшего студента.

«Я отнимаю у вас время тем, что пишу вам. Я был одним из сотен ваших студентов, и, возможно, вы даже не видели меня в лицо, но, поверьте мне, я вас внимательно слушал. Сейчас я за океаном - снова в форме, - и ожидается, что

мы скоро передислоцируемся. Недавно ночью, в казарме я невольно подслушал один разговор, и все американское, домашнее вдруг нахлынуло на меня. Я помню, вы часто говорили, что есть важные вещи, которые мы помним даже после того, как забудем все остальное. И прошлый опыт может заставить нас сбратьсяся. Както ночью мы были здесь - лишенные мужества, подавленные, и удивительно, не знаю, что, черт возьми, это было, но Дибс оказался здесь. Парень за столом напротив меня рассказывал про Дибса. Вы можете вообразить, что это было для меня? Я не дал ему закончить.

- Откуда, черт возьми, ты узнал про Дибса? - спросил я его.

Он рассказал мне. Мы не были с ним в одной группе; мы не учились с ним в один год; мы даже не были в одном и том же университете. Но он говорил о том же самом ребенке. Я не стал объяснять ему, как много это значило для меня, - не только для меня, но для всех, потому что вместе мы рассказали эту историю всем остальным. Дибс стал для нас символом всех тех ценностей - человеческих ценностей, которые мы с таким трудом старались сохранить. И тогда кто-то сказал: «С Дибсом мы не можем проиграть».

Но больше всего меня поразило то, насколько реален был Дибс, какую силу он имел, и что он стал частью меня. Я учился на администратора, и я не очень силен в психологической терминологии. Я уверен, я упускал все психологическое содержание случая этого пациента, но, Бог свидетель, Дибс - единственный реальный человек, которого я встретил в аудитории и который смог научить меня, что значит быть цельной личностью, - и даже больше. Я никогда не забуду эти три строчки: «Раз ты сказал, что тебе этого хочется. Раз я сказал, что мне этого хочется. Раз мы сказали, что нам этого хочется». Я думаю, Дибс хотел того же, чего хочется нам всем в этом мире. Возможности почувствовать то, что стоит почувствовать. Возможности быть человеком желанным, уважаемым и принятным как человеческое существо, заслуживающее это высокое звание».

Семья Дибса переехала в пригород, и я потеряла с ними всякую связь. Прошли годы. Однажды мой друг, который преподавал в школе для одаренных детей, показал мне письмо из школьной газеты. Оно было адресовано директору и всему преподавательскому составу школы. Мой друг ничего не знал о Дибсе. Но он знал, что я интересовалась любыми критическими замечаниями, которые делали дети. И некоторые ясно показывали, как много понимания и мужества они способны привнести в нашу каждодневную жизнь, если им будет дана возможность оставаться самими собой. Я прочла открытое письмо в школьную газету:

Это открытое письмо направлено против возмутительного исключения из школы одного из моих товарищ по классу и моего друга. Я действительно возмущен вашей черствостью и недостатком понимания и сочувствия. Говорят, что мой друг был «лишен права посещать школу с позором», потому что был пойман на жульничестве во время экзаменов. Мой друг сказал мне, что он не жульничал, и я верю моему другу. Он сказал, что он проверял одну дату - важную дату нашей истории, - он хотел убедиться в правильности указанной даты, и в таком случае она действительно должна была быть проверена. Я думаю, вам не всегда удается понять причины того, что мы делаем. Вы вменяете в вину то, что человек пытался проверить точность? Или вы предпочитаете, чтобы он запятнал свою репутацию невежеством? Каково же тогда назначение экзаменов? Они увеличивают наши достижения в учебе? Или они инструмент, приносящий страдания, оскорблений и глубокую обиду человеку, который так старается преуспеть?

Один из преподавателей сказал моему другу перед всем классом, что если школа слишком трудное место для него и он вынужден обманывать, чтобы удержаться здесь, то для него будет лучше перейти в другую школу. Я лично был оскорблен этим замечанием. Мне стыдно за мою школу. Неужели все это время ее двери не были открыты для всех, кто хотел прийти в нее и быть вместе с нами? Есть вещи еще более важные в этом мире, чем демонстрация власти и силы, более важные, чем месть, наказание и обида. Вы, те, кто занимается образованием, вы должны закрыть двери неведению, предубеждению и низости. Если мой друг не получит

извинения за нанесенную его гордости и самоуважению обиду и не будет восстановлен, я не вернусь в школу.

Искренне, и надеясь на действия,
с уважением,
Дибс.

- Сколько ему сейчас?
- Пятнадцать.
- Он пишет интересные письма, - сказала я. - Что он из себя представляет?
- Это замечательный мальчик. У него есть идеалы. Он интересуется всем и всеми. Очень чувствительный. Настоящий лидер. Я думаю, вам бы понравился этот нарушитель общественного спокойствия. И он поступает так, как говорит. Школа не захочет его потерять. Наверное, они последуют его совету. - Он засмеялся. - Вы хотите сохранить это для своей коллекции новых храбрых слов в защиту всеобщей справедливости и равноправия?
- Спасибо, - сказала я. «Искренне, и надеясь на действия». Я верю в это.

Послесловие автора

Родители Дибса дали письменное разрешение на запись всех терапевтических сеансов и на использование всех записанных материалов для исследований, лекций и публикаций, если терапевт сочтет, что подобный отчет внесет вклад в наше понимание детского поведения. Ни одна терапевтическая сессия не была записана мной без письменного разрешения родителей.

Эта книга написана на основе записей этих сессий. Записи были отредактированы, чтобы скрыть информацию, которая могла бы идентифицировать личность Дибса. Из них убраны реальные даты и некоторые повторяющиеся замечания, чтобы облегчить и сгладить отчет. Диалоги между Дибсом и его терапевтом в основном дословно переданы в Детский Центр. Беседы с его матерью также были взяты из записей ее сессий, но переданы не в полном объеме, потому что некоторые материалы носили личный характер и были хорошо узнаваемыми, а кроме того, не имели прямой связи с Дибсом. Однако ни одного слова Дибса или его матери не было искажено.

Ребенок, которому был дан еще один шанс, обрел возможность настоящего, открытого общения. Мать, которую уважали и достойно принимали, тоже смогла искренне выражать свои чувства, потому что она знала, что ее не будут критиковать и упрекать.

Через неделю после того, как завершился курс игровой терапии, клинический психолог провел с Дибсом тест на интеллект Стенфорда-Бине. Дибс проявил себя в качестве заинтересованного и внимательного сотрудника. Он установил хорошие взаимоотношения с экспериментатором, которого он раньше никогда не видел. По результатам теста коэффициент его интеллекта равнялся 168 IQ.

В то же время был проведен тест на чтение. Скорость чтения у Дибса на год превышала показатели, характерные для его возраста, и была на порядок выше. Он продолжал правильно отвечать на все вопросы, когда остановил тестирование, объяснив экзаменатору, что он не особенно беспокоится о таком чтении, когда «перепрыгивают от одной мысли к другой без надобности». Он сказал, что, когда он читает, он «предпочитает что-нибудь по-настоящему интересное».

Результаты теста показали, что Дибс - исключительно одаренный ребенок, эффективно использующий свои способности.